

СЕВАСТОПОЛЬ- ГОРОД- ГЕРОЙ

★ ГОРОДА-ГЕРОИ ★

П. Е. ГАРМАШ

СЕВАСТОПОЛЬ- ГОРОД- ГЕРОЙ

МОСКВА
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1983

ББК 63.3(2)722.72

Г20

Рецензенты генерал-лейтенант в отставке П. А. Моргунов
и доктор исторических наук капитан 1 ранга запаса А. В. Басов.

Гармаш П. Е.

Г20 Севастополь — город-герой. — М.: Воениздат,
1983. — 128 с., 8 л. ил. — (Города-герои).

В пер.: 45 к.

Книга посвящена основным этапам истории Севастополя. В центре повествования — героическая оборона города в 1941—1942 гг., боевые подвиги моряков-черноморцев и воинов Приморской армии.

Книга рассчитана на массового читателя.

Г 1304010000-161 25-83
068(02)-83

ББК 63.3(2)722.72

9(С)27

© Воениздат, 1983

ВСЕГДА С ФЛОТОМ

Каждые полчаса на башне Матросского клуба, взметнувшего ввысь свой тонкий шпиль, бьют куранты, и над белокаменным Севастополем разносится мелодичный перезвон, вызывая в памяти слова песни, ставшей его своеобразным гимном:

Легендарный Севастополь,
Неприступный для врагов,
Севастополь, Севастополь —
Гордость русских моряков...

Город-герой. Город-легенда. Да и само название — Севастополь, означающее величественный город, город, достойный поклонения, стало синонимом таких высоких слов, как мужество, стойкость, революционный энтузиазм, воинская и трудовая доблесть.

История Севастополя неразрывно связана с историей Черноморского флота. Да и самим рождением своим город обязан флоту, который создавался одновременно с закладкой первых севастопольских зданий. Этим определяются облик Севастополя, его биография, вся его жизнь.

2 мая 1783 г., после присоединения Крыма к России, эскадра кораблей Азовской флотилии под флагом вице-адмирала Ф. А. Клокачева, героя Чесменского сражения, назначенного «для командования заводимым флотом... на Черном и Азовском морях», бросила якоря в пустынной Ахтиарской бухте, которой вместе с воздвигавшимся на ее берегах Севастополем суждено было стать главной базой нового российского военного флота. Вскоре в бухту вошел также отряд Днепровской флотилии. Всего первая Севастопольская эскадра насчитывала 17 кораблей¹.

Важное военно-стратегическое значение бухты одним из первых оценил будущий великий русский полководец А. В. Суворов, командовавший в то время русскими войска-

¹ См.: История городов и сел Украинской ССР. Крымская область. Киев, 1974, с. 112.

ми Крыма и Кубани. Бухта привела в восторг и русских моряков. Адмирал Клокачев доносил в Петербург, что «во всей Европе нет подобной сей гавани — положением, величиною и глубиною»¹.

С приходом эскадры ожили гавани и лежавшие в безмолвии берега. В нескольких километрах от развалин древнего Херсонеса застучали топоры, кирки, лопаты. Матросы эскадры Клокачева стали первыми строителями будущего города. Создание порта и крепости начали с сооружения пристаней, складов, жилья, береговых укреплений. Для строительства использовались местный лес и камни с херсонесских развалин. Строительными работами тогда руководил флаг-капитан (начальник штаба эскадры) Д. Н. Сенявин, впоследствии прославленный адмирал.

3 июня 1783 г. на западном берегу Южной бухты были заложены четыре первых каменных строения: дом начальника эскадры, часовня, кузница будущего адмиралтейства и пристань. При входе в гавань были установлены батареи. Одновременно возводились дома для командиров кораблей и других офицеров эскадры, казармы и бани для матросов. На хребте городского холма (ныне Матросский бульвар) стали возникать временки, наспех построенные из плетней, обмазанных глиной, и покрытые камышом и соломой. В них селились семейные матросы, солдаты, а также ремесленники. И хотя указ об основании в Ахтиарской бухте военного порта с адмиралтейством, крепостью и военным городом был издан 10 февраля 1784 г., начало основания базы относится к июню 1783 г.

В марте 1784 г. последовал указ об открытии Севастополя «для всех народов, в дружбе с империей нашей пребывающих, в пользу торговли их с нами». Военный порт становился также коммерческим, торговым портом.

Молодой Черноморский флот пополнялся новыми кораблями, строительство которых было налажено в Херсоне, являвшемся тогда главным военным портом флота. В сентябре 1784 г. в Севастопольскую бухту вошел первый крупный 66-пушечный линейный корабль «Слава Екатерины», построенный херсонскими корабелями.

Через год в состав эскадры был включен линейный корабль «Святой Павел». Командовал им капитан 1 ранга Ф. Ф. Ушаков, с именем которого связано зарождение боевой славы Черноморского флота. А в 1787 г. в бухте стояло уже 45 различных военных судов, в том числе 3 линейных

¹ Морской сборник, 1852, № 1, с. 40.

и 3 бомбардирских корабля, 12 фрегатов. Личный состав эскадры насчитывал около 5 тыс. человек¹.

Уже в первые годы существования Севастополя проявилось его стратегическое значение как важнейшей базы флота. В 1787 г. Турция вновь объявила войну России, пытаясь вернуть себе Крым. 3 июля 1788 г. у острова Фидониси молодая Черноморская эскадра в своем первом крупном сражении нанесла поражение турецкому флоту, вдвое превосходившему ее по численности кораблей и артиллерии. В этом бою впервые ярко проявился флотоводческий талант Ф. Ф. Ушакова, командовавшего авангардом эскадры. Отказавшись от принятой в то время линейной тактики, он искусно маневрировал кораблями, эффективно применил новый прием атаки — нанесение решительного удара по неприятельскому флагманскому кораблю.

С этого времени эскадра не раз выходила из Севастопольской бухты навстречу врагу и всегда возвращалась в родную гавань с победой.

В январе 1789 г. Ф. Ф. Ушаков был назначен начальником Севастопольской эскадры и порта, а в марте 1790 г. он возглавил весь Черноморский флот. Под его командованием флот одержал много блестящих побед в морских сражениях на Черном и Средиземном морях. Одновременно адмирал уделял большое внимание развитию Севастополя. При нем завершилось строительство основных портовых сооружений, были возведены новые укрепления, расширено адмиралтейство, построены каменные казармы и большое двухэтажное здание морского госпиталя.

Развитие Севастополя ускорилося после 1804 г., когда он был официально объявлен главным военным портом Черноморского флота. К тридцатым годам он стал самым крупным городом Крыма. Население его вместе с военными моряками составляло около 30 тыс. человек. Здесь более быстрыми темпами развивалась промышленность, одно за другим возникали небольшие предприятия. С 1808 г. велось кораблестроение.

Благоустранивался же город лишь в центральной части, где стояли дома купцов, крупных чиновников, старших офицеров. Условия жизни трудового народа были невыносимо тяжелыми. Мастерские адмиралтейства, мелкие ремесленники, грузчики, поденщицы, работая от зари до зари, получали ничтожную заработную плату. Многие из них были вынуж-

¹ См.: Головачев В. Ф. История Севастополя как русского порта. Спб., 1872, с. 101—103.

дены уходить на сезонные работы в окрестные помещичьи имения и села, но не всегда был хороший урожай, а значит, и заработок.

В еще более тяжелом положении находились матросы флотских и рабочих экипажей, а также их семьи. Бесправие, жестокая дисциплина, основанная на телесных наказаниях, казнокрадство, плохое питание и антисанитарные условия, вызывавшие высокую смертность среди матросов и солдат, превращали службу, длившуюся 20—25 лет, в настоящую каторгу.

Особенно невыносимым стало положение, когда в Севастополе был введен жесткий противочумный карантинный режим, обрекавший население на голодную смерть. Доведенные до отчаяния, жители Хребта, Корабельной и Артиллерийской слободок, матросы и солдаты поднялись против угнетателей с оружием в руках.

Севастопольское восстание было одним из самых крупных выступлений народных масс в прошлом веке. Готовилось оно заранее, восставшие избрали военный совет, создали отряды, действовали по заранее разработанному плану.

Вечером 3 июня 1830 г. город был взбудоражен набатом церковных колоколов — сигналом к выступлению. Отряды горожан и вооруженных матросов смяли части, стоявшие в оцеплении Корабельной слободы. Как доносила жандармерия, «были ниспровергнуты все власти города», и Севастополь в течение четырех дней фактически находился в руках восставших.

События в Севастополе привели в испуг Николая I, у которого еще свежо было в памяти восстание декабристов. Он наделил Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора неограниченными полномочиями по борьбе с восстанием. Оно было подавлено с помощью войск, стянутых из других городов Крыма. Царские власти жестоко расправились не только с его участниками, но и с не причастными к нему жителями слободок.

С начала XIX в., и особенно после Отечественной войны 1812 г., Черноморский флот начинает приходить в упадок. Царское правительство, сместив в 1802 г. попавшего в опалу Ф. Ф. Ушакова, командование флотом поручало бездарным людям или проходимцам и авантюристам из иностранцев типа маркиза де Траверсе, бежавшего из Франции во время буржуазной революции. Их менее всего заботило усиление морской мощи России.

Дальнейшее строительство Севастополя и повышение боеспособности Черноморского флота связано с именем адмира-

ла М. П. Лазарева, замечательного русского флотоводца и ученого-мореплавателя. За 18 лет, предшествовавших Крымской войне, он полностью обновил Черноморский флот, при нем было построено 152 военных корабля и транспортных судна. Лазарев явился инициатором создания железных военных кораблей, к строительству которых на Западе приступили значительно позднее. При нем были построены первые паровые суда, а линейные корабли и фрегаты стали вооружаться бомбическими пушками. Следуя традициям адмирала Ушакова, Лазарев добился исключительно высокой боевой выучки личного состава. Под его началом выросла целая плеяда талантливых русских флотоводцев, таких, как В. А. Корнилов, П. С. Нахимов, В. И. Истомин.

При Лазареве Севастополь стал первоклассной морской крепостью. Вход в бухту прикрыли пять мощных береговых батарей.

Под руководством Лазарева был составлен план возведения оборонительных сооружений для прикрытия города и с суши. Однако необходимых средств царское правительство не отпустило, и к началу Крымской войны удалось построить лишь бастион № 7, несколько оборонительных казарм и стены между пятым, шестым и седьмым бастионами — с западной части города.

На мысе, расположенном между Южной и Корабельной бухтами, было построено новое адмиралтейство с пятью сухими доками и эллингом.

В этот период большое внимание уделялось и развитию города, которое велось по генеральному плану, разработанному в 1838 г. при непосредственном участии Лазарева. В Севастополе появились целые кварталы новых каменных зданий, благоустроенные бульвары. Нынешний вид приобрела Графская пристань.

Значительное место в истории Севастополя занимают события, связанные с Крымской войной, возникшей в результате обострения империалистических противоречий между Англией и Францией, с одной стороны, и Россией — с другой. Героическая оборона города, доблестные действия моряков флота принесли черноморской твердыне мировую известность и славу.

После сражения на реке Альме русские войска, вдвое уступавшие противнику в численности, отошли сначала к Севастополю, а затем к Бахчисараю. Защита главной базы флота осуществлялась силами моряков, саперных и резервных пехотных частей и подразделений. Фактическими организаторами и душой обороны Севастополя были начальник

штаба флота вице-адмирал В. А. Корнилов и командующий эскадрой вице-адмирал П. С. Нахимов, разгромивший турецкий флот в Синопском сражении в ноябре 1853 г.

С моря город прикрывали береговые батареи. Чтобы преградить неприятельскому флоту путь на севастопольский рейд, у входа в Северную бухту были затоплены старые парусные суда — пять линейных кораблей и два фрегата.

С суши же Севастополь был защищен слабо. Вице-адмирал Корнилов еще в марте 1854 г., с объявлением войны союзниками, представил главнокомандующему Крымской армией и Черноморским флотом А. С. Меншикову план строительства сухопутных укреплений, но этот бездарный царский сановник оставил его без внимания. И когда союзные войска двинулись к Севастополю, его защитники, воодушевляемые В. А. Корниловым, П. С. Нахимовым и В. И. Истоминным, в считанные дни, работая круглые сутки, возвели вокруг базы оборонительные сооружения.

Англо-французское командование, встретив перед собой столь мощную оборону, было вынуждено провести основательную подготовку к генеральному штурму города. Это время защитники Севастополя использовали для завершения строительства укреплений.

На вновь оборудованных 20 батареях и 7 бастионах к 5 января они установили более 340 орудий, большинство которых было снято с затопленных кораблей. Гарнизон Севастополя к концу сентября увеличился до 30 тыс. человек за счет войск Крымской армии.

5 октября неприятель предпринял первую массированную бомбардировку города с суши и моря. Севастопольцы ответили точным интенсивным огнем, хотя значительно уступали в численности артиллерии. Встретив упорное сопротивление и понеся большие потери, противник прекратил обстрел и отложил генеральный штурм.

В тот день на Малаховом кургане был смертельно ранен вице-адмирал В. А. Корнилов. Его последние слова были обращены к севастопольцам: «Я счастлив, что умираю за Отечество... Отстаивайте же Севастополь!»

Новый штурм города был назначен на 25 октября, но накануне русская армия, подошедшая к Инкерману, атаковала позиции англо-французов. И хотя сражение закончилось неудачно для нее, неприятель опять был вынужден отложить штурм. Борьба под Севастополем приняла затяжной характер.

Зимой защитники города совершали отчаянные вылазки в стан врага. Не прекращая активных боевых действий, они

продолжали совершенствовать свою оборону, делая ее глубоко эшелонированной, что явилось новшеством в мировой фортификации.

Не принесли успеха англо-французам и последующие массированные артиллерийские бомбардировки, длившиеся по нескольку дней.

В мае 1855 г. они, готовясь к решительному штурму, получили значительные подкрепления. Численность их войск под Севастополем достигла 173 тыс. человек.

Ранним утром 6 июня после сильной двухдневной бомбардировки начался штурм города. Сражение длилось весь день. Наиболее жаркий бой шел за Малахов курган.

Несмотря на значительное численное превосходство противника, все его атаки были отражены. Штурм закончился провалом. Это явилось замечательной победой русских войск и, как писал К. Маркс, первым серьезным поражением французо-английской армии.

Осада города не ослабевала. Его защитники все более остро ощущали нехватку оружия, боеприпасов и продовольствия. Севастополь по-прежнему находился под постоянным обстрелом.

28 июня на Малаховом кургане был смертельно ранен П. С. Нахимов, который фактически был руководителем обороны Севастополя. Через день адмирал скончался.

4 августа произошло сражение на Черной речке. Русские войска, атаковавшие превосходящие силы противника, потерпели неудачу.

Через двадцать дней англо-французские войска начали шестую, последнюю бомбардировку. Только по Малахову кургану вели огонь 110 орудий. В результате трехдневного ожесточенного обстрела укрепления Малахова кургана были разрушены. 27 августа начался штурм Севастополя. В результате упорного боя французы овладели Малаховым курганом.

После потери Малахова кургана, являвшегося ключевой позицией обороны, войска Севастопольского гарнизона оставили Южную сторону города как невыгодную для дальнейшей обороны. Вскоре противник, не сумев овладеть Северной стороной, отказался от активных действий. Ему так и не удалось сломить волю севастопольцев к сопротивлению и полностью овладеть городом.

В обороне Севастополя, явившейся главным событием Крымской войны, ярко проявились героизм и стойкость русских людей, их самоотверженность при защите родной земли.

По условиям Парижского мирного договора Россия лишилась права иметь на Черном море военный флот и крепости.

Лежавший в руинах Севастополь отстраивался мучительно долго. На его восстановление ушло около пятидесяти лет. Оно началось, по сути, лишь с завершением в 1875 г. строительства железной дороги, соединившей город с Центральной Россией, и с началом возрождения Черноморского флота.

С 80-х годов Севастополь вновь становится важным судостроительным центром. В 1883 г. на стапелях адмиралтейства были заложены первые в мире многобашенные броненосцы «Чесма» и «Синоп».

В конце 90-х годов город третьим в России — вслед за Петербургом и Москвой — получил электроэнергию и трамвай. В 1894 г. здесь появляются первая в Крыму телефонная станция, телеграф, водопровод. Постепенно в Севастополе открываются частные пансионы, школы, уездные училища, библиотеки, в том числе восстановленная Морская библиотека, располагавшая значительным по тому времени книжным фондом.

В 1871 г. в городе открывается научно-исследовательская морская биологическая станция — одна из первых в мире. В октябре 1882 г. здесь начинает издаваться первая в Крыму городская газета.

К 50-летию Севастопольской обороны по оборонительной линии были сооружены мемориальные комплексы и памятники адмиралам В. А. Корнилову, П. С. Нахимову, генералу Э. И. Тотлебену, защитникам бастионов, затопленным кораблям.

К началу XX в. город, являвшийся главной базой Черноморского флота, стал и самым крупным промышленным центром Таврии. К этому времени значительно увеличилось число рабочих. Как и повсюду в стране, их положение было тяжелым и бесправным. За 12—16-часовой изнурительный труд они получали гроши. Ютились со своими семьями в жалких лачугах городских слободок, а то и в приспособленных под жилье пещерах. В городе росла безработица. Все это вызывало протест трудящихся. Повышалось их классовое самосознание. Революционные выступления приобретали все более организованный характер. Этому способствовал переход к строительству парового броненосного флота, требовавшего квалифицированных специалистов. Многие рабочие прибывали в Севастополь из крупных промышленных центров страны, пройдя определенную школу революционной борьбы. Сказывалось и то, что на флотскую службу все

больше призывалось рабочей молодежи. Эти обстоятельства сыграли важнейшую роль в развитии революционного движения в Севастополе, на Черноморском флоте и на всем юге страны.

Пламя революционных выступлений полыхало над Севастополем до победы Великого Октября. С особой силой оно вспыхнуло под влиянием ленинской газеты «Искра», которая стала появляться в Севастополе с начала 1901 г. С ней связано возникновение в городе первых социал-демократических кружков, в которые входили рабочие мастерских Севастопольского порта и революционно настроенные моряки Черноморского флота. В апреле 1902 г. кружки объединились в Севастопольскую рабочую организацию. Ее члены коллективно читали и обсуждали нелегальную социал-демократическую литературу, печатали на гектографе и распространяли листовки, вели политическую работу среди рабочих и матросов, организовывали сходки за городом.

Постепенно социал-демократические группы возникли и на военных кораблях — на учебном крейсере «Березань», на бронепосадах «Екатерина II» и «Потемкин», учебном судне «Прут». Сильная социал-демократическая организация сложилась на новом крейсере «Очаков».

В 1903 г. был образован Севастопольский комитет Российской социал-демократической рабочей партии, а в следующем году — Севастопольская военная организация РСДРП и ее Центральный флотский комитет, вошедший в историю под названием матросская Централка. В Централке, как и в Севастопольском комитете РСДРП, преобладали большевики. Они развернули активную революционную деятельность среди матросов и солдат гарнизона, страдавших от плохого питания, грубого обращения большинства офицеров, бесправия. В июле 1903 г. произошло первое массовое волнение матросов. Оно вспыхнуло на учебном судне «Березань» в учебном плавании. В ноябре следующего года произошло крупное выступление матросов флотской дивизии, размещавшейся в Лазаревских казармах.

Эти события явились предвестниками восстания на броненосце «Потемкин» и Севастопольского ноябрьского восстания.

Революционная борьба в Севастополе, как и по всей стране, нарастала. Ее накал усилился в период русско-японской войны, принесшей новые бедствия трудовому народу и обострившей все противоречия общественной жизни в стране. Моряки-черноморцы и рабочие Севастополя приняли активное участие в начавшейся первой русской революции. В июне

1905 г. прогремел революционный взрыв на броненосце «Потемкин». Затем восстал экипаж учебного корабля «Прут». Севастопольцы поддержали эти выступления шеститысячной демонстрацией. Броненосец «Потемкин», на гафеле которого одиннадцать дней реяло красное знамя, стал первым кораблем революции. Придавая огромное значение восстанию на «Потемкине», В. И. Ленин писал в газете «Пролетарий»: «Первый шаг сделан. Рубикон перейден. Переход армии на сторону революции запечатлен перед всей Россией и перед всем миром. Новые еще более энергичные попытки образования революционной армии последуют неминуемо за событиями в Черноморском флоте»¹.

И они последовали. В ноябре восстали экипажи 14 кораблей и солдаты ряда частей главной базы Черноморского флота.

Большевики выступали за решительную вооруженную борьбу, успех которой зависел от присоединения к восстанию всего флота. Однако позиция меньшевиков, преобладавших тогда в Севастопольском комитете РСДРП, предопределила нерешительность в действиях восставших, которые поэтому не сумели вовлечь в вооруженное выступление основные силы эскадры и береговые части. Это в конечном итоге привело их к поражению.

Севастопольское ноябрьское восстание явилось самым крупным вооруженным выступлением на Черноморском флоте в период первой русской революции. Несмотря на поражение, оно сыграло большую роль в революционном движении в России. «Едва ли есть основание ликовать победителям под Севастополем, — писал в те дни В. И. Ленин. — Восстание Крыма побеждено. Восстание России непобедимо»².

Царские власти жестоко расправлялись с участниками революционных выступлений в Севастополе и на флоте. Однако никакие репрессии не могли задуть борьбу матросов и солдат против прогнившего строя. Городской комитет РСДРП продолжал выпускать многочисленные листовки и прокламации. В марте 1906 г. начала выходить нелегальная большевистская газета «Солдат». В июне того же года восстали солдаты севастопольской крепостной артиллерии. В мае 1907 г. готовились поднять вооруженное восстание матросы эскадры, но командованию флота удалось сорвать выступление. В конце 1910 — начале 1911 г. произошли волне-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 337.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 116.

ния среди солдат гарнизона. В 1912 г. большевики флота вели подготовку нового крупного восстания на кораблях. Его планировалось начать одновременно с выступлением на Балтийском флоте. Однако и на этот раз царские власти сумели предотвратить восстание. И вновь последовали жестокие репрессии.

Революционные выступления на флоте и в Севастополе не прекращались и в годы империалистической войны. Разгромленные царской охранкой в 1912 г., социал-демократические организации вновь стали постепенно возникать в городе и на кораблях. Однако летом 1916 г. по ним вновь был нанесен удар. Последовали массовые аресты. До тысячи революционно настроенных моряков были отправлены на другие флоты и в отдаленные гарнизоны. Это, конечно, не могло не отразиться на ходе политической борьбы в Севастополе в 1917 г. Вот почему первое время после победы Февральской буржуазно-демократической революции в городе главенствовали мелкобуржуазные партии меньшевиков и эсеров.

В марте 1917 г. в Севастополе возникает Совет депутатов армии, флота и рабочих. В конце апреля в городе создается первая в Крыму самостоятельная большевистская организация. В трудных условиях политической борьбы большевики постепенно завоевывали доверие масс, вырывая их из-под влияния меньшевиков и эсеров.

Утром 26 октября (8 ноября) 1917 г. Севастополь узнал о победе Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. Трудящиеся города и матросы вышли на улицы с лозунгом «Да здравствует социалистическая революция!». На многих кораблях были подняты красные флаги. Состоявшийся в те дни I Общечерноморский флотский съезд признал «единственным источником власти» ЦИК Всероссийского съезда Советов и приветствовал Совет Народных Комиссаров, возглавляемый В. И. Лениным. Однако меньшевики и эсеры, заседавшие в Севастопольском Совете и созданном в августе Центрофлоте, стали всячески саботировать мероприятия и декреты Совнаркома. Тогда рабочие и революционные моряки потребовали переизбрания Совета. Лишенный поддержки масс, он фактически перестал существовать.

В ночь на 29 декабря¹ власть в городе была передана Военно-революционному комитету. А через несколько дней состоялись выборы нового состава Совета, в котором преобладали большевики. Эта победа революционных сил в Сева-

¹ Здесь и далее даты приводятся по новому стилю.

стополе и на Черноморском флоте явилась составной частью Великой Октябрьской социалистической революции.

Революционные моряки-черноморцы оказали помощь трудящимся юга России в установлении Советской власти в Крыму и во многих городах и районах Украины, Кавказа, Кубани, Дона.

В годы гражданской войны и военной интервенции Севастополь неоднократно переходил из рук в руки. В мае 1918 г. его оккупировали германские войска, которых в ноябре того же года сменили интервенты стран Антанты.

Под руководством коммунистов в городе развернулась активная борьба против оккупантов и белогвардейцев.

Под влиянием севастопольских подпольщиков в декабре 1918 г. вспыхнуло восстание на болгарском крейсере «Надежда». Над кораблем взвился красный флаг. Болгарские военные моряки заявили о своем нежелании участвовать в войне против Советской Республики и потребовали возвращения на родину.

В апреле 1919 г. восстали французские военные моряки. Они, потребовав прекращения интервенции, добились возвращения на родину.

Тогда же, в апреле, части Красной Армии освободили Севастополь. Но в июне под давлением белогвардейских войск Деникина они вынуждены были опять оставить город.

И снова в городе началась подпольная борьба трудящихся. Ее возглавляла сильная большевистская организация.

15 ноября 1920 г. Севастополь был освобожден войсками Южного фронта. «Сегодня наши части вступили в Севастополь, — сообщал М. В. Фрунзе В. И. Ленину. — Мощными ударами красных полков раздавлена окончательно южно-русская контрреволюция. Измученной стране открывается возможность приступить к залечиванию ран, нанесенных империалистической и гражданской войной»¹.

С окончанием гражданской войны севастопольцы, как и все трудящиеся молодой Страны Советов, приступили к строительству новой жизни. Под руководством городского комитета РКП(б) развертывались восстановительные работы. Белогвардейцы и интервенты разграбили имущество и оборудование Морского завода и других предприятий, вывели из строя коммунальное хозяйство, угнали или взорвали корабли и суда. В городе не было продовольствия, сырья, не хватало средств для восстановления цехов и налаживания производства.

¹ Цит. по: Се м и н Г. И. Севастополь. М., 1955, с. 358.

В это трудное время рабочие Севастополя обратились за помощью к В. И. Ленину. Владимир Ильич тепло принял посланцев севастопольских корабелов, расспросил о том, как идет восстановление флота, как налаживается жизнь в городе. По его ходатайству Совнарком выделил необходимую сумму и два вагона продовольствия.

Забота и помощь партии и правительства позволили судостроителям Севастополя в трудных условиях в течение 1921 г. капитально отремонтировать 16 судов, произвести на 97 судах средний и малый ремонт¹. В следующем году они ввели в строй три миноносца.

В короткий срок были восстановлены, а затем и реконструированы Морской завод и предприятия Главвоенпорта. В 1923 г. коллектив морзаводцев одержал новую трудовую победу — досрочно ввел в строй первый крупный военный корабль — крейсер «Коминтерн», который стал флагманом возрождавшегося Черноморского флота. В ноябре 1925 г. на пустовавших длительное время стапелях завода было заложено первое при Советской власти судно — лесовоз «Михаил Фрунзе». Задание первой пятилетки Морзавод им. Серго Орджоникидзе выполнил досрочно — за 3 года 10 месяцев².

Наряду с реконструкцией старых вступали в строй новые промышленные предприятия. Балаклава стала снабжать металлургические заводы юга страны известняками-флюсами, были построены консервный завод «Пролетарий», мраморно-дробильный и известковый заводы, завод шампанских вин, холодильник и другие предприятия. В 1937 г. вошла в строй ГРЭС-1. Она вырабатывала электроэнергии в пять раз больше, чем все дореволюционные электростанции Крыма, и снабжала ею не только Севастополь, но и другие города полуострова. В городе также развивалась легкая промышленность.

Севастополь строился, расширялось его коммунальное хозяйство. Вошел в строй новый водопровод, обеспечивший водой все население. В 1934 г. город получил первую АТС, был радиофицирован. Развивался городской транспорт, из Севастополя в Балаклаву протянулась трамвайная линия.

Большое внимание уделялось жилищному строительству. Новые крупные жилые массивы выросли в районе улиц Большой Морской, Пирогова, за Ушаковой балкой, на Северной стороне и в других местах.

¹ См.: Севастопольский морской. Симферополь, 1976, с. 26.

² См.: Маяк коммуны, 1939, 21 дек.

Росло население города — в 1940 г. оно составило 112 тыс. человек¹.

Широкое развитие в Севастополе получала культура. Еще в 1921 г. по инициативе выдающегося оперного певца Л. В. Собинова, который в то время заведовал городским отделом искусств, возобновили работу драматический театр, театр при Морском собрании, народная консерватория.

К 1935 г. в городе было покончено с неграмотностью. В 1940 г. в Севастополе работало 28 общеобразовательных школ, вечерняя школа рабочей молодежи, два техникума — судостроительный и железнодорожный, филиал Московского института инженеров коммунального строительства, Севастопольский институт физических методов лечения. Работали два драматических театра — городской и Черноморского флота, военно-морской музей, картинная галерея, несколько рабочих клубов, библиотек, Дворец пионеров, музыкальная школа и другие культурно-просветительные учреждения.

В городе многое делалось для здоровья трудящихся. Увеличивалось число медицинских работников, строились новые поликлиники, больницы, санатории и дома отдыха, были сооружены стадион, спортивные площадки, водная станция.

В неповторимый облик города все больше вписывалось произведений монументального искусства. В 1932 г. был сооружен величественный памятник В. И. Ленину.

Набирал силу Черноморский флот. В севастопольских бухтах бросали якоря новые корабли. В нелегких походах военные моряки осваивали сложную боевую технику, совершенствовали свое воинское мастерство, бдительно несли вахту на черноморских рубежах Советской Родины.

Таким образом, в предвоенные годы Севастополь, являвшийся главной базой Черноморского флота, стал одним из крупных промышленных и культурных центров юга страны.

В ГОРОДЕ — БОЕВАЯ ТРЕВОГА

Война ворвалась в Севастополь среди ночи. 22 июня 1941 г. в 1 час 15 минут в городе, едва притихшем после субботнего вечера, был объявлен большой сбор, по которому моряки, только накануне вернувшиеся с многодневного учения, вновь поспешили на корабли и в части.

¹ См.: История городов и сел Украинской ССР, Крымская область, с. 137.

По распоряжению наркома Военно-Морского Флота Черноморский флот, как и другие флоты и флотилии, переводился в оперативную готовность № 1. Корабли тут же приступили к приему боеприпасов, топлива, воды и других видов боевого снабжения.

В городском комитете партии, в горисполкоме собрались партийные и советские работники. На промышленные предприятия явились их руководители, партийные и комсомольские активисты. В связи с введением в главной базе флота угрожаемого положения состоялось короткое заседание бюро горкома партии, на котором были намечены неотложные меры по немедленному приведению в полную боевую готовность всей системы местной противовоздушной обороны и по укрытию населения.

Около трех часов ночи оперативный дежурный штаба флота принял первые доклады наблюдательных постов ПВО флота из района Евпатории и мыса Сарыч о приближении к Севастополю со стороны моря неизвестных самолетов. Средства противовоздушной обороны получили приказ открыть огонь. Настороженный Севастополь погрузился в темноту.

В 3 часа 13 минут, когда лучи прожекторов, вспорвав ночное небо, выхватили из мрака самолеты, ударили орудия кораблей и зенитных батарей. Небо прочертили огненные нити трассирующих снарядов и пуль. Над городом взметнулся багровый всполох, грохнул тяжелый взрыв, за ним второй. Появились первые разрушения на улицах, первые жертвы среди населения.

Так в Севастополь пришла война, а менее чем через час загрохотал огромный фронт, протянувшийся от Черного до Баренцева моря.

Как выяснилось позже, фашистские самолеты сбросили на парашютах новые морские неконтактные магнитные и магнитоакустические мины, еще не известные советским минерам. Гитлеровское командование пыталось «закупорить» корабли в бухтах, а затем ударами бомбардировочной авиации уничтожить их.

Но замысел врага не удался. Он не застал Черноморский флот и его противовоздушную оборону врасплох. Встреченные плотным и метким огнем, вражеские самолеты сбрасывали мины беспорядочно. Два бомбардировщика были сбиты и упали в море.

Не принесли успеха врагу и последующие воздушные налеты. Маршал Советского Союза Г. К. Жуков после войны в своих мемуарах подчеркнет, что «Черноморский флот во

главе с адмиралом Ф. С. Октябрьским был одним из первых наших объединений, организованно встретивших вражеское нападение»¹.

Флот разворачивал активные боевые действия. В ночь на 26 июня отряд легких сил, выйдя из Севастополя, нанес артиллерийский удар по порту Констанца. От меткого огня лидеров «Москва» и «Харьков» в порту возник большой пожар. Горели нефтехранилище, состав с боеприпасами, были разрушены железнодорожные пути, вокзал, прервано железнодорожное сообщение.

Бомбовые удары по нефтяным промыслам и коммуникациям Румынии, которая обеспечивала значительную часть потребностей германской и итальянской армий в топливе, регулярно наносила и черноморская авиация. 12 июля, например, успешный налет на нефтеперегонный завод и цистерны с нефтью совершила шестерка пикирующих бомбардировщиков под командованием капитана А. П. Цурцумия.

На морских коммуникациях врага активно действовали подводные лодки.

Вскоре была успешно решена проблема, вызванная минными постановками противника. На помощь флоту пришла группа ученых Ленинградского физико-технического института во главе с А. П. Александровым и И. В. Курчатовым, впоследствии академиками, выдающимися учеными. Созданный ими совместно с флотскими специалистами метод размагничивания кораблей обезопасил плавание от электромагнитных мин.

В считанные дни Севастополь перестроился на военный лад. Трудящиеся города, как и все советские люди, на вероломное нападение врага ответили мобилизацией всех своих сил на защиту Отчизны, трудились под общенародным лозунгом «Все для фронта, все для победы!».

Многие предприятия получили задание в самые сжатые сроки наладить производство военной продукции — различных видов вооружения, боеприпасов, обмундирования. Коллектив Морзавода трудился над тем, чтобы как можно быстрее вернуть в строй находившиеся в ремонте крейсер «Красный Крым», эсминец «Незаможник», подводную лодку Л-4 и другие боевые корабли.

Война сразу же изменила жизнь и облик города. Привыкший к четкому трудовому ритму, он еще более подтянулся. Белокаменные дома, совсем недавно весело глядев-

¹ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1978, т. 1, с. 239.

шие в голубизну бухт, теперь, стараясь быть неприметными, стояли мрачными, вычканными желтой, зеленой, черной красками, с окнами, перечеркнутыми полосками бумаги.

В первую же военную ночь, когда одна из сброшенных фашистскими самолетами морских мин упала в жилом квартале на углу улиц Подгорной и Щербака, приступили к действиям хорошо обученные команды МПВО.

На предприятиях, в учреждениях, в техникумах и школах, во многих дворах жилых домов люди учились военному делу. На случай высадки вражеских парашютистов был создан истребительный батальон.

Военкомат и сборные пункты ежедневно заполнялись призывниками и добровольцами: севастопольцы стремились на фронт. Даже многие военные моряки, каждый из которых был влюблен в свой корабль, просились на сушу, чтобы встретиться с врагом лицом к лицу.

Севастополь с первого часа войны постоянно чувствовал ее. Немецко-фашистская авиация систематически совершала налеты на город. Но люди нередко и во время воздушных тревог не прерывали работу.

А с фронта поступали тревожные вести. Наши войска, ведя тяжелые оборонительные бои, под натиском превосходящих сил врага отходили в глубь страны.

Отражая многочисленные атаки противника, мужественно оборонялась Одесса. Отдельная Приморская армия, в которую влились батальоны морской пехоты и многие жители города, при активной поддержке боевых кораблей надолго сковала значительные силы врага. Севастополь направлял защитникам Одессы пополнение, оружие, боеприпасы и сам энергично готовился к предстоящим боям.

Главная база флота была хорошо защищена с моря и воздуха, с суши же оборонительных сооружений она почти не имела, не было и специальных войск для ее обороны: до войны угроза с сухопутного направления считалась маловероятной. Теперь же в связи с возможностью высадки противником воздушных десантов и его быстрым продвижением в глубь страны Военный совет Черноморского флота наряду с дальнейшим совершенствованием системы обороны Севастополя с моря и воздуха принимал меры по подготовке города к защите и с суши. В короткий срок была создана система управления обороной, изыскивались необходимые силы и средства, оружие, инженерное снаряжение. Из выделенных кораблями и частями флота воинов в спешном порядке формировались бригады морской пехоты.

Было намечено создать на подступах к Севастополю основной оборонительный рубеж в 8—12 км от города, а тыловой — в 3—6 км. Они возводились частями инженерного отдела (строительство № 1, 178-й отдельный инженерный батальон, 95-й отдельный строительный батальон), личным составом других частей и учреждений флота, населением города. Как и осенью 1854 г., тысячи севастопольцев вышли возводить укрепления у стен родного города. Начиная с 3 июля 1941 г. они вместе с воинами рыли в каменистом грунте окопы и противотанковые рвы, сооружали доты и дзоты, строили блиндажи и командные пункты, прокладывали дороги к рубежам обороны. За короткий срок были оборудованы два оборонительных рубежа — главный, 35-километровый, и тыловой, 19-километровый, которые, упираясь в море, двумя подковами легли на подступах к городу.

Незадолго до начала обороны началось строительство третьего оборонительного рубежа, удаленного на 16—17 км от города. Фортификационные работы велись быстрыми темпами, однако завершить их до выхода немецко-фашистских войск на подступы к городу не удалось. Были созданы четыре отдельных опорных пункта на танкоопасных направлениях. Они сыграли важную роль в срыве попыток врага с ходу овладеть Севастополем.

Зарывался в землю и город. Убежища строились везде — во дворах, вблизи жилых массивов и промышленных предприятий. В надежные укрытия были переоборудованы штольни, пещеры, а также ниши подземных минных галерей, сохранившиеся еще со времен первой Севастопольской обороны. Позднее под землю ушел и промышленный Севастополь.

Жители города участвовали также в строительстве аэродромов, в эвакуации оборудования заводов.

Все эти работы велись под руководством партийной организации города и городского комитета обороны, созданного 26 октября 1941 г. В состав комитета вошли первый секретарь горкома партии Б. А. Борисов (председатель), председатель горисполкома В. П. Ефремов, начальник горотдела НКВД К. П. Нефедов и начальник гарнизона контр-адмирал Г. В. Жуков (его вскоре сменил генерал-майор П. А. Моргунов).

Городской комитет обороны, работавший в тесном взаимодействии с Военным советом Черноморского флота, был боевым штабом севастопольцев. К нему сходились нити со всех концов фронтового города. Он руководил местной противовоздушной обороной города, организовывал выпуск продукции для нужд фронта, решал многие другие вопросы.

Принимались также меры по совершенствованию противовоздушной обороны флота, которую возглавлял полковник И. С. Жилин.

Между тем фронт приближался к Крыму. Враг придавал полуострову особое значение. Готовя войну, гитлеровцы намеревались присоединить эту жемчужину Юга вместе с прилегающими районами к своей империи. Сейчас же в ходе боевых действий полуостров приобрел и большое оперативно-стратегическое значение. И Гитлер в своем приказе потребовал захватить его до наступления зимы. «Взятие полуострова Крым имеет огромное значение для обеспечения поставок нефти из Румынии, — говорилось в приказе, — поэтому необходимо использовать все имеющиеся средства, в том числе и подвижные соединения, для того, чтобы добиться быстрого форсирования Днепра и продвинуться в направлении Крыма еще до подхода подкреплений противника»¹.

В ночь на 31 августа 1941 г. немецко-фашистские войска форсировали Днепр в нижнем течении. 9 сентября 11-я немецкая армия основными силами устремилась к Крыму. Через три дня ее механизированным дивизиям удалось прорваться к Перекопскому перешейку, а 16 сентября выйти к Чонгарскому мосту и Арабатской стрелке. На севере Крыма, оказавшегося отрезанным с суши, разгорелись ожесточенные бои. Здесь врагу противостояла только что сформированная, слабо вооруженная 51-я Отдельная армия², большая часть дивизий которой к тому же осуществляла противодесантную оборону в других районах полуострова. Тем не менее она смогла при поддержке Черноморского флота и Азовской флотилии отразить первые удары превосходящих сил противника. Это заставило немецко-фашистское командование значительно усилить 11-ю армию танками, артиллерийскими, инженерными и другими частями, и она при поддержке 4-го авиационного корпуса 24 сентября вновь перешла в наступление. Имея превосходство в силах, враг овладел Перекопом, а затем — Армянском.

Советские войска отошли на недостаточно подготовленные к обороне Ишуньские позиции — последний рубеж на пути в степную часть полуострова.

В связи с этими событиями Ставка Верховного Главнокомандования 30 сентября 1941 г. приняла решение перебросить Отдельную Приморскую армию из-под Одессы в

¹ «Совершенно секретно! Только для командования!». М., 1967, с. 318.

² 51-я Отдельная армия была сформирована в Крыму на базе 9-го стрелкового корпуса по решению Ставки от 14 августа 1941 г.

Крым, в помощь 51-й Отдельной армии¹. Эта операция была проведена успешно. Войска Приморской армии (командующий генерал-майор И. Е. Петров) и личный состав Одесской военно-морской базы скрытно эвакуировались на судах и боевых кораблях и благополучно прибыли в Севастополь.

К этому времени обстановка на севере Крыма резко ухудшилась. 18 октября, когда основные силы Приморской армии еще сгружались с судов, вражеские дивизии при поддержке двухсот танков и многочисленной авиации начали наступление на Ишуньские позиции. Несмотря на упорное противодействие советских войск, противнику удалось вклиниться в их оборону, а 20 октября прорвать ее и обойти левый фланг. Механизированные части врага устремились в глубь степного Крыма.

Приморская армия, в срочном порядке переброшенная на север, с ходу, без должной артиллерийской поддержки совместно с 9-м стрелковым корпусом 51-й армии предприняла контрнаступление, но изменить положение уже не смогла.

Под ударами фашистских войск 51-я армия отходила на Керченский полуостров, а Приморская — в южном направлении.

Развивая наступление, гитлеровское командование стремилось как можно быстрее, до подхода советских войск, захватить Севастополь и, отрезав пути отхода Приморской армии, уничтожить ее. Гитлер назначил даже срок взятия города — не позднее 1 ноября².

На решение этой задачи были брошены 54-й армейский корпус и специально сформированная подвижная мотобригада. Над главной базой флота нависла смертельная опасность.

Севастополь энергично готовился к обороне. 29 октября в городе вводится осадное положение. В течение двух-трех дней численность войск увеличивается с 11,5 тыс. до 22,3 тыс. человек. 30—31 октября из Новороссийска на кораблях прибывает 8-я бригада морской пехоты (командир полковник В. Л. Вильшанский, военком бригадный комиссар Л. Н. Ефименко). Она немедленно заняла позиции в районе Бельбекской долины. В те же дни буквально за несколько часов из моряков кораблей, учебного отряда, береговых и авиацион-

¹ См.: История второй мировой войны 1939—1945. М., 1975, т. 4, с. 116.

² См.: Очерки истории Великой Отечественной войны 1941—1945. М., 1955, с. 109.

ных частей были сформированы 11 батальонов морской пехоты. Они тут же вместе со 2-м Черноморским и 3-м полками морской пехоты, местным стрелковым полком были направлены на передовой оборонительный рубеж. Боевые позиции заняли также более 500 ополченцев и бойцы Коммунистического и истребительных батальонов.

Именно этим, наскоро сформированным подразделениям, слабо обученным, имевшим лишь стрелковое оружие, да артиллеристам береговых батарей пришлось в первые дни обороны противостоять натиску во много крат превосходящих сил врага. Командующий Приморской армией генерал-майор И. Е. Петров, подводя итоги первого месяца обороны, отмечал: «Пока артиллерия отражала движение немецких колонн, в Севастополе спешно формировались морские батальоны из краснофлотцев, которые форсированным маршем двигались навстречу врагу. За два дня подступы к Севастополю были прикрыты боевыми краснофлотскими отрядами... Враг остереженело продолжал идти в наступление, но преодолеть мужество и героизм краснофлотцев ему было не под силу. На всем фронте разыгрались ожесточенные кровопролитные бои...»¹

В этот критический период городской комитет обороны обратился к воинам гарнизона и трудящимся города с воззванием, в котором, в частности, говорилось:

«Бойцы Красной Армии... моряки Черноморского флота! Ни шагу назад!

Так же, как били врага под Одессой, как бьют его под Ленинградом и Москвой, бейте поганую фашистскую сволочь, громите озверелые гитлеровские орды. Выполняйте свой священный долг перед Родиной!..

Трудящиеся Севастополя! Все силы на разгром врага! Если потребуется, с новой силой повторим героические подвиги героев обороны города в 1854—1855 гг. ...»²

«Не допустим врага к родному городу!.. — призывал Военный совет Черноморского флота. — Каждый боец, командир и политработник должен драться с врагом до последней капли крови, до последнего вздоха»³.

Первой в бой с устремившимися к Севастополю частями вражеской мотобригады вступила 54-я батарея береговой обороны (командир лейтенант И. И. Заика, военком политрук С. П. Муляр). Ее позиции находились в 40 км севернее

¹ Красный Крым, 1941, 4 дек.

² Героическая оборона Севастополя 1941—1942 гг.: Документы и материалы. Симферополь, 1946, с. 12.

³ Там же, с. 13, 14.

города, у села Николаевка. Она была установлена незадолго до этого для отражения возможной высадки морского десанта. Сейчас же, когда враг приближался с суши, артиллеристам пришлось создать круговую оборону. Они заминировали подходы, вынесли наблюдательно-корректировочные посты, в 2 км севернее установили ложную батарею.

30 октября в 16 часов 30 минут находившийся у Ивановки командир корпоса лейтенант С. И. Яковлев доложил: «Вижу колонну танков и автомашин с пехотой противника!»

Через пять минут батарея открыла огонь. Первые же снаряды разорвались в гуще колонны. Она остановилась, а потом в беспорядке повернула в сторону, оставив на дороге несколько разбитых танков и бронемашин, пылающие цистерны, автомашины, трупы солдат и офицеров.

Так началась битва за Севастополь.

Вскоре появились фашистские бомбардировщики. Они атаковали позиции ложной батареи. Затем показалась еще одна мотоколонна. И тут же снова загрохотали орудия батареи. Понесся большие потери, мотоколонна отвернула на восток.

На рассвете следующего дня батарея нанесла удар по скоплению вражеских танков и автомашин в селе Булганак. Около двух часов продолжался обстрел. Не успели остыть стволы, как у Ивановки опять появилась моторизованная колонна. И снова был открыт огонь.

Противник после артподготовки бросил в атаку танки. Развернувшись фронтом, они устремились к батарее, ведя непрерывный огонь. Но вот, вспыхнув, остановился один танк, затем второй. Два танка наскочили на минное поле. Тут же был подбит еще один...

Около часа продолжался этот бой. Не выдержав огня артиллеристов, танки повернули назад. Но понесла потери и батарея: до двадцати человек было убито, более тридцати ранено, два орудия вышли из строя.

За ночь батарейцы отремонтировали орудия, пополнили расчеты, устранили разрушения на позициях. А утром начали интенсивный обстрел вражеских колонн, пытавшихся обойти батарею стороной.

Противник ответил сильным орудийным и минометным огнем. А к вечеру, когда прекратился шедший весь день дождь, батарею атаковали восемь бомбардировщиков.

С наступлением темноты комбат уточнил обстановку: выяснилось, что фашисты окружили батарею с трех сторон, а позади — море. Решили драться до последнего. Снова всю

ночь ремонтировали орудия, восстанавливали разбитые окопы и ходы сообщения.

Четвертый день боев выдался самым тяжелым. Утром, когда батарея вновь открыла огонь, ее позиции тут же подверглись ожесточенному обстрелу тяжелой артиллерией и минометами. С трех сторон в атаку поднялись немецкие автоматчики.

Лейтенант Заика доложил о создавшейся обстановке на командный пункт дивизиона. «Держитесь до вечера, за вами будут высланы катера», — ответили оттуда. На помощь батареям из Севастополя подоспели истребители. Они обстреляли наступавшую пехоту. Атаку врага удалось отбить. Тогда гитлеровцы выкатили на открытую позицию три орудия, чтобы ударить прямой наводкой. Две пушки сразу были уничтожены, а третью немецкие артиллеристы поспешили убрать. Однако вскоре началась новая атака пехоты и танков, снова последовали бомбежки и обстрелы.

Тяжелый снаряд взорвался во дворике четвертого орудия. А через некоторое время в другое орудие угодила бомба. Здесь в живых остался один командир расчета Филипп Спивак. Но и он был тяжело ранен. К уцелевшим орудиям стали командир батареи И. И. Заика и военком С. П. Муляр.

И вот в строю осталось лишь одно орудие, но вскоре было повреждено и оно. А бой продолжался. От наседавших танков и автоматчиков отбивались гранатами, пулеметами, винтовками. Метко бил по врагу пулеметчик краснофлотец Михаил Морозов. В самом пекле боя постоянно находился расчет счетверенной зенитной пулеметной установки старшего краснофлотца Василия Роззяврот. Установка появилась на батарее незадолго до обнаружения первых вражеских мотокolonн. Она подошла вместе с группой бойцов, отходивших на Севастополь. Зенитчики вели эффективный огонь по самолетам, участвовали в отражении атак пехоты.

Раненые покидали медпункт и продолжали сражаться. Краснофлотец Александр Дмитренко, раненный в обе ноги, дополз до окопа и снова вступил в бой. Краснофлотец Александр Макаров, раненный еще в первый день боев, тоже ушел на позицию и снова был ранен в руку и ногу.

К вечеру лишь небольшая часть позиций оставалась в руках артиллеристов. В 17 часов 45 минут радист Николай Дубецкий передал в Севастополь последнюю радиogramму комбата: «Связь прекращаю. Батарея окружена. Прощайте!»

Уже смеркалось, когда противник предпринял еще одну атаку, рассчитывая, видимо, что она будет последней. Но по атакующим автоматчикам вдруг ударило первое орудие.

Это лейтенант С. И. Яковлев открыл огонь, наводя полуразбитое орудие через ствол. А потом ударил и один из счетверенных пулеметов разбитой зенитной установки. И враг снова отступил.

В ночь на 3 ноября решили пробиваться в Севастополь. Но тут сигнальщик Дмитрий Шмырков обрадованно крикнул: «В море сигналит корабль, просит принять шлюпки!» Это на помощь батареям пришли тральщик и два катера-охотника. С тральщика спустили шлюпки. 28 человек, в том числе раненые, по тросу, сплетенному из телефонного кабеля, были спущены с обрыва к воде. Их прикрывала небольшая группа во главе с командиром батареи.

Вторично шлюпки подойти к берегу не смогли. Гитлеровцы заметили их и осветили ракетами.

А на берегу вновь разыгрался бой. Лейтенант Заика принял решение прорываться вдоль берега. Он приказал всем спускаться по тросу. Прикрывать группу остался пулеметчик комсомолец Михаил Морозов. Уходящие артиллеристы еще несколько минут слышали раздававшуюся позади стрельбу, а затем все стихло¹.

За три дня боев артиллеристы батареи уничтожили до тридцати танков, несколько десятков автомашин, много другой боевой техники, несколько сот солдат и офицеров противника.

1 ноября содрогнулся воздух от тяжелых залпов четырехорудийной 305-мм бронебашенной батареи № 30, которой командовал капитан Г. А. Александер, а ее военкомом был старший политрук Е. К. Соловьев. Она наносила удары по колоннам врага, двигавшимся от Бахчисарая. На следующий день вступила в бой 203-мм батарея № 10 (командир капитан М. В. Матушенко, военком старший политрук Р. П. Черноусов). Только за первые три дня боев она уничтожила 25 вражеских танков и бронемашин, 5 автомашин, артиллерийскую батарею, эскадрон кавалерии и до роты пехоты².

Вслед за ней в грозную артиллерийскую симфонию включились другие батареи — береговые, зенитные, полевые.

Отважно сражались артиллеристы 724-й подвижной береговой батареи, которой командовал капитан М. В. Спиридонов, а также 217-й, 227-й и других зенитных батарей, поддерживавших действия морской пехоты. Расчеты 217-й ба-

¹ Останки героя были обнаружены на месте боя в 1977 г. и захоронены у обелиска павшим героям-артиллеристам в селе Николаевка.

² См.: Героическая оборона Севастополя 1941—1942 гг.: Документы и материалы, с. 12.

тарей 3 ноября почти полностью погибли в ожесточенном бою, но своих позиций не оставили.

В отражении первого удара врага и в последующих боях артиллерия сыграла выдающуюся роль. Она стала надежным огненным щитом сражавшегося Севастополя.

1—2 ноября подвижные части противника на некоторых участках атаковали боевое охранение передового рубежа обороны. Юго-восточнее Бахчисарая, у реки Качи, путь передовым частям 50-й и 132-й немецких пехотных дивизий преградил батальон курсантов Военно-морского училища береговой обороны имени ЛКСМУ во главе с заместителем начальника училища полковником В. А. Костышиным и военкомом училища полковым комиссаром Б. Е. Вольфсоном.

На моряков враг обрушил удары авиации, артиллерии и минометов. Но они держались стойко. Батальон, полностью состоявший из комсомольцев, несколько дней удерживал свои позиции. При поддержке артиллеристов курсанты успешно отражали атаки вражеской пехоты и сами бросались в рукопашную. 1 ноября гитлеровцы пошли на изуверский шаг: погнались впереди своих цепей детей и женщин. Но и это не помогло им. Пулеметно-ружейным огнем с флангов курсантам удалось отсечь автоматчиков от живого прикрытия.

Геройски сражался взвод под командованием лейтенанта Григоренко. А когда выбыли из строя пулеметчики, командир сам лег за станковый пулемет и вел огонь по врагу, пока не был смертельно ранен.

Хладнокровно бил по врагу на левом фланге обороны пулеметчик курсант П. Широчин. Не раз откатывались цепи гитлеровцев, поредев от его меткого огня. Он продолжал стрелять и после того, как был тяжело ранен осколком мины.

В разгар боя вражеские солдаты окружили Александра Мальцева. Отбиваясь от них, курсант был ранен. У него к тому же пулей разбило приклад винтовки. Приближаясь со всех сторон, гитлеровцы намеревались захватить безоружного бойца в плен. Оказавшись в их плотном кольце, Мальцев выхватил последнюю гранату и бросил ее под ноги. Комсомолец погиб, уничтожив многих вражеских солдат.

Три дня на реке Кача продолжались ожесточенные бои. Но силы были слишком неравными. Большинство бойцов батальона погибло под ударами врага.

С таким же упорством и мужеством моряки сражались и на других участках. Их поддерживали артиллерийским огнем береговые батареи, крейсера и эсминцы, а также летчики 8-го истребительного полка (командир полковник

К. И. Юмашев, военком батальонный комиссар И. Г. Шевченко)¹.

Это было исключительно тяжелое для нашей Родины время, и защитники города знали, что они могут рассчитывать только на себя, на собственные силы. Огромному преимуществу врага в численности войск и в технике они противопоставляли свою непоколебимую стойкость, лихую матросскую отвагу. «За нами Севастополь! Умрем, но не отступим!» — клялись в те дни черноморцы.

7 ноября, когда страна отмечала 24-ю годовщину Великого Октября, комсомольцы 10-й батареи береговой обороны обратились к комсомольцам и всем молодым защитникам города с призывом: «Дадим мощный черноморский отпор врагу! Ни шагу назад! Каждый должен драться до последнего вздоха... Пусть подступы к городу труда и обороны станут могилой для проклятых гитлеровских бандитов!..»

Комсомольцы 30-й батареи записали в решении своего собрания: «...славные традиции революционных черноморских моряков свято живут в нашей памяти. Умрем за честь и свободу своей Родины, но не отступим перед врагом!..»

Такие же решения принимали летчики, морские пехотинцы, экипажи кораблей, трудящиеся города. В резолюции митинга рабочих и служащих завода «Молот» говорилось: «...мы понимаем всю серьезность положения, создавшегося в Крыму, и опасность, нависшую над Севастополем. Поэтому мы заявляем, что навяжем все усилия для помощи фронту, будем работать столько, сколько потребует фронт, а если понадобится, возьмем оружие в руки и станем в ряды бойцов... Мы заявляем, что готовы драться за наш родной Севастополь до последней капли крови».

И эти клятвы выполнялись свято. Защитники города стояли насмерть.

2 ноября врагу ценой больших потерь удалось пробиться к передовому рубежу обороны. Упорные бои разыгрались у селений Дуванкой и Аранчи, где оборону держали 8-я бригада морской пехоты (командир полковник В. Л. Вильшанский, военком бригадный комиссар Л. Н. Ефименко), местный стрелковый полк (командир подполковник Н. А. Баранов, военком батальонный комиссар В. Ф. Рогачев), 3-й полк морской пехоты (командир подполковник В. М. Затылкин, военком батальонный комиссар И. Н. Слесарев) и другие части и подразделения.

¹ Большая часть авиации флота к тому времени была перебазирована на Кавказ.

Каждый день начинался с вражеских атак. Отбивая их, моряки наносили гитлеровцам большой урон, но и сами несли тяжелые потери.

Особенно нелегко давалось отражение танковых атак. Сказывалось отсутствие противотанковых орудий. Для борьбы с танками выделялись бойцы, вооруженные кроме винтовок и пулеметов связками гранат и бутылками с горючей жидкостью. В ходе боев в районе Дуванкоя, через которое протекает шоссе Симферополь — Севастополь, политрук Н. Д. Фильченков получил приказ с группой бойцов 18-го батальона морской пехоты перекрыть наиболее танкоопасный участок дороги. Он разделил группу на две части. Одной определил позицию у моста через небольшой овраг, а сам с краснофлотцами Василием Цибулько, Даниилом Одинцовым, Иваном Красносельским и Юрием Паршиным выдвинулся вперед за невысокую насыпь. Вскоре здесь, у небольшой высоты, которая на топографических картах была отмечена цифрой 100,3, разыгрался смертельный бой. Горстка советских моряков встала на пути танковой колонны, за которой следовала пехота. Бронированному кулаку врага черноморцы могли противопоставить лишь стрелковое оружие. Но каждый понимал: танки надо остановить во что бы то ни стало, позади заслона нет, не придут на помощь и боевые товарищи — высоту после бомбежки позиций батальона снова атаковала вражеская пехота.

Когда головной танк подошел поближе, по его смотровым щелям ударил ручной пулемет Василия Цибулько. Танк двигался еще некоторое время, а затем, вдруг дернувшись в сторону, остановился: видимо, был убит водитель. Остановилась и вся колонна. Началась перестрелка. Вот вспыхнул один из ближних танков, в следующую минуту удачно брошенной бутылкой был подожжен второй. Остальные попятились назад.

Через некоторое время на шоссе показались 15 танков. И снова ударил по ним из пулемета Цибулько. А когда танки приблизились к окопам, Фильченков, Красносельский, Одинцов и Паршин пустили в ход связки гранат и бутылки с зажигательной смесью. Запылал один танк, был подбит второй. Но вот упал тяжелораненый Цибулько, а затем погиб Красносельский, успев уничтожить еще одну машину. У Фильченкова, Одинцова, Паршина осталось лишь по несколько гранат. А танки все ползли, обходя горящие машины. Когда они были уже совсем близко, политрук, собрав оставшиеся у него гранаты, поднялся во весь рост. Его по-

няли без слов. Попрощались. Фильченков пошел навстречу врагу, извергавшему огонь. Рванул взрыв, вздрогнула земля...

Вслед за политруком в неистовой ярости кинулись с гранатами навстречу танкам Паршин и Одинцов. Прозвучал взрыв, потом другой. Танки поспешно пошли назад, а пехота была отброшена подоспевшей на помощь группой бойцов.

В этом смертельном поединке техническое и численное превосходство врага оказалось бессильным перед духовным превосходством пятерки советских моряков. Все они были посмертно удостоены звания Героя Советского Союза.

В тот же день части 8-й бригады после короткой артподготовки нанесли по противнику внезапный удар. Бой длился несколько часов. В результате противник был выбит с высот, господствовавших над позициями бригады, морские пехотинцы уничтожили около 250 вражеских солдат и офицеров, захватили пленных и ценные трофеи, в том числе двадцать ручных пулеметов — почти столько, сколько бригада имела их в те дни¹.

Этот успех сыграл важную роль в дальнейшем развертывании событий. «Благодаря энергичным мерам советского командующего, — напишет после войны в своей книге бывший командующий 11-й немецкой армией Манштейн, — противник сумел остановить продвижение 54 ак на подступах к крепости. В связи с наличием морских коммуникаций противник счел себя даже достаточно сильным для того, чтобы при поддержке огня флота начать наступление с побережья севернее Севастополя против правого фланга 54 ак. Потребовалось перебросить сюда для поддержки 22 пд из состава 30 ак»².

До наступательных действий 8-й бригады 22-я немецкая пехотная дивизия продвигалась к Севастополю по Ялтинскому шоссе. Как стало известно позднее, она должна была вместе с 72-й пехотной дивизией наносить главный удар по узкой полосе правого фланга обороны города. Теперь гитлеровское командование было вынуждено направить ее на помощь 54-му корпусу.

В дни, когда гарнизон Севастополя отбивал удары превосходящих сил врага, Приморская армия пробивалась к городу. Еще 30 октября, когда она вела сдерживающие бои в нескольких десятках километров севернее Симферополя, частям 54-го армейского корпуса удалось обойти ее с запа-

¹ См.: Огненные дни Севастополя. Симферополь, 1978, с. 44.

² Манштейн Э. Утерянные победы. М., 1957, с. 210.

да, перерезать шоссейную и железную дороги севернее Бахчисарая. На Керченский полуостров путь был еще свободен, но Военный совет армии на своем заседании с участием командиров, военкомов и начальников штабов всех дивизий высказался за отход на Севастополь.

Это был труднейший, героический переход. Измотанные в многодневных боях, сильно ослабленные части и соединения армии двигались к Севастополю кружным путем, через леса и горные хребты, по проселочным дорогам. Нередко проходы для орудий и машин приходилось прокладывать топорами и лопатами, спускаться на канатах пушки. Армия пробивалась, имея тысячи раненых. То и дело на ее пути появлялись сильные заслоны врага. Если опрокинуть их не удавалось, войска отходили и обходными путями двигались дальше. Маршрут основных сил армии пролегал через населенные пункты Эски-Орда (Лозовое), Курцы (Украинка), Саблы (Партизанское), Тав-Бодрак (Скалистое), Бия-Сала (Верхоречье), Улу-Сала (Зеленое), Коджук-Эли-Кодж (Шелковичное), Биюк-Узенбаш (Счастлиное), Татар-Осман (Зеленое), Гавро (Отрадное), Коккозы (Соколиное) и далее по дороге через Ай-Петри на Ялту и Севастополь. Общая длина этого тяжелого перехода составила около 250 км.

Отход армии прикрывала 7-я бригада морской пехоты (командир полковник Е. И. Жидилов, военком батальонный комиссар Н. Е. Ехлаков). Но 7 ноября в связи с тяжелым положением, сложившимся под Севастополем, основной ее состав из Ялты был переброшен на эсминцах в главную базу, а ночью — машинами на Мекензиевы горы, где противник усилил натиск. При поддержке береговых батарей и крейсера «Червона Украина» наступление гитлеровцев здесь удалось сдержать.

Не сумев сломить сопротивление советских частей, командование 11-й немецкой армии, как отмечает Манштейн, вынуждено было «отказаться от своего плана взять Севастополь внезапным ударом с хода...»¹.

К 9 ноября основные силы Приморской армии пробились в Севастополь. Ее дивизии, пополнившись за счет морских батальонов, заняли позиции на оборонительных рубежах города. Теперь войска, оборонявшие город, насчитывали около 55 тыс. человек².

4 ноября приказом командующего войсками Крыма вице-адмирала Г. И. Левченко был создан Севастопольский

¹ Манштейн Э. Утерянные победы, с. 240.

² См.: Моргунов П. А. Героический Севастополь. М., 1979, с. 104.

оборонительный район (СОР). Через несколько дней его командующим Ставка Верховного Главнокомандования утвердила командующего Черноморским флотом вице-адмирала Ф. С. Октябрьского. Его заместителями были назначены: по сухопутной обороне — генерал-майор И. Е. Петров, по береговой обороне — генерал-майор П. А. Моргунов, по военно-воздушным силам — генерал-майор авиации Н. А. Остряков. В состав командования СОРа входил также член Военного совета Черноморского флота дивизионный комиссар Н. М. Кулаков.

Когда Приморская армия прибыла в Севастополь, весь район обороны был разбит на четыре сектора. Первый, или юго-восточный сектор (комендант полковник П. Г. Новиков, военком бригадный комиссар А. Д. Хацкевич) прикрывался 383-м стрелковым полком; второй, или восточный (комендант командир 172-й стрелковой дивизии полковник И. А. Ласкин, военком бригадный комиссар П. Е. Солонцов), — этой дивизией в составе двух полков; третий, или северо-восточный (комендант командир 25-й стрелковой Чапаевской дивизии генерал-майор Т. К. Коломиец, военком бригадный комиссар А. С. Степанов), — этой дивизией и 7-й бригадой морской пехоты; четвертый, или северный (комендант командир 95-й стрелковой дивизии генерал-майор В. Ф. Воробьев, позднее — полковник А. Г. Капитохин, военком полковой комиссар Я. Г. Мельников), — этой дивизией и 8-й бригадой морской пехоты. Войска секторов поддерживались корабельной, береговой, полевой и зенитной артиллерией и авиационным отрядом, базировавшимся на двух небольших севастопольских аэродромах.

После двухдневного затишья бои разгорелись с новой силой.

Подтянув войска и перегруппировав их, немецко-фашистское командование утром 11 ноября развернуло наступление. Главный удар наносился на южном фланге обороны, вдоль Ялтинского шоссе. На узком участке фронта позиции первого сектора штурмовала 72-я немецкая пехотная дивизия при поддержке ста танков. Одновременно через долину Кара-Коба к Северной бухте рвались 50-я пехотная дивизия и 118-й моторизованный отряд, усиленный двадцатью танками. Здесь, на стыке второго и третьего секторов, противник стремился расчленил силы защитников города и уничтожить их по частям.

В районе третьего и четвертого секторов вели наступление 132-я и 22-я немецкие пехотные дивизии и румынский мотополк.

Враг встретил ожесточенное сопротивление. Шытаясь сломить его, фашистская авиация 12 ноября подвергла массовой бомбардировке укрепления, порт и жилые кварталы города. Были разрушены многие дома, выведены из строя электросеть, водопровод, связь. Команды МПВО и население откапывали в развалинах строений людей, оказывали помощь раненым, разбирали завалы, устраняли повреждения в городском хозяйстве. Продолжали выпускать военную продукцию промышленные предприятия. В те ноябрьские дни за короткий срок в штольнях были оборудованы подземные спецкомбинаты.

16 ноября 51-я армия, отошедшая под ударами врага на Керченский полуостров, переправилась на Тамань. Положение Севастополя еще более усложнилось. Но сопротивление его защитников не ослабевало. Они не только сдерживали натиск гитлеровцев, но и сами нередко бросались в контратаки. Большой урон причиняли противнику удары артиллерии и севастопольской авиagrуппы.

Особенно эффективным был огонь береговых батарей № 10, № 19 (командир капитан М. С. Драпушко, военком старший политрук Н. А. Казаков), № 30, бронепоезда «Железняков» (командир капитан Г. А. Саакян, затем — инженер-капитан 3 ранга М. Ф. Харченко, военком батальонный комиссар П. А. Морозов, затем — батальонный комиссар П. А. Порозов), крейсеров «Червона Украина» (командир капитан 2 ранга А. И. Заруба, военком батальонный комиссар В. А. Мартынов), «Красный Крым» (командир капитан 2 ранга А. И. Зубков, военком батальонный комиссар Ф. П. Вершинин) и других кораблей эскадры.

12 ноября при отражении воздушного налета на город летчик младший лейтенант Яков Иванов, израсходовав боеприпасы, зашел в хвост «Хейнкелю-111» и ударом винта истребителя сбил его. Фашистский бомбардировщик врезался в землю и взорвался. Это была уже вторая победа комсомольца Иванова в севастопольском небе. Через несколько дней в воздушном бою на подступах к городу он сбил еще два вражеских самолета. 16 ноября при отражении массированного налета на базу младший лейтенант Иванов уничтожил Ю-88. А когда возвращался на аэродром, увидел недалеке тяжелый «Дорнье-215». Летчик развернул машину и устремился в атаку. Открыл огонь, но пулеметы вдруг умолкли: кончился боекомплект. Тогда летчик, не раздумывая, вновь пошел на таран. Враг был сбит, но и для Иванова этот бой стал последним. Отважный комсомолец посмертно

первым из летчиков-черноморцев удостоился звания Героя Советского Союза.

В те дни героический подвиг совершил и другой черноморский летчик — капитан Николай Хрусталеv. При бомбардировке скопления вражеских войск в Бельбекской долине его самолет был подбит зенитным снарядом и загорелся. Тогда капитан бросил объятую пламенем машину в пике на колонну вражеской техники.

Немногочисленная по составу Севастопольская авиагруппа в течение ноября уничтожила 38 немецких самолетов в воздушных боях и 54 — на аэродромах¹.

К исходу 21 ноября наступление противника было отбито. В течение десяти дней ожесточенных боев противнику удалось лишь вклиниться на незначительную глубину в передовую оборонительную полосу первого и второго секторов.

НЕСОКРУШИМОЙ СКАЛОЙ

Гитлеровское верховное командование требовало от Манштейна быстрее овладеть Севастополем, чтобы можно было перебросить застрявшую здесь сильнейшую ударную армию на южное крыло фронта в помощь терпевшей неудачи группе армий «Юг». Кроме того, захватом Севастополя, оборона которого привлекала внимание всего мира, оно пыталось хоть как-то реабилитировать себя за поражения под Москвой, Тихвином и Ростовом-на-Дону.

Выполняя директиву Гитлера от 8 декабря 1941 г., командующий 11-й армией 15 декабря отдал приказ на «последнее большое наступление».

Ранним утром 17 декабря весь фронт под Севастополем взорвался залпами орудий и минометов. Над позициями советских войск появились пикировщики в сопровождении истребителей. После короткой, но мощной артиллерийской и авиационной подготовки в атаку пошли фашистские танки и пехота.

Враг был уверен в успехе. Армия Манштейна была срочно усилена тремя немецкими пехотными дивизиями и двумя румынскими горнострелковыми бригадами². Она имела значительное преимущество в живой силе и абсолютное — в танках (150 против 26) и самолетах (около 300 против 90). На направлении главного удара на 1 км фрон-

¹ См.: Краснознаменный Черноморский флот. М., 1979, с. 166.

² См.: История второй мировой войны 1939—1945, т. 4, с. 299.

та только тяжелой артиллерии враг сосредоточил до 50 стволов. Он рассчитывал овладеть Севастополем на четвертый день наступления — 21 декабря, приурочив это событие к полугодию начала войны против СССР.

Но не дремали и защитники Севастополя. Как только затихло сражение, они совместно с жителями города приступили к восстановлению разрушенных укреплений, совершенствовали старые и строили новые оборонительные сооружения, создавали минные поля. Из снятых с погибших кораблей орудий было оборудовано восемь новых стационарных береговых батарей. Удалось дополнительно построить около 280 артиллерийских и пулеметных дотов и дзотов, выставить более 52 тыс. мин¹. Оборонительные работы велись под руководством командующего инженерными войсками СОРа генерал-майора А. Ф. Хренова и начальника оперативной группы инженерного отдела флота военинженера 1 ранга И. В. Панова.

В городе развернулось соревнование за увеличение производства военной продукции. На передовую все больше поступало минометов, мин, ручных и противотанковых гранат, других видов оружия.

В войсках и среди населения активно велась политико-воспитательная работа. В ней участвовали политработники, партийный и комсомольский актив города.

Большие моральные силы защитникам Севастополя придавали радостные вести о переходе в контрнаступление советских войск под Москвой, Тихвином и Ростовом. 12 декабря севастопольцы с небывалым волнением и радостью слушали сообщение Совинформбюро о провале гитлеровского плана окружения и взятия столицы нашей Родины.

В те дни силы флота продолжали активные действия против немецко-фашистских войск под Севастополем. 28 ноября, например, обстреливали вражеские позиции линейный корабль «Парижская коммуна» (командир капитан 1 ранга Ф. И. Кравченко, военком полковой комиссар В. Г. Колодкин) и эскадренный миноносец «Смышленный» (командир капитан 3 ранга В. М. Тихомиров-Шегула, военком старший политрук В. П. Вепперс), а 3 декабря — крейсера «Красный Кавказ» (командир капитан 2 ранга А. М. Гуцин, военком батальонный комиссар Г. И. Щербак), «Красный Крым» (командир капитан 2 ранга А. И. Зубков, военком батальонный комиссар Ф. П. Вершинин), эскадренный миноносец «Железняков» (командир капитан-лейте-

¹ См.: Краснознаменный Черноморский флот, с. 167.

нант В. С. Шишканов, военком старший политрук А. Ф. Жабоедов) и два тральщика.

Советское командование, учитывая важное военно-стратегическое положение Севастополя, придавало большое значение его удержанию. В ходе разгрома немецко-фашистских войск под Москвой и успешного контрнаступления под Тихвином и Ростовом Ставка приняла решение провести десантную операцию по овладению Керченским полуостровом с последующим деблокированием Севастополя и полным освобождением Крыма¹.

Для усиления войск СОРа в первой половине декабря в Севастополь морем были переброшены 388-я стрелковая дивизия, несколько маршевых рот и батальон 9-й бригады морской пехоты. Оборонительный район нуждался в значительно большей помощи. Однако Закавказский фронт тогда не мог оказать ее — основные его усилия были сосредоточены на подготовке высадки десанта на Керченский полуостров. И к началу второго наступления врага части СОРа имели лишь 30—40 процентов штатного состава².

На этот раз противник бросил против защитников города пять немецких пехотных дивизий, 1-ю и 4-ю румынские горнострелковые бригады и части усиления. Их атаки поддерживали танки и авиация. Ожесточенные бои разгорелись на всем протяжении обороны — от Качи до Балаклавы.

Главный удар гитлеровцы наносили в стык позиций войск третьего и четвертого секторов, рассчитывая через Бельбекскую долину и Мекензиевы горы выйти к Северной бухте. Здесь, на узком участке фронта (менее 6 км), они ввели в бой три пехотные дивизии и две румынские бригады, которых поддерживали танки, авиация и большая часть тяжелой артиллерии.

Основной удар врага пришелся на позиции 8-й бригады морской пехоты, 241-го полка 95-й стрелковой дивизии (правый фланг четвертого сектора), 287-го полка 25-й стрелковой Чапаевской дивизии и 2-го Перекопского полка морской пехоты (левый фланг третьего сектора). Особенно тяжело пришлось 8-й бригаде. Ее позиции после ожесточенной артиллерийской подготовки и бомбардировки с воздуха атаковали части 22-й немецкой пехотной дивизии и танки. Но морские пехотинцы оборонялись стойко, переходя в штыковые контратаки. Отступив, фашисты снова подвергали позиции бригады ударам авиации и артиллерии, а затем опять за танками шла пехота.

¹ См.: История второй мировой войны 1939—1945, т. 4, с. 295.

² См.: Моргунов П. А. Героический Севастополь, с. 174.

Во время очередной их атаки военком 4-го батальона старший политрук В. Г. Омельченко поднял роты лейтенантов Н. Д. Паршина и Н. К. Бударина в контратаку. Вскоре запылали два танка, подожженные краснофлотцами Ковтуном и Ляшенко. Завязался яростный штыковой бой. Комиссар и одиннадцать краснофлотцев оказались во вражеском кольце. Отбивая натиск противника, они уничтожили около десятка гитлеровцев. Но и черноморцев в живых оставалось все меньше и меньше. Когда кончились патроны, фашисты решили взять моряков в плен и стали снова приближаться, сжимая кольцо.

— Гранаты! — скомандовал военком.

Прогрохотали варывы — и несколько моряков успели вырваться из кольца. Омельченко стоял один перед подвигавшимися врагами. Стоял, зажав в ладони последнюю лимонку. И когда гитлеровцы приблизились почти вплотную, военком выдернул чеку...

Не менее тяжелыми были бои на левом фланге третьего сектора, где оборонялись 287-й стрелковый полк (командир подполковник Н. В. Захаров, военком старший политрук Я. Г. Лебедев) и 2-й Перекопский полк морской пехоты (командир майор И. И. Кулагин, военком батальонный комиссар Н. М. Толстиков). И здесь дело доходило до рукопашных схваток. В одной из них комсорг полка младший политрук Н. И. Голубничий, будучи раненым, заколол шестерых гитлеровцев.

Некоторые позиции неоднократно переходили из рук в руки. Морские пехотинцы проявляли изумительную стойкость и отвагу. Однако под натиском значительно превосходящих сил врага 8-я бригада и 287-й полк, понесшие в первый же день боев большие потери, были вынуждены отойти. Отступили всего на километр-полтора, но положение на смежных участках четвертого и третьего секторов стало еще более тяжелым. Попытки вернуть утраченные позиции не удалась — не хватило сил.

Уже на следующий день командующему Приморской армией генерал-майору И. Е. Петрову пришлось ввести в бой почти весь свой резерв. В третий сектор были направлены два полка прибывшей 388-й стрелковой дивизии, а в четвертый — один ее полк и 40-я кавалерийская дивизия (командир полковник Ф. Ф. Кудюров, военком полковой комиссар И. И. Карпович). Кавалеристы, брошенные на помощь 8-й бригаде, действовали в пешем строю. Силы дивизии были незначительны (в ней оставалось менее состава одного полка), но дралась она доблестно. Вместе с морски-

ми пехотинцами кавалеристы стойко сдерживали натиск во много раз превосходящих сил врага и нередко переходили в контратаки.

В упорных кровопролитных схватках таяли ряды защитников города. Лишь за первые два дня боев 8-я бригада потеряла 1700 человек — более половины своего состава¹. Все меньше оставалось сил и в кавалерийской дивизии. Но еще большие потери нес противник. Не считаясь с этим, он, подтягивая резервы, продолжал упорно вгрызаться в оборону советских войск.

В Бельбекской долине стойко держался 241-й полк 95-й стрелковой дивизии, пополненный 18-м отдельным батальоном морской пехоты.

В первый же день наступления противнику удалось обойти его с флангов. Затем гитлеровцы ворвались в траншеи, и ожесточенный бой разгорелся по всей ширине долины. В ход шли гранаты, штыки, приклады, лопаты. К вечеру фашисты вынуждены были отойти, но следующий день вновь начался с их ожесточенных атак. Противник окружил полк, но моряки и приморцы, вдохновляемые командиром полка капитаном Н. А. Дьякончуком и военкомом старшим политруком В. А. Жуковским, отбивали все его атаки. Когда враг прорвался к командному пункту полка, они не только отбросили его, но и захватили в плен 18 солдат.

Несколько дней сражался полк в окружении, и лишь после того, как он лишился большей части своего состава, по приказанию командующего Приморской армией был выведен из вражеского кольца. «Имей мы резервы для мощных контратак на соседних участках, — отмечал позднее в своей книге «Огненный бастион» бывший начальник штаба Приморской армии Маршал Советского Союза Н. И. Крылов, — доблестный 241-й полк устоял бы на старых позициях!»²

На направлении главного удара врага оказались и дзоты 1-й пулеметной роты (командир лейтенант М. Н. Садовников, военком политрук В. И. Гусев). Вытянувшиеся редкой цепочкой вдоль главной линии обороны, они в первые же дни вражеского штурма оказались передним краем. Командир роты и все ее бойцы — молодые краснофлотцы электромеханической школы учебного отряда флота были комсомольцами. Накануне наступления врага они приняли клятву не отступить ни на шаг, драться с врагом до последней капли крови. И они стояли насмерть. Гарнизоны

¹ См.: Героическая оборона Севастополя 1941—1942. М., 1969, с. 149.

² Крылов Н. И. Огненный бастион. М., 1973, с. 172.

дзотов насчитывали по семь — десять человек, вооруженных лишь одним станковым пулеметом, винтовками, гранатами и бутылками с зажигательной смесью. На них обрушивались удары бомбардировщиков, танков и артиллерии. Но после каждого огневого налета, когда, казалось, от дзотов ничего не осталось, вражеская пехота вновь попадала под сильный огонь этих маленьких крепостей.

Большой урон причиняли врагу 14-й и 15-й дзоты, прикрывавшие Бельбекскую долину. В первый же день его нового наступления бойцы 14-го дзота уничтожили более пятидесяти солдат и офицеров, захватили станковый и два ручных пулемета. На другой день им помогла отразить атаки гитлеровцев гаубичная батарея, огонь которой корректировал командир дзота старшина 2-й статьи Иван Пампуха. Дзот умолк на четвертый день, когда из всего гарнизона в живых остались только два тяжелораненых краснофлотца — Григорий Жаботинский и Николай Курганский.

Успешно отбивал атаки противника и 15-й дзот, стоявший у Симферопольского шоссе. На другой день наступления гитлеровцы подкатили противотанковое орудие, но морякам удалось подорвать его. Тогда на дзот был направлен танк. Навстречу ему поползли два краснофлотца. Остановившись, танк стал бить прямой наводкой. Попаданием снаряда разворотило накат дзота. Погиб командир дзота старший краснофлотец Умрихин, разбило пулемет, но морякам удалось поджечь танк. Выскочившие из него гитлеровцы были убиты. После этого враг обрушил на дзот артиллерийский огонь. Когда же автоматчики снова пошли в атаку, под ноги им из дымящихся амбразур покатались гранаты. Два моряка, оставшиеся в живых, но израненные, умирающие, уже не могли бросать гранаты, а, собрав остатки сил, выкатывали их...

В течение трех дней сдерживал натиск крупных сил врага дзот № 11 под командованием старшины 2-й статьи Сергея Раенко южнее селения Камышлы (Дальний). Команда укрепления состояла из десяти человек — в ходе боев на помощь ей пробились три моряка. На дзот пикировали вражеские самолеты. Атаки автоматчиков следовали одна за другой. В критические минуты боя морякам приходилось даже вызывать на себя огонь своей артиллерии. Дзот держался до тех пор, пока один за другим не погибли все его защитники¹.

¹ Из гарнизона 11-го дзота в живых остался лишь краснофлотец Григорий Доля, который, будучи раненым, был послан за помощью, но в пути потерял сознание и позже был подобран санитарями.

Спустя несколько дней, когда удалось на этом участке отбросить врага, в дзоте в одной из противогазных сумок была найдена записка, в которой говорилось: «Родина моя! Земля русская! Я, сын Ленинского комсомола, его воспитанник, дрался так, как подсказывало мне сердце... Я умираю, но знаю, что мы победим. Моряки-черноморцы! Деритесь крепче, уничтожайте фашистских бешеных собак! Клятву воина я сдержал. Калюжный». Об этом письме-завещании комсомольца вскоре узнали все защитники Севастополя.

Лишь с помощью танков гитлеровцы смогли подавить 16-й и 17-й дзоты, находившиеся на плато.

Героически сражались бойцы всех дзотов. Почти все они погибли, но не отступили ни на шаг¹.

Ожесточенный характер носили и бои в районе второго и первого секторов, где противник наносил вспомогательный удар. В первый же день наступления 50-я немецкая пехотная дивизия при поддержке танков и авиации несколько потеснила советские части во втором секторе. Восстановить положение позволило введение в бой комендантом сектора полковником И. А. Ласкиным находившихся в его резерве двух батальонов 7-й бригады морской пехоты.

Накал борьбы не ослабевал и в последующие дни. Отдельные высоты в районе деревень Нижний и Верхний Чоргунь многократно переходили из рук в руки.

Всегда — и в обычные, и в самые тяжелые минуты боя — примером отваги и стойкости служили коммунисты. При отражении вражеских атак был тяжело ранен командир 7-й бригады полковник Е. И. Жидилов. Его заменил военком бригады батальонный комиссар Н. Е. Ехлаков. Пламенный коммунист, отважный воин, внук участника первой Севастопольской обороны, он не раз водил моряков в штыковые атаки, страстным партийным словом и личным примером воодушевлял их на героические подвиги.

В разгар одного из боев вышли из строя командир и политрук 3-й роты 1-го батальона, а гитлеровцы снова пошли в атаку. Когда враг был уже в нескольких десятках шагов от окопов, над бруствером взметнулась рослая фигура парторга батальона заместителя политрука Ивана Личкатого:

— Слушай мою команду! За Родину, за Севастополь, вперед!

С криками «Полундра!» и «Ура!» моряки устремились за парторгом на врага. В этой контратаке замполитрука

¹ На месте, где находились 11-й и 15-й дзоты, ныне воздвигнуты памятники.

погиб. Когда гитлеровцы были отброшены и бой затих, товарищи извлекли из карманчика, пришитого к его тельняшке, партийный билет. Он был пробит и залит кровью: пуля угодила в сердце коммуниста¹.

Как и под Одессой, отважно сражалась командир пулеметного расчета сержант Нина Онилова. Своим мужеством, выдержкой в бою Анка-пулеметчица, как ласково называли ее чапаевцы по имени популярной киногероини, восхищала всех. При отражении очередной атаки противника она бутылкой с горючей жидкостью подожгла прорвавшийся к окопам фашистский танк. В этой ожесточенной схватке Нина была контужена, но поля боя не оставила. Огнем из пулемета она скосила тогда до сорока вражеских солдат и офицеров. А всего на ее боевом счету было несколько сот уничтоженных гитлеровцев. За героизм, проявленный в декабрьских боях, Нина Онилова была награждена орденом Красного Знамени. В те дни она связала свою жизнь с партией. В своем заявлении в партийную организацию Нина писала, что будет «бить врага до последнего дыхания». Дралась с фашистами она поистине героически, обычно вела огонь из своего пулемета с близкого расстояния, наверняка.

Героически защищали Севастополь летчики авиагруппы флота. Действовать им приходилось в очень сложных условиях. Небольшие аэродромы находились под непрерывными ударами авиации противника и артиллерийским обстрелом. Преимущество врага в самолетах было подавляющим. Это требовало от флотских летчиков не только отваги и мужества, но и высокого боевого мастерства, необыкновенной находчивости. И все это у них было. Смело и искусно пробиваясь через воздушные заслоны истребителей, сквозь огонь зенитных батарей, они наносили ощутимые удары по наступающим танкам и пехоте врага, по его артиллерии. Вернувшись на аэродром, чтобы принять боеприпасы и топливо, самолеты вновь и вновь поднимались в воздух.

Огромному превосходству врага в численности и огневой мощи защитники Севастополя противопоставляли мужество и стойкость. Каждая сотня метров продвижения вперед стоила ему огромных жертв. Однако положение советских войск все более ухудшалось. Они тоже несли тяжелые потери. Все сильнее сказывалась нехватка снарядов для полевой артиллерии. Командование СОРа в своем донесении, отправленном вечером 19 декабря 1941 г., указывало, что

¹ Партийный билет И. В. Личкатого хранится в Музее Краснознаменного Черноморского флота.

войска оборонительного района вынуждены были отойти на второй рубеж, а пополнение не поступает и боеприпасы на исходе. В донесении сообщалось, что принимаются меры по усилению частей, действующих на фронте, личным составом кораблей, береговых и зенитных батарей, аэродромной службы и других подразделений.

Сформированные резервные роты пришлось сразу же бросить в бой: 21 декабря истекал назначенный Гитлером срок взятия Севастополя, и командование 11-й немецкой армии всемерно стремилось сломить сопротивление защитников города. В тот день противнику удалось пробить полосу обороны в третьем секторе — на стыке 3-го морского полка и 54-го стрелкового полка 25-й стрелковой дивизии. Вражеский батальон углублялся в тыл, а у командира сектора генерал-майора Т. К. Коломийца уже не было никаких резервов. Тогда сюда был направлен батальон, сформированный в срочном порядке из команд береговых батарей во главе с майором К. С. Шейкиным. Моряки без всякой подготовки, с ходу атаковали прорвавшийся в тыл батальон. Несмотря на ожесточенный огонь врага, они неудержимо продвигались вперед, прокладывая себе путь гранатами и штыками. Результаты атаки превзошли все ожидания. В получасовой тяжелой схватке был уничтожен практически весь вражеский батальон. На поле боя осталось более трехсот убитых гитлеровцев. Моряки захватили 11 станковых и 7 ручных пулеметов, 2 миномета, более 300 винтовок и много боеприпасов, взяли в плен 20 солдат и офицеров¹. Таким образом положение на этом участке было восстановлено. Рубеж, которым овладел батальон К. С. Шейкина, удерживался вплоть до июньских боев.

Между тем натиск немецко-фашистских войск нарастал. 21 декабря они приблизились к станции Мекензиевы Горы — ключевой позиции на пути к Северной бухте. Сложное положение создавалось и во втором секторе, где противник бросил в бой свежие части 170-й дивизии, переброшенной с Керченского полуострова.

В этот критический момент по распоряжению Ставки Верховного Главнокомандования на помощь севастопольцам подоспело подкрепление. 21 декабря отряд боевых кораблей, следовавший из Новороссийска под флагом командующего флотом вице-адмирала Ф. С. Октябрьского, прорвался сквозь огненный заслон врага в Севастополь.

¹ См.: Коломиец Т. К. На бастионах Севастополя. Симферополь, 1970, с. 72.

Произошло это в дневное время, а не на рассвете, как планировалось. Отряд задержался в пути, попав в полосу тумана. При прорыве в базу корабли были атакованы группами вражеских бомбардировщиков, а на фарватере по ним открыла огонь тяжелая артиллерия противника. Но их выручили артиллеристы и летчики, оказавшие эффективное противодействие врагу. Около 13 часов в Северную бухту вошли крейсера «Красный Кавказ» и «Красный Крым», лидер «Харьков», эсминцы «Бодрый» и «Незаможник». Они доставили 79-ю стрелковую бригаду (командир полковник А. С. Потапов, военком полковой комиссар И. А. Слесарев) и один батальон 9-й бригады морской пехоты. Бригада тут же была введена в бой в районе станции Мекензиевы Горы.

В последующие два дня на боевых кораблях и транспортных из Туапсе в Севастополь были доставлены 345-я стрелковая дивизия (командир полковник Н. О. Гузь, военком полковой комиссар А. М. Пичугин), несколько маршевых подразделений и боеприпасы.

22-го декабря 79-я бригада и части 25-й стрелковой дивизии при огневой поддержке кораблей решительной атакой остановили продвижение врага, а с прибытием 345-й дивизии отбросили его за Камышловский овраг.

Командование 11-й немецкой армии, сосредоточив на направлении главного удара более трех дивизий, снова усилило наступление. На огневой шквал противника наша артиллерия уже не могла отвечать всей своей мощностью: приходилось экономить снаряды. К тому же из-за угрозы окружения войска, действовавшие севернее реки Бельбек, были отведены, и часть находившихся там береговых батарей пришлось уничтожить.

26 декабря началась Керченско-Феодосийская десантная операция, и немецко-фашистское командование стремилось как можно быстрее овладеть Севастополем, чтобы перебросить отсюда свои силы на Керченский полуостров. Сосредоточив на Мекензиевых горах основные силы, противник вел яростный штурм города.

Сражение шло днем и ночью. В 345-й и 25-й стрелковых дивизиях, в 79-й бригаде, сдерживавших натиск превосходящих сил врага, в строю оставалось все меньше людей. Но они не только успешно отражали бесчисленные атаки гитлеровцев, но и нередко бросались в контратаки.

28 декабря противник предпринял еще одну попытку пробиться к Северной бухте. Он наступал большими силами на узком участке фронта в районе станции Мекензиевы

Горы. Яростные бои велись за каждый метр земли. Станция по несколько раз в день переходила из рук в руки.

В архивах хранится немало волнующих документов тех дней. Среди них — решения собраний коммунистов и комсомольцев 365-й зенитной батареи, которую возглавляли старший лейтенант Н. А. Воробьев и младший политрук А. И. Донюшкин. Ее позиции находились на высоте в полутора километрах южнее станции Мекензиевы Горы. В ходе боев они не раз оказывались передним краем обороны. Два орудия разбило снарядами. Но батарея не прекращала огня по танкам и скоплениям пехоты противника. Его вели оставшиеся в строю орудийные расчеты Степана Данича и Ивана Стрельцова. Гитлеровцев, просачивавшихся к позициям артиллеристов, встречали ружейно-пулеметным огнем подвижные группы, которыми командовал старшина батареи Антон Шкода.

В такой обстановке ранним утром 31 декабря накоротке состоялись партийное и комсомольское собрания. Коммунисты батареи в своем решении записали:

«1. Высоту не сдадим, преградим путь врагу к Севастополю.

2. Коммунисты в трудный момент боя обязаны вселять в бойцов уверенность в победе над врагом... Победа или смерть — закон для каждого коммуниста на фронте»¹.

Через несколько минут после партийного собрания позиции батареи снова покрылись разрывами снарядов и мин: противник начал очередную артподготовку. После получасового обстрела в атаку двинулись танки и автоматчики. На этот раз им удалось окружить батарею. Кольцо врага сужалось. Начались рукопашные схватки у артиллерийских двориков и дальномерного котлована. В этот критический момент старший лейтенант Воробьев попросил командира дивизиона помочь артиллерийским огнем. Не выдержав обстрела других батарей, гитлеровцы отступили.

В эти дни позиции многих стационарных и полевых батарей становились передним краем обороны, били по врагу прямой наводкой. Артиллеристы вместе с отошедшими стрелковыми частями стояли насмерть, помня, что отстаивают последний рубеж.

Тяжелейшие испытания выпали, например, на долю командиров 705-й береговой батареи. Состояла она из трех орудий, снятых с затонувшего крейсера «Червона Украина».

¹ Центральный военно-морской архив (далее — ЦВМА), ф. 37, д. 318, л. 33.

на». Командовал ею старший лейтенант В. И. Дуриков, военкомом был Я. Ф. Симоненко. В конце декабря к позициям этой батареи отошли части 345-й дивизии. Поддерживая ее, батареи несколько дней сражались в полуокружении. Ее позиции бомбили самолеты, обстреливала артиллерия, атаковали танки и пехота. Так повторялось несколько раз в день. Артиллеристы и пехотинцы держались крепко. Устраняя под непрерывающимся обстрелом повреждения механизмов орудий, комендоры вновь и вновь открывали огонь, а когда врагу удавалось подойти вплотную к огненным позициям, вместе с приморцами бросались в штыковую атаку. Гитлеровцы так и не смогли взять этот рубеж.

Днем 28 декабря тяжелое положение сложилось на 30-й батарее береговой обороны. Врагу удалось вплотную подойти к ее позициям. На этом участке два неполных батальона 8-й бригады морской пехоты, обескровленный 90-й стрелковый полк и две роты, сформированные из артиллеристов, с большим трудом сдерживали постоянно усиливавшийся натиск врага. Ему удалось захватить городок батареи, приблизиться к командному пункту и башням. Тогда по занятым им позициям открыли огонь несколько других береговых батарей и крейсер «Молотов». Одновременно удар нанесли самолеты-штурмовики. Вслед за этим части, защищавшие батарею, перешли в контратаку и отбросили вражеские части, понесшие большие потери.

В последние дни декабря на помощь защитникам Севастополя вновь пришли корабли эскадры. Они доставили большое маршевое пополнение и боеприпасы. Тогда же началась переброска сюда 386-й стрелковой дивизии. Линкор «Парижская коммуна», крейсер «Молотов» и сопровождавшие их эсминцы оказывали также огневое содействие сухопутным войскам.

С началом Керченско-Феодосийской десантной операции, когда войска противника на Керченском полуострове попали в тяжелое положение, он был вынужден 29 и 30 декабря в срочном порядке перебросить туда часть своих сил с балаклавского направления.

По свидетельству Манштейна, упорное сопротивление защитников Севастополя убедило тогда немецко-фашистское командование в том, «что дальнейшие попытки продолжать наступление не обещают успеха»¹. И все же гитлеровцы не прекращали атак на Мекензиевых горах, надеясь хотя бы выйти к Северной бухте, до которой оставалось 2—3 км.

¹ Манштейн Э. Утерянные победы, с. 217.

Тем самым оборона города была бы расчленена, а бухта, куда прорывались корабли флота, оказалась бы под прицельным артиллерийским обстрелом.

31 декабря враг решил предпринять еще одну попытку пробиться к Северной бухте. Но ранним утром по его войскам, занявшим исходные позиции, корабли, береговые, полевые и зенитные батареи нанесли двадцатиминутный упреждающий артиллерийский удар. Начать атаку фашисты смогли лишь два часа спустя. На позиции севастопольцев двинулись танки и пехота. Снова разгорелся ожесточенный бой у станции Мекензиевы Горы. Отдельным фашистским автоматчикам удалось просочиться на Братское кладбище.

При отражении нового натиска противника эффективно действовала артиллерия. Нередко батарейцы выкатывали орудия на открытую позицию и били прямой наводкой. Большой урон врагу причинял бронепоезд «Железняков». Его стремительное появление и меткий артиллерийский, минометный и пулеметный огонь наводил панику на гитлеровцев. Совершив налет, бронепоезд уходил в железнодорожный туннель, чтобы через некоторое время вновь появиться в гуще боя.

Во второй половине дня противник, перегруппировав свои силы, вновь поднялся в атаку. И тут же по всей трехкилометровой полосе его наступления пронесся мощный огненный смерч: орудия кораблей, береговые, полевые и зенитные батареи нанесли удар такой силы, что гитлеровцы в панике бежали, оставив на поле боя множество убитых своих солдат и горящие танки.

Это был переломный момент. Изнуренные в многодневных тяжелых боях бойцы, командиры и политработники поняли тогда, что выстояли. Успех придавал им сил, и они бросились преследовать отступавшего противника.

Декабрьский штурм был отбит. Немецко-фашистское командование вынуждено было отдать приказ о переходе к обороне.

В ходе второго наступления противнику удалось оттеснить лишь войска четвертого сектора до тылового рубежа обороны. На остальных участках положение существенно не изменилось. В этих боях немецко-фашистские войска потеряли до 40 тыс. солдат и офицеров¹.

Новому успеху защитников Севастополя способствовало умелое использование командованием СОРа своих резервов, огневая поддержка кораблей эскадры, помощь подкрепле-

¹ См.: Моргунов П. А. Героический Севастополь, с. 241.

ниями, перебрасывавшимися с Кавказа, и начавшаяся Керченско-Феодосийская десантная операция.

Выражая чувства советских людей, их восхищение стойкостью севастопольцев, «Правда» тогда в передовой статье писала: «Несокрушимой скалой стоит Севастополь, этот страж Советской Родины на Черном море... Беззаветная отвага его защитников, их железная решимость и стойкость явились той несокрушимой стеной, о которую разбились бесчисленные яростные вражеские атаки. Привет славным защитникам Севастополя! Родина знает ваши подвиги. Родина ценит их, Родина никогда их не забудет!»¹

ВО ФРОНТОВЫХ УСЛОВИЯХ

С провалом второго наступления немецко-фашистских войск яростное сражение у стен города, длившееся полмесяца, сменилось боями на отдельных участках. Защитники Севастополя в этот период относительного затишья при активной поддержке корабельной артиллерии стремились вернуть утерянные позиции. В первые дни января в долине реки Черная были отбиты у врага селение Нижний Чоргунь и гора Госфорт; на северном, наиболее опасном участке войска противника были отброшены за Бельбекскую долину. Развить же успех из-за нехватки сил и боеприпасов не удалось. Но своими активными действиями защитники Севастополя сковывали значительные силы 11-й немецкой армии, не давая возможности врагу использовать их против войск Кавказского фронта² на Керченском полуострове. В то же время они готовились принять активное участие в полном освобождении Крыма.

Командование Кавказского фронта, которому теперь были подчинены войска СОРа, поставило перед Приморской армией задачу с переходом в наступление 51-й и 44-й армий с Керченского полуострова нанести удар в направлении Дуванкой, Бахчисарай с одновременной высадкой тактических морских десантов. Начать операцию планировалось 13 января. Однако этот срок неоднократно переносился. Противнику удалось упредить наступательные действия советских войск. 11-я немецкая армия, усиленная двумя ди-

¹ Правда, 1941, 31 дек.

² После высадки советских войск на Керченский полуостров был образован Кавказский фронт. 28 января директивой Ставки он был реорганизован в Крымский фронт и Закавказский военный округ (ЦВМА, ф. 72, д. 1193, л. 13—14).

визиями, 15 января ударом в направлении Феодосии оттеснила части 44-й армии и вновь овладела городом. Наступление войск фронта, начавшееся 27 февраля, к успеху не привело. Ставка приказала им перейти к обороне.

В этой обстановке командование СОРа приняло решение о совершенствовании инженерно-технических сооружений оборонительной линии. Инженерные работы, в которых участвовали жители города, велись под руководством генерал-майора инженерных войск А. Ф. Хренова, а с конца марта, когда он был отозван из СОРа, — военинженера 1 ранга В. Г. Парамонова, строились новые доты, дзоты и другие укрепления, расширялись аэродромы (Херсонесский и на Куликовом поле), создавался новый в Юхариной балке. Самолеты были укрыты в капониры.

В январе из Москвы прибыла особая оперативная группа по инженерным заграждениям во главе с начальником штаба инженерных войск Красной Армии генерал-майором И. П. Галицким. Из Новороссийска в Севастополь она была доставлена на крейсере «Молотов» вместе со значительным запасом противопехотных и противотанковых мин. Группа оказала значительную помощь в укреплении оборонительной системы.

Одновременно осуществлялись перегруппировка войск и их обучение. Широкий размах приобрело снайперское движение. Снайперы наносили огромный урон врагу. На боевом счету сержанта Ивана Левкина из 456-го пограничного полка, старшего сержанта Людмилы Павличенко из Чапаевской дивизии, старшины Ноя Адамия из 7-й бригады морской пехоты и многих других числилось по нескольку десятков и даже сотен уничтоженных гитлеровцев. Снайперскими стали многие орудийные расчеты и даже батареи. Это движение способствовало повышению боевого мастерства защитников Севастополя.

Севастополь стал близким сердцу каждого бойца и командира. Они гордились, что у его стен довелось им защищать свою Родину. И эту гордость они пронесут через всю свою жизнь.

«Не может быть, чтобы при мысли, что и вы в Севастополе, не проникло в душу вашу чувство какого-то мужества, гордости, и чтоб кровь не стала быстрее обращаться в ваших жилах». Этими строками из знаменитых «Севастопольских рассказов» Льва Толстого начинался дневник Нины Ониловой, простой украинской девушки из-под Одессы, ставшей во время войны командиром пулеметного расчета. «Да! — писала она. — И кровь стала быстротекущей, и душа

наполнена высоким волнением, а на лице яркая краска гордости и достоинства. Это наш родной советский город — Севастополь... Советский Севастополь — это героическая и прекрасная поэма Великой Отечественной войны. Когда говоришь о нем, не хватает ни слов, ни воздуха для дыхания...»¹ За Родину, за Севастополь пролила она кровь, отдала жизнь. 1 марта 1942 г. Нина была тяжело ранена в бою, а через неделю скончалась. Ей посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

И город жил одной жизнью с фронтом. И не только потому, что окопы передовой находились всего в нескольких километрах от его центра и не было такого района, который не обстреливался бы артиллерией, а позднее и минометами врага. Севастополь был ближайшей прифронтовой базой приморцев и черноморцев, их арсеналом, важным источником моральной поддержки. Многие его жители с первых дней обороны сражались на передовой или в севастопольском партизанском отряде, который вместе с другими партизанскими формированиями Крыма помогал войскам активными действиями в тылу врага. Остальные жители от мала до велика тоже участвовали в борьбе за родной город. Одни в составе команд местной противовоздушной обороны (МПВО) тушили пожары, обезвреживали неразорвавшиеся бомбы, разбирали завалы после очередных воздушных и артиллерийских налетов, другие ремонтировали дороги, соединявшие передовую с причалами порта, восстанавливали водопровод, налаживали прерванную связь.

С первых дней обороны на передовой нередко в разгар боя появлялся бронепоезд, носивший имя героя гражданской войны матроса Железнякова. Он был в короткий срок построен судостроителями Морзавода. В его создании принимал участие и техник по судостроению Михаил Федорович Харченко, герой гражданской войны, бывший командир красного бронепоезда «Ураган». Инженер-капитан-лейтенант М. Ф. Харченко во время боев за Севастополь стал командиром бронепоезда «Железняков».

Вооруженный корабельными орудиями, крупнокалиберными пулеметами и изготовленными рабочими железнодорожных мастерских восемью минометами, укомплектованный военными моряками, бронепоезд наводил ужас на гитлеровцев. Они называли его зеленым призраком.

Фронтовики и севастопольцев связывала большая боевая дружба. Севастополь давал своим защитникам все, что

¹ Хамадан Ал. Севастопольцы. М., 1942, с. 99.

имел, что могли сделать своими руками его жители: минометы, мины, гранаты, огнеметы, авиабомбы, лопаты, железные печурки для землянок, обмундирование. Он возвращал в строй поврежденные корабли, танки, орудия, автомашины, обстирывал бойцов и командиров, ухаживал за ранеными в госпиталях, давал им кровь, эвакуировал на Большую землю. Каждый остававшийся в городе не только напряженно трудился, но и учился военному делу и был готов в любую минуту занять место в окопах, на передовой, где уже сражались многие севастопольцы.

Затишье, установившееся на фронте после отражения второго наступления врага, чувствовалось и в израненном городе. Уже не каждый день он подвергался массированным ударам авиации и артиллерийским обстрелам. Развертывались восстановительные работы на Морском заводе и железнодорожном узле, повсюду в городе разбирались завалы. А наступившая весна принесла новую надежду на скорую деблокаду города. И хотя по-прежнему с передовой доносилась артиллерийская канонада и время от времени, прошуршав, гулко рвался снаряд, многие горожане покинули подземные убежища и переселились в уцелевшие дома. Постепенно приводились в порядок улицы, убирались завалы, засыпались воронки. Женщины Севастополя подбеливали израненные деревья, высаживали цветы. По городскому кольцу, весело позванивая, побежал трамвай.

Вновь была открыта панорама «Оборона Севастополя в 1854—1855 гг.». В том же здании размещалась картинная галерея музея второй обороны Севастополя. Их посетителями в основном были защитники города. Начали работать подземный кинотеатр, парикмахерские, фотоателье, даже чистильщики появились на улицах, вывесив таблички: «Фронтвикам — бесплатно».

Возобновились прерванные в ноябре из-за наступления врага занятия в школах. Теперь они расположились под землей. В мае 1942 г. председатель горисполкома В. П. Ефремов докладывал партактиву города: «В городе работают девять школ, в которых обучается 2422 учащихся, открыты детские сады, ясли, организован детский интернат для детей, потерявших родителей...»¹

Хорошо учиться и активно помогать старшим в борьбе с врагом — в этом севастопольские школьники видели свою святую обязанность. «Пусть фашист как хочет, так и бом-

¹ Героическая оборона Севастополя 1941—1942 гг.: Документы и материалы, с. 153.

бит, — писал в те дни в своем сочинении ученик 6-го класса Федя Кравчук, — а в школу мы ходить будем и назло врагу, на радость своим героям-отцам учиться будем только на «отлично»¹.

Бывший начальник штаба Приморской армии дважды Герой Советского Союза Маршал Советского Союза Н. И. Крылов вспоминал: «Самые будничные факты из жизни Севастополя в осаде приобретают, доходя до войск (в этом неоднократно доводилось убеждаться), огромную агитационную силу. Да и на командном пункте армии известия из города, касающиеся чего-нибудь совершенно обыденного по прежним понятиям, часто вызывают восхищение и гордость, напоминают о нашей солдатской ответственности перед мирными людьми, живущими рядом»².

После успешного отражения второго наступления врага промышленность города, работавшая только для нужд фронта, под руководством партийной организации города наращивала выпуск военной продукции. Чтобы обеспечить ее бесперебойную работу, с самого начала обороны, когда враг стал подвергать город воздушной бомбардировке, а затем и обстрелу из тяжелых орудий, городской комитет обороны и горком партии вместе с управлением тыла Черноморского флота за короткий срок организовали подземные спецкомбинаты, объединившие по несколько небольших предприятий.

В штольнях Троицкой балки был создан спецкомбинат № 1, насчитывавший около двух тысяч высококвалифицированных рабочих. В него вошли филиал Морзавода, специализировавшийся на выпуске 50-мм и 82-мм минометов и мин к ним, а также противотанковых и противопехотных мин и гранат, завод № 1, изготовлявший гранаты, мастерские, начинявшие взрывчаткой гранаты и мины, а также гальванический, медницкий и другие обслуживающие цехи.

В огромных цехах Инкерманского завода шампанских вин, прекратившего с началом войны выпуск своей продукции, был развернут спецкомбинат № 2, изготовлявший для бойцов и командиров обмундирование.

В штольнях, где издавна добывали строительный камень, люди не только трудились, но и жили по соседству со своими цехами, причем многие вместе с семьями.

Условия работы были очень тяжелыми. В первое время в штольнях не хватало кислорода, и люди быстро уставали.

¹ Партийный архив Крымского обкома Компартии Украины (далее — ПАКО), ф. 156, оп. 1, д. 12, № 22.

² Крылов Н. И. Огненный бастион, с. 130.

Положение мало изменилось и после того, как оборудовали вентиляцию. Ее нередко приходилось выключать, так как вместе с воздухом в штольни поступала удушливая пыль от близких разрывов бомб. Станки были старые, изношенные — все лучшее, наиболее ценное оборудование к тому времени уже эвакуировали. Но на эти трудности и невзгоды не обращали внимания, все трудились самоотверженно, движимые единым стремлением сделать для фронта как можно больше. За станками стояло немало стариков, женщин и особенно подростков, вчерашних школьников, уже в процессе выполнения заказов постигавших рабочие специальности. В цехе сборки гранат, например, работали в основном 15—17-летние девчата. «Детский сад», как в шутку называли цех на комбинате, ежедневно перевыполнял задания.

Трудились не только с полной отдачей сил, но и творчески, проявляя инициативу и находчивость. Так, при изготовлении 82-мм миномета первое время приходилось выполнять почти тридцать операций, на которые затрачивалось до сорока часов. Группа инженеров и рабочих разработала новый технологический процесс, позволивший намного уменьшить количество операций. В результате срок изготовления миномета был сокращен в десять раз, и производство минометов резко возросло.

Готовая продукция на складах не залеживалась, она сразу же поступала в сражающиеся части.

Антонина Алексеевна Сарина, в то время секретарь горкома партии, вспоминает:

— В один из дней у комбината меня встретил высокого роста моряк. «Наша часть занимает позиции по соседству с комбинатом, — сказал он. — Прослышали, что здесь делают минометы. Нам хотя бы миномета три с комплектами мин. А то фашисты засыпают нас минами, а ответить нечем. Товарищ Костенко рекомендовал обратиться к вам». С директором филпала Морзавода товарищем Костенко проверили документы и, посоветовавшись, решили минометы выдать. «Обещаем, что ни одна мина не упадет мимо цели!» — заверил обрадованный моряк.

Настоящий подземный город расположился в Инкерманских штольнях. Наряду со спецкомбинатом № 2 здесь находились хлебозавод, госпиталь на 5 тыс. человек, а также кинотеатр, столовая, школы, детские учреждения.

Спецкомбинат был создан на основе швейной фабрики, пошивочной артели «Красный швейник» и обувной фабрики «Парижская коммуна». Заказы от фронта поступали

крупные, а возможности у предприятия были невелики. Тогда горком партии и городской комитет обороны обратились за помощью к женщинам Севастополя, и за несколько дней численность коллектива комбината достигла шестисот человек.

— Недоставало швейных машин, — вспоминает бывший секретарь комсомольской организации предприятия Е. С. Якушечкина. — И чтобы не допускать простоя, мы обращались к жителям города. Писали объявления и развешивали их всюду. Они состояли всего из нескольких слов: «Выручайте — нужны детали для швейных машин». И нам приносили не только отдельные детали, но и машины. А нередко и сами женщины оставались на предприятии.

В соседних с цехами штольнях возник подземный городок со своими «улицами» и «проспектами», имевшими, конечно, и названия.

Работали женщины комбината по 12—14 часов в сутки, а когда заканчивалась смена, многие шли в госпиталь, расположенный по соседству, и ухаживали за ранеными, стирали бинты, которых часто не хватало, и белье находившихся на излечении бойцов и командиров.

Однажды спецкомбинат получил задание срочно изготовить партию запальных мешочков для авиабомб. Но где было взять легковоспламеняющийся материал — натуральный шелк? Выход нашли сами женщины. Не сговариваясь, они открыли свои сундучки и чемоданы и вынули шелковые кофты и платья, свои самые дорогие вещи, взятые с собой. Вытерли слезы, вспоминая мирные дни, и стали кроить мешочки.

Но не все предприятия могли укрыться в штольнях. Рабочие электростанций, артиллерийских мастерских завода «Молот» (до войны это была артель, выпускавшая кровати и различные предметы домашнего обихода) и других предприятий трудились под бомбежками и артобстрелами. Во время налетов тушили зажигалки, а когда самолеты улетали, оказывали помощь раненым, хоронили убитых, приводили в порядок рабочие места и снова приступали к работе.

Во время одного из налетов авиабомба пробила крышу цеха завода «Молот», вонзилась в пол рядом с вагранкой с готовым расплавленным чугуном, но не взорвалась. Когда прошло первое оцепенение, литейщики вновь появились в цехе. Они не могли ждать, когда будет обезврежена неразорвавшаяся бомба: нельзя было дать остыть чугуну. Вместе с подоспевшими бойцами аварийно-спасательной коман-

ды МПВО Корабельного района рабочие стали разливать расплавленный металл по формам.

Именно на этом заводе родилось движение «пятисотников» — социалистическое соревнование за выполнение пяти и больше производственных норм в сутки. Первым «пятисотником» стал токарь комсомолец Михаил Головин. Ряды этих передовиков постоянно увеличивались — люди делали, казалось, невозможное: в тяжелых условиях, без дополнительного технического оснащения, лишь за счет рабочей смекалки и огромного физического напряжения они давали продукции в три — пять и даже в семь раз больше установленных норм.

Трудовой энтузиазм и самоотверженность становились обыденными в жизни фронтового города. Нередко рабочие для ремонта боевой техники и оружия выезжали на передовую.

Работа предприятий усложнялась большими перебоями в снабжении сырьем, металлом, топливом. Небольшие запасы их быстро иссякли. Доставлялись же они нерегулярно и в мизерном количестве. Поэтому очень важно было находить внутренние резервы. В городе была введена строгая экономия материалов, сырья, топлива, электроэнергии. Изыскивали заменители. В дело пошли отходы. На станции Мекензиевы Горы, в паровозном депо и на Морзаводе оказались значительные запасы угольной пыли. Умельцы железнодорожного узла научились брикетировать ее. Комсомольцы города организовали сбор металлического лома. Для корпусов гранат шли консервные банки, кровельное железо с разрушенных домов. При изготовлении мин и гранат использовали взрывчатое вещество из морских мин. Оно доставлялось под артиллерийским огнем через бухту из Сухарной балки. Школьниками было собрано множество бутылок. Заполненные горючей жидкостью, они использовались в борьбе с фашистскими танками.

Примечательна история замены вышедших из строя стволов орудий «тридцатки» — одной из самых мощных береговых батарей флота, которая выпустила во врага почти вдвое больше снарядов, чем предусматривалось техническими нормами. Это было исключительно сложное задание. Батарея находилась всего в полутора-двух километрах от позиций врага, как и поврежденная железнодорожная ветка, по которой предстояло доставить стволы. Это обстоятельство исключало возможность использования мощного крана, чтобы снять тридцатитонные броневые листы и ог-

ромные стволы, каждый из которых весил более 50 т. И все же батарея была возрождена.

Эта уникальная операция выполнялась под руководством военного инженера А. А. Алексеева бригадой слесарей флотской артмастерской во главе со старшим мастером С. И. Прокудой и находившейся в Севастополе бригадой ленинградского завода «Большевик», которую возглавлял старший мастер И. О. Сечко. Активную помощь им оказывали артиллеристы батареи. Проявив высокое мастерство, техническую смекалку и самоотверженность, они справились с заданием в удивительно короткий срок и скрытно от противника. По предложению мастера Прокуды горизонтальные броневые листы не стали снимать, как это делалось обычно, а лишь приподняли домкратами. Огромные стволы орудий вытаскивали лебедками и трактором. Трудились днем и ночью, по 18—20 часов. Работы на поверхности земли велись ночью или под прикрытием дымовой завесы, мешавшей противнику вести прицельный артиллерийский и минометный огонь. Но, несмотря на эти меры, несколько краснофлотцев и рабочих в ходе выполнения задания погибли.

Саперы восстановили крепостную железнодорожную ветку, и по ней под самым носом врага ночью бесшумно прошли первые две платформы со стволами. Следующей ночью доставлялась вторая пара стволов. Но на этот раз случилось непредвиденное: снарядом или бомбой было повреждено полотно, и тендер паровоза в двухстах метрах от батареи сошел с рельсов. Тогда артиллеристы батареи, отцепив платформы, вручную откатили их к башне, а затем поставили тендер на рельсы, и паровоз с платформами благополучно ушел из опасной зоны.

С завершением работ на батарее состоялся митинг. Выступая на нем, вице-адмирал Ф. С. Октябрьский сказал: «Если бы до войны какому-либо профессору сказать, что за шестнадцать суток без применения специальных кранов артиллеристы и рабочие заменят стволы такой батареи... у профессора очки полезли бы на лоб от удивления... Вы — не только храбрые воины, вы совершили еще и трудовой подвиг, равный которому трудно найти в истории»¹.

Мужество трудящихся города стало нормой поведения. Поразительное мужество и выдержку проявляли вышковые наблюдатели. Во время вражеских воздушных налетов и артобстрелов они устремлялись не в укрытие, а на откры-

¹ Мусьяков П. Подвиг тридцатой батареи. М., 1959, с. 87.

тые площадки наблюдательных пунктов, которые находились на уцелевших зданиях, расположенных на возвышенностях.

Один из таких постов был оборудован на здании гидрометеослужбы, стоявшем на центральном городском холме (ныне площадь Ленина). Здесь нес свою вахту вышкой И. С. Черный, отличавшийся не только удивительной смелостью и хладнокровием, но и отличной ориентировкой. Он безошибочно определял место падения очередной бомбы или снаряда и тут же сообщал в городской штаб МПВО, который незамедлительно направлял в район поражения аварийно-спасательные команды и медицинских работников, принимал другие неотложные меры.

По-фронтовому работали связисты города, которых возглавлял начальник службы связи и оповещения штаба МПВО П. А. Лунев. Вместе с военными связистами они нередко под огнем врага восстанавливали телеграфную и телефонные линии, надежно обеспечивали связью командование войск, городской комитет обороны, штабы МПВО, предприятия.

Большим самообладанием и мужеством отличались бойцы медико-санитарной службы МПВО. Нередко, спасая раненых, они сами получали ранения или погибали под вражескими бомбами и снарядами.

Проявляя выдержку и собранность, трудились коллективы электростанций, на которые то и дело пикировали вражеские бомбардировщики, экипажи буксиров и катеров, сновавших в бухтах под обстрелом, обеспечивая связь между Северной, Корабельной и Центральной частями города.

В боевых условиях приходилось работать железнодорожникам. Каждый из тридцати шести километров действовавших железнодорожных линий обстреливался из орудий и минометов. Прежде чем отправить очередной состав с боеприпасами на передовую, им приходилось засыпать воронки на путях, заменять поврежденные бомбами и снарядами рельсы.

Однажды бригада машиниста Н. А. Островского получила задание доставить из Балаклавы цистерны с авиационным бензином. Предстояло провести поезд с опасным грузом на виду у врага. Незаметно проскочить не удалось: когда паровоз подошел к укрытым цистернам, вокруг стали рваться снаряды и мины. Только прицепили две цистерны — вспыхнула одна из оставшихся. Близким взрывом контузило помощника машиниста. Островский тут же дал ход. На вы-

ручку пришли артиллеристы. Открыв огонь по батареям врага, они заставили их замолчать. В пути состав вновь был обстрелян. Снаряды рвались у самого паровоза, осыпая его осколками. Вышел из строя инжектор. Но Островский упорно вел поезд с грузом, в котором так нуждались летчики Севастополя. В Севастополь паровоз прибыл буквально изрешеченным.

Героизм севастопольцев становился массовым. Во время одного из налетов вражеской авиации у станка была тяжело ранена молодая штамповщица Анастасия Чаус. Она лишилась руки, а работавшая рядом ее подруга Лиза Леонова была убита. Почти месяц Настя пролежала в больнице. А когда вышла, директор завода предложил ей эвакуироваться на Большую землю.

— Никуда из Севастополя я не поеду, — заявила Чаус. — Буду трудиться и с одной рукой.

— Ну тогда тебе нужно перейти на более легкую работу.

— Нет, хочу к своему станку. — И тут же добавила: — Не беспокойтесь, не подведу!

И снова она стала штамповать детали для гранат, но теперь уже в штольне, где был оборудован спецкомбинат. Первое время работа у нее не ладилась. Девушка знала, что каждый станок должен использоваться на полную мощность, и упорно стремилась вернуть свою былую сноровку и быстроту. Всячески помогали товарищи. И вот настал день, когда комсомолка выполнила производственную норму. А потом, терпеливо преодолевая боль, которая все еще о себе давала знать, стала регулярно выполнять две, три и более норм в сутки. Ее боевой и трудовой подвиг был отмечен орденом Красной Звезды.

И таких героев, чьи имена знали все севастопольцы, в городе было немало.

В самые трудные моменты, когда предприятия нуждались в действенной помощи, появлялась худенькая, стройная, необычайно живая, энергичная женщина. Это была секретарь горкома партии А. А. Сарина. Антонина Алексеевна возглавляла тогда партийное руководство промышленностью — один из самых сложных участков работы.

Домохозяйка Е. И. Гуленкова, проводив мужа на фронт, заменила его, электромонтера, на Новошувльской подстанции, оказавшейся рядом с передним краем. Подстанция обеспечивала электроэнергией водокачку, которая снабжала водой город. А когда ушли на защиту Севастополя и два других электрика, Ефросинья Ивановна стала работать за троих мужчин. «В дни защиты осажденного любимого го-

рода Севастополя, — писала она в те дни в своем заявлении в партийную организацию, — хочу работать и помогать фронту, будучи коммунистом...» Отважная женщина была принята в партию, удостоилась медали «За отвагу».

У Ефросиньи Ивановны нашлось много последователей. Никто не хотел в этот трудный час сидеть дома. Каждый стремился быть полезным делу защиты города, оказывать посильную помощь советским воинам, отстаивавшим Севастополь. Севастопольцы и фронтовики постоянно чувствовали локоть друг друга. Поврежденный на переходе корабль тут же начинали ремонтировать корабельщики и моряки; танкисты, доставившие на завод «Молот» или в железнодорожные мастерские израненную в бою танкетку, участвовали в ремонте вместе с рабочими-слесарями; армейские и городские связисты совместно восстанавливали поврежденные телефонные линии. Но прежде всего это единение чувствовалось в изготовлении на предприятиях Севастополя оружия и боеприпасов, в пополнении горожанами частей, сражавшихся на подступах к городу.

Не все жители, конечно, могли трудиться на предприятиях, но помогать фронтовикам хотелось каждому. И с самого начала обороны стали возникать бригады помощи фронту. Они появлялись стихийно в бомбоубежищах, в уцелевших домах.

Жительница Северной стороны Наталья Максимовна Басак, проводив мужа и старшего сына на фронт, с младшим сыном стала ухаживать за ранеными бойцами, стирать и шить для них. А через несколько дней к ним присоединились несколько домохозяек, живших по соседству. Образовалась бригада, численность которой со временем достигла 120 человек. Женщины не только шили и стирали для фронтовиков белье, но и устроили у переправы своеобразный перевалочный медицинский пункт. Тут раненых, переправляемых через бухту в госпиталь, они мыли, перевязывали, поили чаем.

Во время очередного артиллерийского обстрела погиб младший сын Натальи Максимовны, но и это большое горе не сломило мужественную женщину. Она продолжала трудиться в бригаде.

Только в декабре возникло 30 бригад помощи фронту, включавших 416 женщин. 20 бригад занимались пошивом теплых вещей, а остальные — стиркой белья.

В Бартеньевке, недалеко от передней линии обороны, действовала бригада под руководством председателя улич-

ного комитета Марии Лукьяновны Анисимовой. Работая в сложной обстановке прифронтовой полосы, она вовремя выполняла все заказы частей Чапаевской дивизии.

Несколько таких бригад возникло в слободке на Куликовом поле. Одну из них организовала домохозяйка Л. А. Ракова, энергичная, инициативная женщина. Начинались холода, и женщины решили шить для фронтовиков шапки-ушанки и рукавицы. В дом Лидии Алексеевны снесли швейные машинки. Но где взять пошивочный материал? Поиски привели на Максимову дачу, где размещался госпиталь. Здесь обнаружили старые одеяла и шинели. Вскоре они были доставлены в дом Раковой, и работа закипела. Первую партию рукавиц и шапок женщины отвезли на передовую сами. Горячая благодарность бойцов была им наградой за заботу и внимание.

Шестидесятипятилетняя М. Т. Тимченко в своем домике на Керченской улице организовала прачечную. Бригада Марии Тимофеевны шефствовала над гвардейским арtpолком. Каждый раз, приезжая в баню, бойцы получали свежее, выглаженное белье и после помывки оставляли на стирку новую партию.

Горком партии и городской комитет обороны горячо поддержали движение бригад помощи фронту. Была создана специальная комиссия во главе с секретарем Северного райкома партии Е. П. Гырдымовой, которая наладила централизованное снабжение их пошивочным материалом, установила тесную связь с воинскими частями. Комиссия занялась также организацией быта в бомбоубежищах — общежитиях, медицинского и культурного обслуживания членов бригад, политической работы среди них.

Евгения Петровна Гырдымова вспоминает, как в одном из убежищ дома № 47 по улице Ленина, где жили пожилые женщины, к ней обратилась комендант убежища учительница Островерхова: «Старушки наши просят им работу по силам отыскать. Тоже фронту хотят помогать». — «А что они могут делать?» — «Вязать могли бы... Тоскуют без настоящего дела. Не хотят в такое время сидеть сложа руки».

Но шерсти в городе не было. С большим трудом на складах Приморской армии удалось разыскать кучу свалывшейся, в репьях и колючках шерсти. «Берите, — сказал Евгении Петровне интендант, — только не знаю, что из нее сделать можно».

Женщины обрадовались шерсти и сразу же взялись за дело.

— Не знаю, сколько дней и ночей они распутывали ее, мыли, чистили, пряли, — говорит Евгения Петровна. — Как бы там ни было, а около двух центнеров шерсти превратилось в теплые носки и варежки, которые согревали моряков и воинов Приморской армии в январские и февральские холода.

Всего за дни обороны женщины Севастополя собрали и связали для бойцов и командиров 40 тыс. различных теплых вещей, выстирали свыше 700 тыс. пар белья, починили 200 тыс. и сшили 50 тыс. пар белья. Они послали на фронт 20 тыс. подарков, дали тяжелораненым бойцам более 1200 литров своей крови¹.

Бойцов согревали не только шапки-ушанки, рукавицы, подшлемники, пошитые руками фронтовых хозяек, как любовно называли они севастопольских женщин, но и записки с теплыми словами, которые непременно вкладывались в пошитые вещи.

А жизнь ставила перед севастопольцами все новые и новые проблемы. Севастополь не имел овощей, доставлять же их с Кавказа было очень сложно. Между тем ранней весной появилась опасность заболевания воинов и горожан цингой. Чтобы устранить ее, по инициативе секретаря обкома партии Ф. Д. Меньшикова, постоянно находившегося в Севастополе, было организовано производство витаминной настойки. Ее получали из можжевельника, сосны, туи, люцерны и других зеленых растений. Женщины, старики и дети заготавливали их всюду, где только была возможность, — на Максимовой даче, мысе Фиолент, в совхозе имени Софьи Перовской.

Ранней весной на городских пустырях, во дворах, в районе оборонительных линий и артиллерийских батарей были заложены огороды. С Северного Кавказа были доставлены семена, которыми щедро поделились кубанцы. «Каждому двору — огородную грядку!» — этот лозунг стал популярным в городе. Разбивали огороды обычно под обстрелом и бомбежкой. Много занималась выращиванием зелени для фронтовиков управляющая отделением совхоза имени Софьи Перовской член партии М. И. Олениченко. На огороде она и погибла, сраженная осколком снаряда.

До начала третьего наступления врага на севастопольской земле было собрано 200 т зеленого лука, 2 млн. пучков редиса, 20 т шпината и около 10 т другой зелени.

¹ См.: Материалы исторической комиссии Севастопольского горкома Компартии Украины об обороне, освобождении и восстановлении Севастополя, т. XVI, с. 296.

Женщины отправляли на передовую и овощи, выращенные на индивидуальных огородах, в качестве подарков.

Одним из энтузиастов выращивания зелени был коммунист Н. К. Соболев, работавший в Севастополе пропагандистом. Благодаря его инициативе была решена и проблема получения спирта, которого ежедневно требовалось для нужд госпиталей и больниц около полутонны. В пригородных совхозах обнаружили старые виноградные выжимки и дрожжи, установили перегонные аппараты, и перерабатывающий пункт стал ежедневно давать до 400 л спирта в сутки.

Фронтвые хозяйки всегда были желанными гостями на передовой. Они рассказывали о городе, о своей работе, призывали бойцов беспощадно громить врага, воодушевляли их на стойкость. Это были волнующие встречи. Об одной из них вспоминает Е. П. Гырдымова:

«...В один из мартовских вечеров мы обошли многие огневые точки, а затем вошли в блиндаж автоматчиков. Командир полка подполковник В. В. Шашло рассказал нам о доблести, храбрости, боевых делах воинов. Затем слово взяла член нашей делегации секретарь партбюро горпроторга Зинаида Филипповна Сутырина. «Севастопольские женщины, — сказала она, — поручили подарить вот эти серебряные карманные часы лучшему снайперу. У кого же из вас самый большой счет убитых фашистов?» Подполковник Шашло назвал фамилию бойца, и к нам подошел, смущенно улыбаясь, паренек, с веселыми серыми глазами и яркими веснушками на совсем еще мальчишеском лице. Он горячо поблагодарил за подарок и под гром аплодисментов дал... от имени всех бойцов клятву еще лучше бить врага.

Не передать волнения, которое охватило всех нас в те минуты. С нами была Мария Тимофеевна Тимченко, известная наша активистка, внучка участника обороны 1854—1855 годов. Четыре ее сына сражались на фронтах Великой Отечественной войны... Шел ей тогда седьмой десяток. Не выдержала Мария Тимофеевна, встала, попросила дать ей слово. «Родные мои сыны! — начала она взволнованно. — Я... не привезла вам богатых подарков, так как их сейчас у меня нет. Я вам принесла самое дорогое — мою материнскую любовь к вам, мое горячее сердце... Клянусь вам, сыны мои, я буду вам помогать до последнего своего дыхания. Что потребуется, то я и сделаю. Я выстираю вам рубашки, обмою ваши раны, в трудную минуту утешу добрым словом.

Мы, матери, гордимся тем, что родили, вскормили и воспитали истинных сынов нашей любимой Родины — таких, как вы, дорогие воины! Так бейте же врагов беспощадно, мстите им за ваших жен, детей, матерей! Слава нашим дорогим воинам, сынам матери-Отчизны!»

В блиндаже все встали, многие подняли вверх автоматы. «Клянемся, мать, не пустим врага в Севастополь!» — говорили бойцы. Один из автоматчиков подошел к Марии Тимофеевне, обнял ее и поцеловал, а комиссар дивизии бригадный комиссар Петр Ефимович Солонцов, прощаясь с нами, сказал: «Вы не представляете, какое большое дело вы сделали, приехав к нам! Завтра мы идем в бой, наши бойцы будут драться отчаянно...»¹

Высокий патриотический дух жителей города поддерживался каждодневной политико-воспитательной работой, которой было охвачено все население города. Страстным большевистским словом агитаторы, пропагандисты укрепляли у людей уверенность в победе над врагом, призывали отдавать все силы защите родного города.

Руководители обороны, секретари обкома и горкома партии, а также секретари обкома и горкома комсомола и многие другие коммунисты и комсомольцы постоянно бывали в цехах предприятий, в убежищах, в подразделениях МПВО. Они рассказывали о положении на подступах к Севастополю и на других участках советско-германского фронта, о героизме защитников города и трудовой доблести севастопольцев.

Душой и организатором агитационно-пропагандистской работы в городе был Федор Дмитриевич Меньшиков, ведавший в обкоме вопросами пропаганды. Все его знали в лицо. Пламенный советский патриот, человек высокой культуры, прекрасный педагог и воспитатель, он умел зажечь людей словом, вселить в них уверенность в победе над врагом, поднять на трудные, героические дела. Меньшиков часто выступал на предприятиях и в убежищах города, на передовой перед бойцами. Федор Дмитриевич погиб в последние дни обороны.

В городе активно работал кабинет пропаганды и агитации, возглавлявшийся пропагандистом горкома партии П. Я. Саринным. Здесь же была развернута библиотека, состоявшая в основном из книг, собранных среди населения. В кабинете постоянно дежурили пропагандисты и агитаторы. Он никогда не пустовал. Люди с жадностью читали

¹ Огненные дни Севастополя, с. 164—165.

центральные газеты, которые доставлялись самолетами и кораблями, и городскую газету «Красный Крым», слушали радио.

В подземном кинотеатре, в красных уголках больших бомбоубежищ демонстрировались кинофильмы.

Осажденный город жил трудной, но активной, полной борьбы и энтузиазма жизнью.

ЖЕЛЕЗНАЯ СТОЙКОСТЬ

Наступила весна сорок второго. Враг, все более утрачивая свои преимущества, уже не мог вести наступление на всем протяжении советско-германского фронта и теперь рассчитывал добиться своих целей в войне проведением последовательных операций. Главный удар он планировал нанести на южном направлении, стремясь овладеть районом Кавказа. Затем немецко-фашистское командование предполагало осуществить перегруппировку своих войск для развертывания наступления на Москву.

В те дни ставка Гитлера потребовала от Манштейна вновь овладеть Керченским полуостровом и, сосредоточив все силы под Севастополем, как можно быстрее взять его, чтобы использовать 11-ю армию на главном направлении весенне-летнего наступления.

Сосредоточив против войск Крымского фронта крупные силы, противник 8 мая перешел в наступление. Основной удар наносился на узком 5-километровом участке, вдоль побережья Феодосийского залива. Танки и пехота при поддержке авиации и артиллерии прорвали слабую однолинейную оборону советских войск и вышли им в тыл, продвигаясь к Турецкому валу. Командование Крымского фронта не сумело организованно отвести войска на этот рубеж. Прорвавшись через Турецкий вал, фашистские части развили успех в направлении Керчи и 19 мая захватили город. К 20 мая гитлеровцы полностью овладели Керченским полуостровом. Возникла угроза продвижения врага на Северный Кавказ через Керченский пролив и Таманский полуостров.

Еще более тяжелым стало положение Севастополя. Командование 11-й армии начало перебрасывать свои дивизии к городу еще до завершения боев на Керченском полуострове. Оно получало в свое распоряжение крупные силы авиации и артиллерии.

Защитники Севастополя, сознавая, что впереди их ждут еще более тяжелые испытания, деловито и энергично готовились к предстоящим боям. Все были уверены в том, что,

как бы ни был враг силен, выстоят, отразят все его атаки. «Наши люди, — вспоминал Маршал Советского Союза Н. И. Крылов, — безраздельно связывали свою судьбу с судьбой Севастополя. И несмотря на все происшедшее под Керчью, мы верили, что сможем его удержать. Если только не прервется снабжение...»¹

Особое внимание уделялось совершенствованию фортификационных сооружений, созданию единой оборонительной системы. Расширялась и углублялась сеть окопов и ходов сообщения, сооружались дополнительные противотанковые препятствия, строились доты и дзоты, закладывались новые минные поля. На северном участке обороны, где противнику удалось потеснить советские части, пришлось заново создавать передовой рубеж по северным скатам Бельбекской долины. Восстанавливался и усиливался тыловой рубеж, частично разрушенный в декабрьских боях.

Оборудовались запасные и ложные командные и наблюдательные пункты, позиции артиллерийских и минометных батарей, прокладывались дублирующие линии связи.

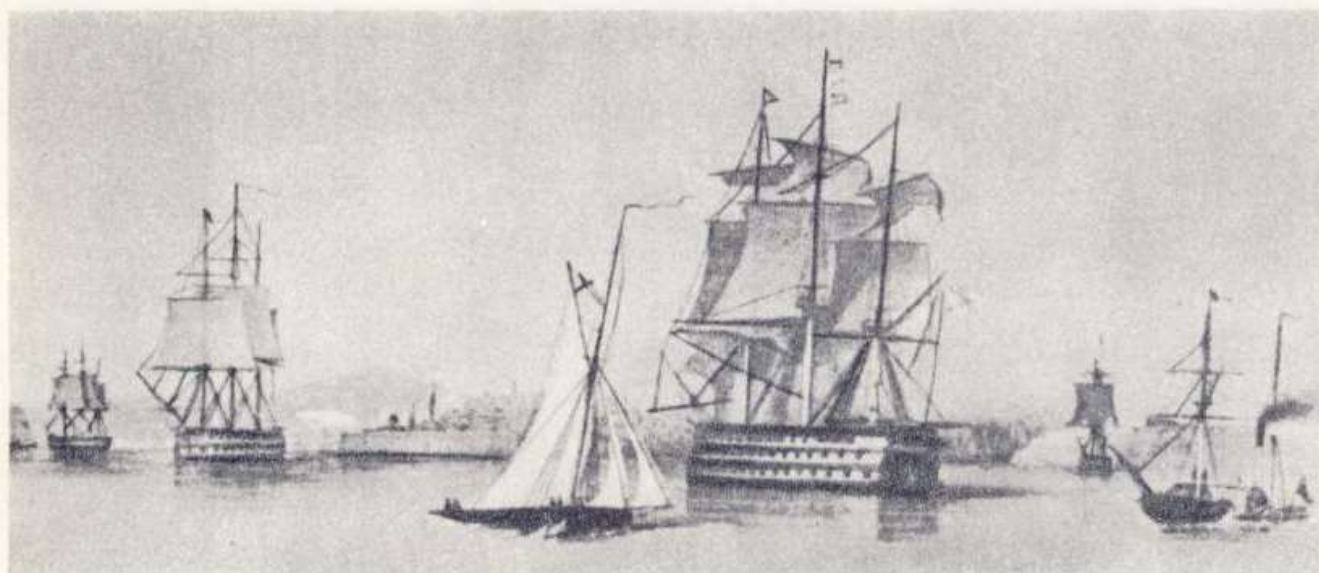
Об объеме оборонительных работ, выполненных к началу третьего вражеского штурма, можно судить по такому факту: при 36-километровом фронте общая длина окопов и ходов сообщения только в пределах передового рубежа достигла 350 км².

Глубоко эшелонированная оборонительная линия по-прежнему состояла из трех рубежей. На севере передовой рубеж теперь, по существу, являлся главным. Проходил он по линии Любимовка, Бельбек, Камышлы, дальше он шел через Сахарную Головку, Верхний Чоргунь, Кадыковку, Балаклаву. Придвинулся к городу на северном участке и второй рубеж: им стал восстановленный тыловой, пролежавший через совхоз имени Софьи Перовской и станцию Мекензиевы Горы. На южном участке он по-прежнему включал такие ключевые позиции, как гора Суздальская, Сапун-гора и высоты Карагач.

Не располагая достаточными резервами, командование СОРа, как и прежде, придавало большое значение использованию артиллерии, взаимодействию всех ее видов, отработке централизации управления артиллерийским огнем, позволявшей в течение нескольких минут сосредоточить огонь многих батарей на определенном участке фронта. Штаб артиллерии Приморской армии и штаб береговой обороны сов-

¹ Крылов Н. И. Огненный бастион, с. 300.

² См. там же, с. 301.

Общий вид Севастополя. Первая половина XIX в.

Митинг в Севастополе. 1917 г.

Отряд моряков на улицах города. 1941 г.

На подступах к Севастополю. Январь 1942 г.

Ф. С. Октябрьский

И. Е. Петров

Н. М. Кулаков

И. Д. Елисеев

П. А. Моргунов

Н. А. Остряков

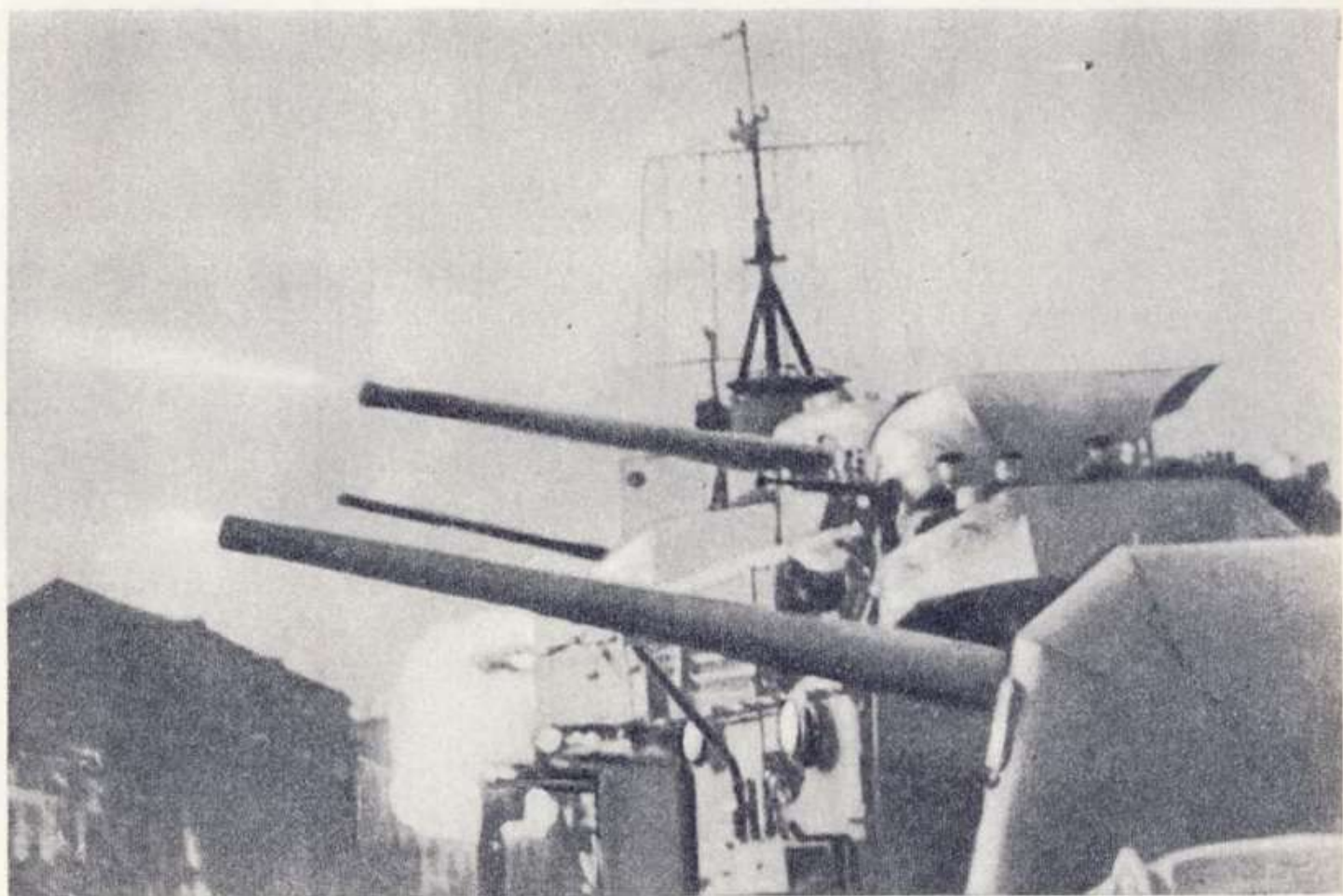
Г. В. Жуков

Н. И. Крылов

А. Ф. Хренов

Лидер «Харьков» ведет огонь из Южной бухты Севастополя. 1941 г.

Идет партийное собрание на 10-й береговой батарее. 1941 г.

П. Ф. Горпищенко и
П. И. Силантьев на НП
8-й бригады морской
пехоты. 1942 г.

Группа руководителей обороны Севастополя (слева направо): председа-
тель городского Совета В. П. Ефремов, председатель городского комитета
обороны, секретарь горкома партии Б. А. Борисов, комендант 4-го сектора
обороны А. Г. Капитохин, командующий Приморской армией И. Е. Петров,
член Военного совета Приморской армии М. Г. Кузнецов, комендант 2-го
сектора обороны И. А. Ласкин, военком 345-й стрелковой дивизии А. М. Пи-
чугин. 1942 г.

Командир крейсера «Красный Кавказ» А. М. Гущин (слева) и военком Г. И. Щербак на ходовом мостике. 1942 г.

Командир 345-й дивизии Н. О. Гузь ставит задачу по разведке боем. 1942 г.

Н. Д. Фильченков

А. И. Зубков

В. Н. Ерошенко

Ф. И. Кравченко

П. М. Буряк

М. Ф. Харченко

И. С. Пьянзин

С. С. Раенко

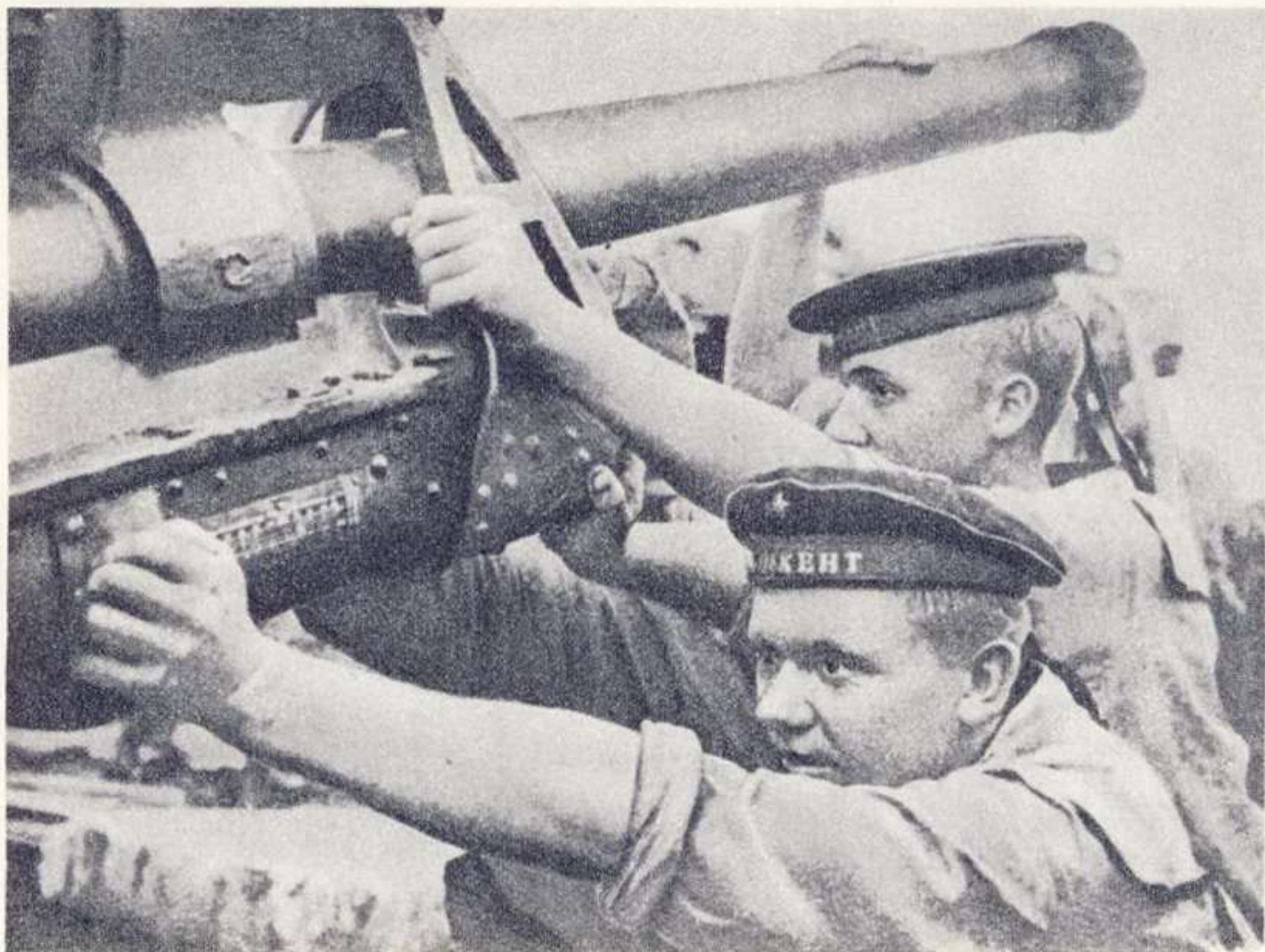
Н. П. Адамия

Летчики 3-й особой авиагруппы. 1942 г.

На Мекензиевых горах. Перед воинами 7-й бригады морской пехоты выступает комендант 3-го сектора обороны Т. К. Коломиец. 1942 г.

Лидер «Ташкент» в Новороссийске принимает на борт боевую технику для защитников Севастополя. Июнь 1942 г.

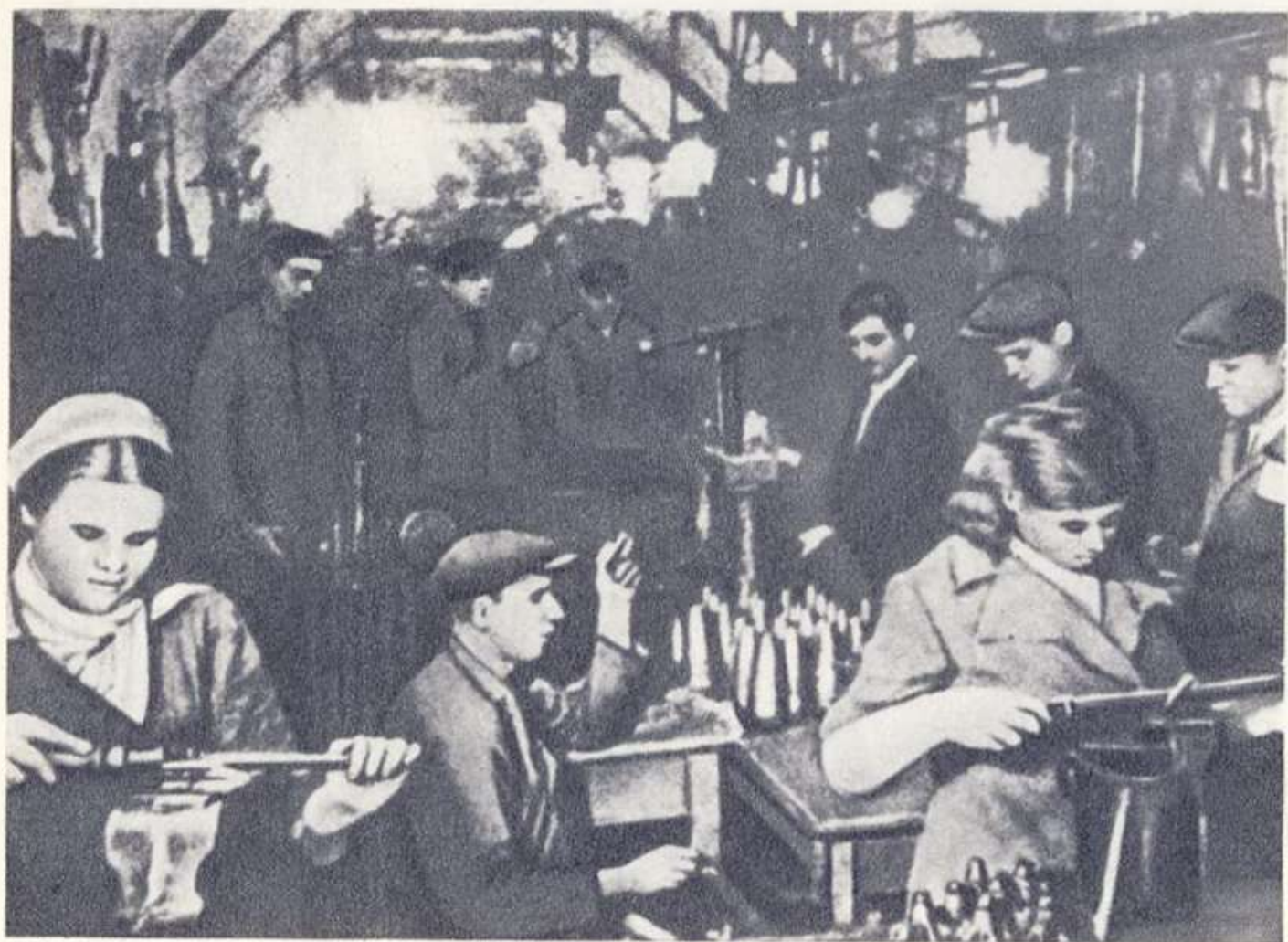
Артиллеристы 30-й береговой батареи. В первом ряду второй слева — командир батареи Г. А. Александер. 1942 г.

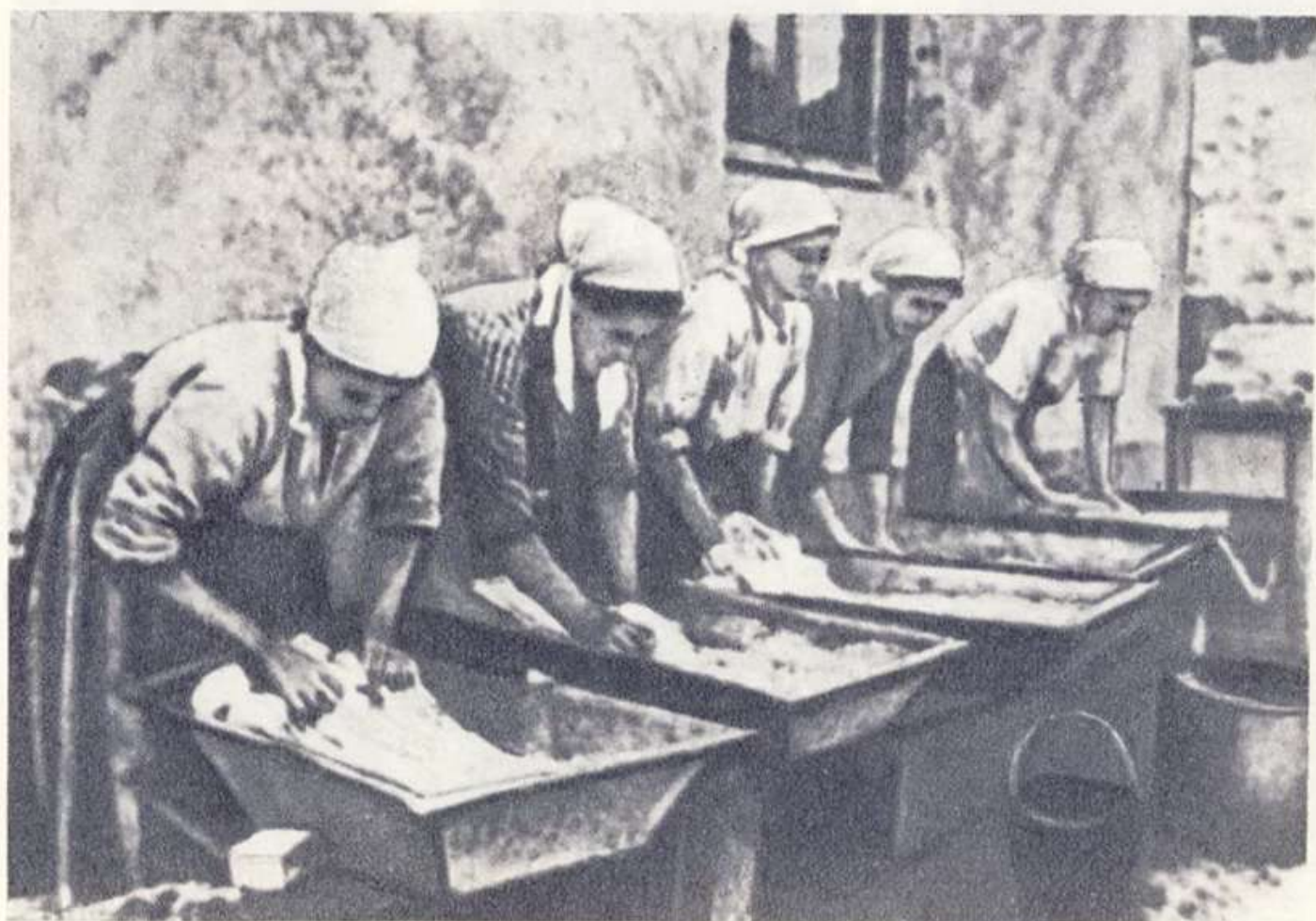
Бронепоезд «Железняков» выходит в район боевых действий. 1942 г.

Писатель Леонид Соболев (второй справа) на позициях морских пехотинцев
1942 г.

В штольне спецкомбината № 1

«Фронтовые хозяйки»

П. Г. Новиков

И. С. Жилин

А. С. Потапов

И. А. Слесарев

А. В. Багрий

И. И. Богатырь

Н. А. Онилова

Л. М. Павличенко

М. К. Байда

На Малаховом кургане. Зенитчики отбивают налет фашистских самолетов.
Апрель 1942 г.

К. Е. Ворошилов, С. С. Бирюзов, Ф. И. Толбухин и А. М. Василевский на КП
4-го Украинского фронта. 1944 г.

Бой на Приморском бульваре. 9 мая 1944 г.

Над освобожденным Севастополем снова взвился Военно-морской флаг.
10 мая 1944 г.

Монумент городу-герою

Севастополь сегодня

Член Политбюро ЦК КПСС, Министр обороны СССР Маршал Советского Союза Д. Ф. Устинов вручает городу-герою Севастополю орден Октябрьской Революции. Сентябрь 1983 г.

Праздничный фейерверк в городе-герое

местно разработали и довели до каждой батареи четкую систему стрельбы, с помощью которой можно было в любое время сосредоточить на том или ином участке огонь 60—100 и более орудий на 1 км фронта.

Медико-санитарная служба в различных местах города развернула госпитали на 10 тыс. коек. Причем около половины их было оборудовано под землей. Совершенствовали свое хозяйство связисты, тыловые части.

В городе в середине мая была объявлена мобилизация коммунистов и комсомольцев. По решению городского комитета обороны к вооруженной борьбе с врагом готовилось все население, способное носить оружие. На предприятиях были созданы боевые дружины. Промышленность города увеличивала выпуск военной продукции, было налажено круглосуточное изготовление противотанковых ежей. Все трудоспособное население, не занятое на предприятиях, привлекалось к строительству укреплений на окраинах, улицах и площадях города. Часть его, в основном дети и женщины, была эвакуирована на Кавказ. Закрывались школы, за исключением 32-й, находившейся в инкерманских штольнях. Жители города переселялись в подземные убежища. Было продумано снабжение населения продуктами во время длительных бомбардировок. Очищались и брались на учет колодцы, вырытые еще во время первой обороны Севастополя. Развертывались медицинские пункты для приема раненых.

Усиливалась политико-воспитательная работа среди населения. Ее суть была определена в принятом тогда постановлении городского комитета обороны: «16 мая 1942 года на партийных собраниях, 17—18 мая на собраниях трудящихся города разъяснить обстановку и призвать все население к усилению дисциплины, бдительности, к улучшению всей работы в городе, к тому, чтобы давать больше продукции для фронта, лучше обслуживать нужды фронта, усилить военную учебу, подготовиться к решительной борьбе с врагом...»¹

В конце апреля командование Северо-Кавказского направления², которому СОР был переподчинен директивой Ставки от 19 апреля 1942 г., приняло меры по усилению оборонительного района. В Севастополь направлялись маршевое пополнение, боеприпасы, продовольствие, горючее. В мае СОР получил 3607 т боеприпасов — почти в 2,7 раза

¹ Героическая оборона Севастополя 1941—1942 гг.: Документы и материалы, с. 155.

² Северо-Кавказское направление было создано решением Ставки от 21 апреля 1942 года, с 19 мая — Северо-Кавказский фронт.

больше, чем в апреле¹, около 15 тыс. человек пополнения (в том числе более 3 тыс. бойцов и командиров 9-й бригады морской пехоты). Все это доставлялось морским путем — транспортами и боевыми кораблями. Из Севастополя они эвакуировали раненых, женщин и детей.

Между тем обстановка на море все более усложнялась. Каждый переход кораблей в Севастополь был сопряжен с большими трудностями. Готовясь к новому штурму, немецко-фашистское командование особое внимание уделяло усилению блокады Севастополя с моря. В Крым перебрасывается авиагруппа (до 150 торпедоносцев и бомбардировщиков), летчики которой готовились специально для действий против кораблей; из Германии и Италии были доставлены 19 торпедных и 30 сторожевых катеров, 6 подводных лодок и 8 охотников за подводными лодками².

Большую опасность для советских кораблей и транспортов представляла также дальнобойная артиллерия противника. Она держала под прицелом узкий севастопольский фарватер, который к тому же засорялся минами новых конструкций.

И еще одно обстоятельство усложняло связь с Большой землей. В мае — июне темное время суток становилось все короче, и ночи уже не могли укрывать от авиации тихоходные транспорты. Несмотря на прикрытие эскадренными кораблями, они все чаще становились добычей фашистских бомбардировщиков и торпедоносцев. Беря это во внимание, нарком Военно-Морского Флота адмирал Н. Г. Кузнецов 20 апреля дал указание Военному совету Черноморского флота «перевозку людей и грузы в Севастополь проводить на боевых кораблях и быстроходных транспортах, с охраной и прикрытием с воздуха. Каждый переход осуществлять как самостоятельную операцию»³.

Несмотря на принятые командованием Северо-Кавказского фронта меры, положение войск оборонительного района оставалось сложным. Весной главное внимание уделялось обеспечению войск Крымского фронта, готовившихся к наступательной операции. То, что получал Севастополь в феврале — апреле, шло в основном на покрытие текущих расходов. Артиллеристам приходилось экономить снаряды. Не принес существенного облегчения и май. Войска Южного и Юго-Западного фронтов вели тяжелые бои, отбивая на-

¹ См.: Крылов Н. И. Огненный бастион, с. 307.

² См.: Военно-исторический журнал, 1972, № 6, с. 74.

³ Цит. по: Моргунов П. А. Героический Севастополь, с. 277.

тиск перешедшего в наступление врага. В этой обстановке не было возможности выделить Севастополю ни новых частей и соединений, ни необходимого вооружения и боеприпасов. Нехватка снарядов потом, во время отражения третьего штурма, явится одной из основных причин тяжелого положения, в котором окажутся защитники Севастополя.

К новому наступлению (кодовое название операции «Лов осетра») враг готовился основательно. 11-я армия была значительно усилена танками, артиллерией. Общая численность ее достигла почти 204 тыс. человек. Она имела 450 танков, 2045 орудий и минометов¹, в том числе самые мощные орудия фашистской Германии — гаубицы калибром 305, 350, 420 мм и даже батарея экспериментальных орудий — 600-мм мортир «Карл». Кроме того, под Севастополь для усиления осадной артиллерии было доставлено также гигантское орудие «Дора», снятое с линии Мажино. Оно имело калибр 813 мм и могло стрелять снарядами двух типов: бронебойными — весом около 7 т и длиной 3,65 м и фугасными — весом около 4 т и длиной 5,2 м². Как свидетельствует Манштейн, «ствол имел длину порядка 30 м, а лафет достигал высоты трехэтажного дома. Потребовалось около 60 железнодорожных составов, чтобы по специально проложенным путям доставить это чудовище на огневую позицию. Для его прикрытия постоянно стояло наготове два дивизиона зенитной артиллерии»³.

Для обеспечения наступления 11-й армии наряду с концентрацией артиллерии сосредоточивалась многочисленная авиация. На аэродромы Крыма был переброшен 8-й авиационный воздушный корпус — самое мощное соединение военно-воздушных сил фашистского вермахта, насчитывавшее 600—700 самолетов. Корпус бомбил Лондон и Ливерпуль, обеспечивал захват острова Крит. Теперь гитлеровское командование обычно использовало его на важнейших участках восточного фронта. Кроме этого соединения противник использовал в июньских боях и силы других авиасоединений, базировавшихся на прилегающие к Крыму аэродромы. Общая численность вражеской авиации, действовавшей против Севастополя, нередко превышала тысячу самолетов.

Вражеская группировка в Крыму намного превосходила СОР и в численности войск.

¹ См.: История второй мировой войны 1939—1945. М., 1975, т. 5, с. 133.

² См.: Военно-исторический журнал, 1964, № 12, с. 112—116.

³ Манштейн Э. Утерянные победы, с. 242.

Севастополь защищали 7 стрелковых дивизий, 4 бригады, 2 отдельных полка морской пехоты и стрелковый полк. Однако из них лишь 386-я стрелковая дивизия была укомплектована полностью. Остальные же дивизии имели в среднем половину штатного состава, бригады морской пехоты — до 80 процентов¹. К тому же в СОРе не доставало даже самого необходимого — винтовок, автоматов, пулеметов, противотанковых ружей, боеприпасов для орудий и минометов. Всего войска оборонительного района насчитывали 106 тыс. человек, на их вооружении было 600 орудий и минометов, 38 танков², 53 исправных самолета.

Таким образом, перед началом штурма враг превосходил СОР в живой силе в 2 раза, в артиллерии — более чем в 3 раза, в танках — в 12 раз, в авиации — в 15 раз. В ходе сражения это преимущество все более нарастало. На участках, где гитлеровцы наносили главный и вспомогательный удары, оно было подавляющим с первых дней штурма.

Готовясь к предстоящим боям, командование СОРа произвело перегруппировку войск. На вероятные направления главных ударов врага были выдвинуты закаленные в ноябрьских и декабрьских боях части и соединения. Принимались меры и на случай высадки противником морского или воздушного десанта.

К началу наступления врага построение оборонительных порядков войск СОРа в секторах было следующим.

Первый сектор. Протяженность фронта — 7,5 км, от Генуэзской башни на берегу моря у Балаклавы (самая южная точка советско-германского фронта) до северо-восточной части селения Камары. Состав войск: 109-я стрелковая дивизия (командир, он же комендант сектора, генерал-майор П. Г. Новиков, военком бригадный комиссар А. Д. Хацкевич); 388-я стрелковая дивизия (командир полковник Н. А. Шварев, военком старший батальонный комиссар К. В. Штанев).

Второй сектор. Протяженность фронта — 12 км, от северо-восточной части селения Камары до высоты 269,0, что в 2 км юго-западнее хутора Мекензия. Состав войск: 386-я стрелковая дивизия (командир, он же комендант сектора, полковник Н. Ф. Скутельник, военком старший батальонный комиссар Р. И. Володченков); 7-я бригада морской пехоты (командир генерал-майор Е. И. Жидилов, военком бригад-

¹ См.: Моргунов П. А. Героический Севастополь, с. 310.

² См.: История второй мировой войны 1939—1945, т. 5, с. 132. Танки и танкетки были устаревших типов, в их числе имелся лишь один танк Т-34.

ный комиссар Н. Е. Ехлаков, с 7 июня — полковой комиссар А. М. Ищенко); 8-я бригада морской пехоты (командир полковник П. Ф. Горпищенко, военком полковой комиссар П. И. Силантьев). Сектору был придан 3-й дивизион 18-го гвардейского артиллерийского полка.

Третий сектор. Фронт сектора — 8,5 км, от высоты 269,0 до точки в 1,5 км северо-западнее поселка Камышлы (Дальний). Состав войск: 25-я Чапаевская стрелковая дивизия (командир, он же комендант сектора, генерал-майор Т. К. Коломиец, военком полковой комиссар Н. И. Расников); 79-я курсантская стрелковая бригада (командир полковник А. С. Потапов, военком полковой комиссар И. А. Слесарев); 2-й Перекопский полк морской пехоты (командир подполковник Н. Н. Таран); 3-й полк морской пехоты (командир подполковник С. Р. Гусаров); 18-й гвардейский артполк (командир полковник Н. В. Богданов).

Четвертый сектор. Фронт сектора — 6 км, от точки в 4,5 км северо-западнее поселка Камышлы до береговой черты в 2 км севернее селения Любимовка. Состав войск: 95-я стрелковая дивизия (командир, он же комендант сектора, полковник А. Г. Капнтохин, военком старший батальонный комиссар А. П. Гордеев); 172-я стрелковая дивизия (командир полковник И. А. Ласкин, военком бригадный комиссар П. Е. Солонцов). Сектору были приданы 1-й дивизион 52-го артиллерийского полка, 2-й и 3-й дивизионы 905-го артиллерийского полка.

Сектора поддерживали также дивизионы 674-го и 700-го противотанковых артполков и пулеметно-артиллерийских дотов.

Резерв Приморской армии составляли 345-я стрелковая дивизия (командир полковник Н. О. Гузь, военком старший батальонный комиссар А. М. Пичугин) и 9-я бригада морской пехоты (командир полковник Н. В. Благовещенский, военком полковой комиссар В. М. Покачалов) — бригада обеспечивала противодесантную оборону в тылу. Кроме того, в резерве армии находились местный стрелковый полк, 778-й полк 388-й стрелковой дивизии, 3-й гвардейский минометный дивизион, 81-й и 125-й отдельные танковые батальоны и бронепоезд «Железняков». В мае была создана 3-я особая авиационная группа (командир полковник Г. Г. Дзюба, военком полковой комиссар Б. Е. Михайлов).

Накануне боев в дивизиях и бригадах, в артиллерийских дивизионах прошли делегатские собрания личного состава. На многих из них выступили командующий Приморской армией, члены Военного совета. Всюду шел откровенный раз-

говор о тяжелом положении СОРа, о необходимости выстоять во что бы то ни стало, истребив как можно больше фашистов. Выступления бойцов, командиров и политработников звучали как клятва стоять насмерть.

Этот разговор продолжился во взводах, на батареях. Он сыграл свою роль в моральной подготовке воинов к предстоящим тяжелым испытаниям, укрепил их решимость выполнить свой долг до конца. Защитники Севастополя понимали, что могут рассчитывать только на свои силы, на свою стойкость и выдержку.

Как и предполагало командование СОРа, главный удар враг решил нанести с севера и северо-востока, а вспомогательный — с юго-востока, одновременно ведя активные действия на остальных участках, чтобы сковать оборонявшиеся здесь войска. Позже в своих мемуарах Манштейн так объяснял это решение: «Если позиции в северной части укрепленного района, севернее бухты Северной, и были явно мощнее и многочисленнее, чем на юге, то местность здесь, наоборот, была гораздо доступнее. И, что главное, эффективные действия артиллерии и авиации на севере были возможны в гораздо больших масштабах, чем на юге. Но ясно было также и то, что от наступления на юге отказаться было нельзя. Во-первых, необходимо было добиться распыления сил противника, атакуя его одновременно с разных сторон. Во-вторых, нужно было иметь в виду, что, даже потеряв часть укрепленного района за бухтой Северной, противник будет пытаться удержаться еще в самом городе и на полуострове Херсонес»¹.

Исходя из этих соображений, немецко-фашистское командование на направлении главного удара сосредоточило 54-й немецкий армейский корпус в составе 22, 24, 50 и 132-й немецких пехотных дивизий и усиленного 213-го полка 73-й пехотной дивизии, 24-й саперный полк, несколько саперных батальонов и других частей и подразделений специального назначения. Общая численность этих войск составляла 75,5 тыс. солдат и офицеров². Корпусу была придана основная масса танков, а также 120 артиллерийских батарей, в том числе 56 тяжелой и сверхмощной артиллерии³.

На направлении вспомогательного удара были сосредоточены 3 дивизии 30-го немецкого армейского корпуса (72-я, 170-я, 28-я легкопехотная), а также несколько саперных

¹ Манштейн Э. Утерянные победы, с. 240.

² См.: Героическая оборона Севастополя 1941—1942, с. 248, 249.

³ См.: История второй мировой войны 1939—1945, т. 5, с. 132.

батальонов. В составе этого корпуса действовало несколько десятков танков, в том числе отдельный танковый батальон и батальон самоходных артиллерийских установок. Корпус имел 25 батарей тяжелой артиллерии и артиллерии большой мощности, 25 батарей легкой артиллерии, 6 минометных батарей и дивизион артиллерийской инструментальной разведки.

Между 54-м и 30-м корпусами действовал румынский горный корпус в составе 18-й пехотной и 1-й горнострелковой дивизий, 12 тяжелых и 22 легких батарей¹.

Для участия в штурме позиций советских войск было выделено несколько зенитно-артиллерийских полков 8-го авиакорпуса².

Третьему наступлению врага предшествовала многодневная артиллерийская и авиационная подготовка, продолжавшаяся с 20 мая по 7 июня, но и в последующем активность действий авиации и дальнобойной артиллерии не ослабевала ни на один день.

Авиационно-артиллерийская подготовка состояла из двух этапов. Начиная с 20 мая, когда немецкие дивизии перебрасывались с Керченского полуострова под Севастополь, вражеские самолеты группами по 20—60 бомбардировщиков, следовавшими одна за другой, в сопровождении истребителей каждый день с рассветом устремлялись на город. Они бомбили порт, командные пункты, позиции береговых и зенитных батарей, аэродромы, жилые кварталы.

Армады бомбардировщиков вместе с тяжелой артиллерией методично, квартал за кварталом, разрушали город. Только 1—2 июня они, совершив 698 самолето-вылетов, сбросили на Севастополь и его окрестности 4960 фугасных и несколько тысяч зажигательных бомб³. А 4, 5 и 6 июня вражеская авиация совершала ежедневно по 1000—1500 самолето-вылетов⁴.

Город пылал. Казалось, вся его жизнь парализована. Но спецкомбинаты в штольнях работали с еще большим напряжением. С наступлением темноты, когда бомбежка утихала, люди выходили из укрытий и всю ночь тушили пожары, восстанавливали дороги, водопроводную сеть и телефонную связь, возвращали к жизни промышленные предприятия.

¹ См.: Манштейн Э. Утерянные победы, с. 241, 242.

² См. там же, с. 241.

³ См.: Красный черноморец, 1945, 25 мая; Материалы исторической комиссии Севастопольского горкома Компартии Украины об обороне, освобождении и восстановлении Севастополя, т. IV, с. 63—65.

⁴ См.: Моргунов П. А. Героический Севастополь, с. 325.

Трудились, забывая об усталости, хотя многие были ранены, обожжены, теряли родных и близких, а зачастую, выбравшись из убежища, находили на месте своих домов груды дымящихся развалин.

«Казалось, после всего этого нелегко поднять людей на новый ночной труд, — вспоминал бывший первый секретарь горкома партии Б. А. Борисов. — Ничего подобного! По зову городского комитета партии в движение пришло все население Севастополя. Нам не приходилось тратить лишних слов. Достаточно было сказать: надо разобрать завал на такой-то улице, помочь тушению пожара, и обитатели убежищ — женщины, старики, подростки тотчас же поднимались и шли на работу. В который раз ощутили мы безмерную силу связи партии с народом!»¹

С рассветом вновь появлялись вражеские самолеты, и вновь рушились дома, полыхали огромные пожары.

Продолжая бомбардировки города и порта, гитлеровцы 2 июня начали второй этап подготовки наступления — обрушили главный удар авиации и артиллерии на рубежи обороны, и в первую очередь на командные пункты и батареи. Однако большого успеха враг не добился — защитники города вовремя воспользовались запасными артиллерийскими позициями и командными пунктами, а противник обрабатывал главным образом оставленные накануне основные рубежи.

Артиллерия оборонительного района вела ответный огонь, подавляя батареи противника. Не зная передышки, сражались летчики СОРа. В течение дня только в небе Севастополя было сбито 15 и повреждено 6 самолетов противника.

Казалось, вот-вот после столь интенсивной огневой подготовки пойдут в атаку танки и пехота. Но артиллерия врага снова и снова открывала огонь, а в воздухе одну волну самолетов сменяла другая.

На следующий день все повторилось сначала. Так было 4, 5 и 6 июня. Пять дней стонала под разрывами бомб и снарядов севастопольская земля. История второй мировой войны не знает больше случаев такой длительной огневой подготовки. Гитлеровцы на каждый километр фронта установили в среднем по пятьдесят, а на направлении главного удара — до двухсот стволов. Позже Манштейн в своих воспоминаниях свидетельствовал, что «во второй мировой войне немцы никогда не достигали такого массированного приме-

¹ Борисов Б. А. Подвиг Севастополя. Симферополь, 1977, с. 261.

нения артиллерии, как в наступлении на Севастополь»¹. А французский генерал Шассен отмечал, что только за последние 25 дней боев за Севастополь немецкая артиллерия выпустила 30 тыс. т снарядов, а авиация сбросила 125 тыс. тяжелых бомб. Это почти столько, сколько английский воздушный флот к тому времени сбросил на Германию с начала войны².

С особым ожесточением враг бомбардировал и обстреливал позиции советских войск на Мекензиевых горах и район Итальянское кладбище, Камары, именно здесь он наносил основные удары во время наступления. Длительным ожесточенным огнем гитлеровцы стремились не только разрушить оборонительные укрепления и город, но и сломить высокий боевой дух и стойкость севастопольцев. При этом они предпринимали и психические атаки с воздуха: устанавливали на самолетах сирены, сбрасывали куски железа, пустые бочки, рельсы — все, что могло создавать невероятный шум.

Но не помогло врагу и это ухищрение. Нервы севастопольцев оставались крепкими. Каждый был готов к самоотверженным действиям по отражению нового вражеского штурма.

Летчики 3-й особой авиагруппы и расчеты зенитных батарей базового района ПВО мужественно вели борьбу с превосходящими силами фашистской авиации. По аэродромам и скоплениям пехоты и боевой техники противника наносили удары и бомбардировщики, действовавшие с кавказских аэродромов. Несмотря на усиление ударов немецкой авиации на морских коммуникациях, корабли и быстроходные транспорты продолжали прорываться в Севастополь с пополнением, боеприпасами и продовольствием.

Наступление немецко-фашистских войск началось ранним утром 7 июня. Оно велось по всему фронту от Балаклавы до Любимовки. На северном участке, где ожидался главный удар, командование СОРа предприняло артиллерийскую контрподготовку. В 2 часа 55 минут, упредив атаку противника, батареи третьего и четвертого секторов и береговой обороны нанесли сильный удар по войскам, изготовившимся к броску, по позициям артиллерийских и минометных батарей и по скоплениям танков. Контрподготовка была проведена и в остальных секторах. Из-за ограниченных запасов

¹ М а в ш т е й н Э. Утерянные победы, с. 242.

² См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945. М., 1963, т. 2, с. 408.

снарядов она продолжалась всего 20 минут, но урон врагу причинила ощутимый.

С первых минут сражения наиболее ожесточенные бои, как и в декабре, разгорелись на Мекензиевых горах. Здесь на небольшом четырех-пятикилометровом участке фронта, на стыке третьего и четвертого секторов, где держали оборону 172-я стрелковая дивизия и 79-я стрелковая бригада, а также на левом фланге 25-й стрелковой дивизии (287-й стрелковый полк) и правом фланге 95-й стрелковой дивизии (90-й стрелковый полк) противник бросил в наступление четыре дивизии. Их поддерживали свыше ста танков и штурмовых орудий, большая часть артиллерии и авиации врага. Он рассчитывал этим мощным ударом из района Бельбек, Камышлы выйти к северо-восточной оконечности Северной бухты и тем самым рассечь войска СОРа, отрезать 95-ю дивизию на левом фланге обороны и ударить в тыл 25-й дивизии, занимавшей позиции в центре обороны. Все это, по его замыслу, должно было обеспечить успех всей наступательной операции.

Атаке противника предшествовала особенно ожесточенная двухчасовая артиллерийская и авиационная подготовка. Когда грохочущий смерч разрывов отодвинулся в глубину обороны города, поднялись фашистские автоматчики. Враг был настолько уверен в абсолютной эффективности своего огня, что бросил пехоту в атаку без поддержки танков. Пьяные солдаты и офицеры шли в полный рост, тесными цепями. Но вдруг искромсанная и перепаханная бомбами и снарядами земля ожила. Ударил артиллерия. Застучали пулеметы. Им вторили винтовки. Встретив плотный огонь, гитлеровцы рассыпались и залегли. Теперь уже Бельбекская долина и Камышловский овраг, через которые они двигались, покрылись частыми разрывами снарядов и мин. Вражеская пехота отошла, оставив в долине множество убитых и раненых.

Вскоре над передним краем опять появились волны бомбардировщиков и истребителей противника. С новой силой ударили его артиллерийские и минометные батареи. Под прикрытием плотного вала через долину и из Камышловского оврага двинулись танки. Их было около ста. За ними, теперь уже пригибаясь, устремилась пехота. Основная масса танков ринулась на позиции 747-го стрелкового полка подполковника В. В. Шашло и на левый фланг соседней 79-й бригады полковника А. С. Потапова.

Разгорелся ожесточенный бой. Не умолкая, вели огонь по движущимся танкам батареи 134-го гаубичного артполка

майора И. Ф. Шмелькова и 18-го гвардейского артполка полковника Н. В. Богданова. На плотные эшелоны наступающего противника обрушила всю свою мощь артиллерия третьего и четвертого секторов, береговые батареи.

Метко стреляли бронебойщики. Несколько танков подбила рота противотанковых ружей лейтенанта Ф. М. Грабовского, державшая оборону в центре позиций 79-й бригады. Четыре танка пылало перед петезоровцами батальона капитана И. А. Шарова.

А танки шли и шли, то тут, то там вспыхивая дымными кострами. Многие из них прорывались к окопам, и тогда на встречу им летели противотанковые гранаты и бутылки с горючей жидкостью.

Жестокый бой не затихал ни на час. В некоторых местах танкам удалось пробить первую линию траншей. Несколько подразделений и частей оказались в полуокружении или в окружении, но никто не помышлял об оставлении позиций, все бились до последнего.

Более сотни фашистов атаковали позиции 2-й роты 514-го полка 172-й стрелковой дивизии. Это подразделение находилось в боевом охранении за Бельбекской долиной. Метким огнем и гранатами рота уничтожила большинство вражеских автоматчиков. Но через полчаса после ожесточенного минометного обстрела перед ее позициями вновь показались автоматчики численностью до батальона. И снова завязался упорный бой. Но вот кончились патроны, в фашистов полетели последние гранаты. Отходить было уже поздно — гитлеровцы успели обойти и сомкнуть кольцо. Тогда командир роты поднял бойцов в штыковую атаку. В яростной рукопашной схватке полегла почти вся рота, в том числе ее командир и политрук. Но и враг понес тяжелые потери — на месте боя осталось более 150 фашистских солдат и офицеров.

На другом участке вражеские автоматчики вышли к наблюдательному пункту командира 9-й батареи младшего лейтенанта Ф. Т. Сухомлинова. Вместе с несколькими бойцами он вступил в неравный бой. Когда гитлеровцы приблизились, командир передал на батарею своему другу младшему политруку А. К. Канишеву:

— Саша, открой огонь по фашистам — они непосредственно перед моим НП!

Гаубицы ударили, но автоматчики были уже рядом. В ход пошли гранаты, а враг продолжал наседавать, и тогда Сухомлинов передал:

— Кончились гранаты. Немцы рядом. Приказываю: огонь

на меня! Огонь на меня!.. Молодец, Саша, снаряды ложатся хорошо!..

Это были последние слова командира батареи¹.

Весь день шло ожесточенное сражение. Захлебывалась очередная вражеская атака — и вновь следовал огневой налет, и опять лезли через трупы своих воjak гитлеровцы. Лишь к вечеру стало ослабевать ожесточенное сражение.

И. А. Ласкин, командовавший в те дни 172-й стрелковой дивизией, вспоминал после войны: «...день 7 июня 1942 года вряд ли изгладится из памяти защитников Севастополя. В этот день не раз думалось: есть ли предел человеческим силам? Нет, пожалуй, предела не было. И раньше и после севастопольской обороны мне пришлось участвовать в больших и малых сражениях, но ни разу не испытывал я такого духовного и физического напряжения. Это, конечно, не значит, что в других боях моральный дух, стойкость и мужество воинов были меньшими. Конечно, нет! Но то, что пережили севастопольцы 7 июня, вряд ли кому довелось испытывать. И главное — в этом грохочущем аду защитники не дрогнули, не пали духом, выстояли и не пропустили врага»².

А вот фрагмент из донесения этой дивизии штабу Приморской армии: «Вся долина Бельбека устлана трупами немецких солдат и офицеров... Только 1-й батальон 747 сп истребил около тысячи гитлеровцев...»³

В тот день враг упорно атаковал и на других участках обороны. В первом секторе в районе селения Камары, совхоз «Благодать» части 109-й стрелковой дивизии вели тяжелый бой с превосходящими силами 28-й немецкой пехотной дивизии, которые поддерживались несколькими десятками танков. Во втором секторе наступала 72-я немецкая пехотная дивизия. Ее части несколько раз бросались в атаку на участке 7-й бригады морской пехоты, но черноморцы дрались стойко. Пример мужества и отваги показывали коммунисты. Военком бригады Н. Е. Ехлаков обычно находился на переднем крае, в окопах, на огневых позициях артиллеристов, минометчиков, воодушевляя бойцов личным бесстрашием и горячим партийным словом. В этот день на огневой позиции минометной батареи он был тяжело ранен.

Успешно отражались атаки врага и на других участках. Лишь на стыке третьего и четвертого секторов, где враг наносил главный удар, ему удалось продвинуться на 400—

¹ См.: Огненные дни Севастополя, с. 202.

² Ласкин И. А. На пути к перелому. М., 1977, с. 124.

³ Крылов Н. И. Огненный бастион, с. 347.

1200 м. Потерял же он в тот день около 3 тыс. человек¹ и несколько десятков танков.

Новый день рождался в грохоте разрывов бомб, снарядов и мин. И опять огненный смерч с особой силой разыгрался на Мекензиевых горах. Пополненные за ночь свежими частями, 132, 22, 24 и 50-я немецкие пехотные дивизии с множеством танков вновь двинулись в атаку. Казалось, не устоять больше перед такой лавиной войск обескровленным полкам. Но они держались и даже устремлялись в штыковые схватки. В многочасовом ожесточенном бою одна за другой захлебывались вражеские атаки. Противник отходил, оставляя перед позициями приморцев и черноморцев дымящиеся танки и сотни трупов. А вскоре все повторялось — враг пытался во что бы то ни стало пробиться к Северной бухте, к Севастополю.

Особенно тяжело, как и в первый день, приходилось войнам 172-й стрелковой дивизии. В 3-й роте 747-го полка в строю оставалось не более двадцати бойцов, когда танки и пехота врага вновь двинулись с двух сторон на ее позиции. Командир роты лейтенант Перепелица был тяжело ранен. Его заменил секретарь партбюро полка Козлов. Бойцы гранатами подбили два танка, но четыре других, перевалив через окопы, двинулись дальше. Против автоматчиков парторг поднял бойцов в штыковую атаку. Не выдержав ее, гитлеровцы отошли. Но через час появилась новая группа автоматчиков. В роте же осталось в живых около десяти бойцов во главе с раненым секретарем партбюро. Но они выстояли и на этот раз. К вечеру им удалось пробиться к своим и занять оборону на новых позициях. На следующий день все они вместе с парторгом пали в бою, не отступив ни на шаг².

Оборонительные сооружения, которые помогли устоять под первыми массированными ударами авиации и артиллерии, теперь в большинстве своем были разрушены. Силы СОРа слабели с каждым часом, а замены выбывавшим из строя не было: в резерве командующего Приморской армией находились всего одна дивизия и стрелковый полк, которые бросить в бой он в начале наступления не мог. И если удалось сдерживать бешеный натиск противника, то только благодаря невероятной стойкости бойцов, командиров и политработников.

9 июня, на третий день штурма, немецко-фашистское командование бросило против позиций 79-й морской стрелко-

¹ См.: Героическая оборона Севастополя 1941—1942, с. 268.

² См.: Ласкин И. А. На пути к перелому, с. 131.

вой бригады и 172-й стрелковой дивизии свежие резервные части. И снова рвали землю бомбы и снаряды. И снова шли в психическую атаку пьяные автоматчики. Получив решительный отпор, они откатывались назад, чтобы при поддержке артиллерии и авиации опять ринуться вперед.

Между тем все заметнее таяли ряды защитников города. В 172-й дивизии погибли командир 747-го полка подполковник В. В. Шашло, командир 514-го стрелкового полка подполковник И. Ф. Устинов и военком полка батальонный комиссар О. А. Караев, начальник штаба 134-го гаубичного артполка К. Я. Чернявский. Были ранены командир дивизии полковник И. А. Ласкин и военком П. Е. Солонцов, погиб начальник штаба подполковник М. Ю. Лернер. За три дня боев соединение лишилось всех командиров и военкомов полков, батальонов, почти всех командиров и политруков рот, парторгов полков; на поле боя полегло большинство бойцов и младших командиров¹. Уже не существовало ни полков, ни батальонов. Оставшиеся в живых продолжали сражаться, отходя к позициям батарей. Создалась реальная опасность прорыва противником оборонительных рубежей.

В этой критической обстановке во второй половине дня на позиции соединения была выдвинута резервная 345-я стрелковая дивизия подполковника Н. О. Гузя, отличившаяся при отражении декабрьского наступления врага. Ее части остановили продвижение противника, а затем несколько потеснили его. Однако утраченные ранее позиции восстановить не удалось. Остатки 172-й дивизии, сведенные в два батальона, были отведены в глубину обороны, но на следующий день командование Приморской армии оказалось вынужденным вновь бросить их в бой.

С ожесточением противник продолжал штурм и в последующие дни. 10 июня станция Мекензиевы Горы трижды переходила из рук в руки. Гитлеровцы не жалели снарядов. В воздухе непрерывно висели фашистские самолеты. Только 11 июня они совершили до 850 самолето-вылетов, сбросив на позиции советских войск около 5000 бомб².

Когда наступающие части выдыхались, немецко-фашистское командование отводило остатки разгромленных полков в тыл и, пополнив их, вновь вводило в бой. В помощь четырем изрядно потрепанным дивизиям оно подтягивало на северный участок 22-ю танковую бригаду и 4-ю румынскую горнострелковую дивизию.

¹ См.: Ласкин И. А. На пути к перелому, с. 149.

² См.: Моргунов П. А. Героический Севастополь, с. 358.

11 июня командование СОРа, воспользовавшись тем, что противник начал перегруппировку своих войск, решило нанести контрудар, чтобы улучшить положение частей оборонительного района. Две ударные группы должны были, продвигаясь навстречу друг другу из 3-го и 4-го секторов, отсечь опасный клин, острое которого вонзалось в станцию Мекензиевы Горы. Для наступления из четвертого сектора через Северную бухту были переброшены два батальона 7-й бригады морской пехоты, которыми командовали капитаны А. С. Гегешидзе и Я. А. Рудь. Эта ударная группа под командованием генерала Е. И. Жидилова двигалась со стороны 30-й батареи. Кроша врагов и сама неся потери (в атаке погибла большая часть морских пехотинцев, в том числе и командир батальона Рудь), она упорно продвигалась вперед, пока не достигла намеченного рубежа. Группа же третьего сектора (стрелковый и танковый батальоны) пробиться не смогла — не хватило сил, а резервов не было. А вот частям 345-й дивизии, которая вела бой на самом остром вражеского клина, удалось к концу дня вновь овладеть станцией Мекензиевы Горы. Ее эффективно поддерживала артиллерия, в том числе 365-я зенитная батарея, отличившаяся еще в декабрьских боях. Как и тогда, в последних числах декабря, огневые позиции зенитчиков вновь стали передним краем. И на этот раз батарея, в которой осталось лишь два орудия, несколько суток сражалась в окружении. В этих схватках она уничтожила сотни гитлеровцев и несколько танков.

Утром 13 июня противник, поставив дымовую завесу, повторил атаку. Под прикрытием семи танков на позиции батареи ринулось около 300 солдат и офицеров. Они шли в полный рост. Но и на этот раз психический эффект не получился. Пока приближались танки, орудия под командованием сержантов Ивана Стрельцова и Степана Данича открыли огонь шрапнелью. Первыми же залпами были уничтожены десятки автоматчиков. Потом расчеты перенесли огонь на танки и стреляли так же метко. Остановился от взрыва снаряда один танк, затем загорелся второй. Но вот один из вражеских снарядов угодил в орудие Данича. После этого двум фашистским танкам удалось прорваться, но их подбили гранатами.

Через полчаса опять вспыхнул бой. Потеряв около ста человек, противник откатился, но, восстановив силы, снова бросился на горстку зенитчиков. И по-прежнему точно било орудие Стрельцова, метко строчили пулеметы старшины 2-й статьи Ивана Шелега и коммуниста старшины Антона

Шкоды, который уже дважды был ранен. А в критические минуты артиллеристы решительно бросались в штыковую. И там, где было особенно трудно, появлялись командир батареи старший лейтенант И. С. Пьянзин и военком политрук И. И. Уваров: один — с противотанковым ружьем, другой — с ручным пулеметом.

Но вот кончились снаряды, умолкло и последнее орудие. Все оставшиеся в живых были ранены. Батарейцы небольшими группками засели в полуразрушенных дзотах, землянках и продолжали сражаться. Танки подходили к ним почти вплотную и били в упор.

О последних часах героической батареи лаконично рассказывают радиogramмы ее тяжелораненого командира старшего лейтенанта Пьянзина, которые он посылал уже открытым текстом.

12 часов 30 минут. «Нас забрасывают гранатами, вокруг позиции много танков. Прощайте, товарищи!»

13 часов 7 минут. «Ведем борьбу за дзоты, только драться некому, все переранены».

16 часов 7 минут. «Биться нечем и некому. Открывайте огонь по командному пункту, тут много немцев!..»¹

Плотный огонь соседних батарей накрыл высотку. Враг, понеся большие потери, отступил. Из батарейцев в живых остались лишь четыре человека. Старший лейтенант И. С. Пьянзин 24 июля 1942 г. был посмертно удостоен звания Героя Советского Союза.

С таким же упорством севастопольцы дрались с врагом на остальных участках обороны. Успешно были отражены атаки гитлеровцев в первом и втором секторах. Только за первые четыре дня штурма враг потерял около 20 тыс. солдат и офицеров убитыми и ранеными, более 50 танков и 58 самолетов².

Непрерывность боев изматывала людей. Бойцы, командиры и политработники по несколько суток не знали ни сна ни отдыха, постоянно находились в невероятном напряжении. На многих участках трудно было с доставкой продовольствия, и люди питались одними сухарями. Не было воды, в неимоверной жаре и пыли мучила жажда. Но, несмотря ни на что, моряки и приморцы по-прежнему мужественно и стойко защищали Севастополь.

12 июня в СОРе стала известна телеграмма Ставки Верховного Главнокомандования защитникам Севастополя. В ней говорилось:

¹ Флаг Родины, 1967, 3 дек.

² См.: Моргунов П. А. Героический Севастополь, с. 350.

«Вице-адмиралу тов. Октябрьскому, генерал-майору тов. Петрову.

Горячо приветствую доблестных защитников Севастополя — красноармейцев, краснофлотцев, командиров и комиссаров, мужественно отстаивающих каждую пядь советской земли и наносящих удары по немецким захватчикам и их румынским прихвостням.

Самоотверженная борьба севастопольцев служит примером героизма для всей Красной Армии и советского народа.

Уверен, что славные защитники Севастополя с достоинством и честью выполнят свой долг перед Родиной.

И. Сталин»¹.

За героической борьбой севастопольцев с волнением и восхищением следила вся страна.

«Ленинский комсомол, молодежь нашей Родины, — говорилось в письме ЦК ВЛКСМ комсомольцам и молодежи Севастополя, — гордятся подвигами севастопольцев, которые, не щадя своей жизни, защищают каждую пядь нашей священной земли, работают по-ударному для фронта в тяжелых условиях осады...»²

«Весь советский народ, народы свободолюбивых стран сегодня с затаенным дыханием следят за ожесточенным сражением, которое ведет севастопольский гарнизон, отражая бешеные атаки врага, — писала тогда «Правда». — Фашистские разбойники делают отчаянную попытку сломить боевой дух защитников города...

Военные моряки, морские летчики в тесном взаимодействии и содружестве, бок о бок с воинами доблестной Красной Армии отражают бесчисленные атаки врага, его авиации, его танков, его пехоты. Стойкость защитников Севастополя, их мужество, их доблесть беспримерны. На подобный героизм способны только люди, для которых свобода, честь, независимость и процветание своей Родины, своего государства превыше всего, превыше жизни...»³

Высокая оценка самоотверженной борьбы защитников Севастополя еще больше укрепляла их боевой дух.

В стойкости моряков и приморцев враг видел непреодолимую преграду для себя. И понимал, что сломить ее можно, только уничтожив самих ее носителей. Поэтому фашистская авиация ежедневно совершала до тысячи и более самолето-

¹ Героическая оборона Севастополя 1941—1942 гг.: Документы и материалы, с. 177.

² Маяк коммуны, 1942, 8 июня.

³ Правда, 1942, 15 июня.

вылетов. Перед каждой атакой она совместно с артиллерией обрушивала на советские позиции тонны смертоносного металла, стремясь уничтожить там все живое. И лишь после этого шли в атаку танки и пехота. Враг имел огромный перевес в силах, но добиться успеха не мог.

Между тем ставка Гитлера торопила Манштейна с завершением операции «Лов осетра»: по планам немецкого верховного командования 11-я армия давно должна была, взяв Севастополь, сосредоточиться севернее Азовского моря в готовности к движению на Дон, где в составе группы армий «Юг» ее намечалось использовать на третьем этапе наступления на Сталинград¹.

Немецкое верховное командование уже не раз намеревалось перебросить 8-й воздушный корпус для усиления группы войск, действовавшей на южном крыле советско-германского фронта², и Манштейн с трудом добивался отмены этого решения. Для ускорения взятия города ему также удалось заполучить дополнительно три пехотных полка.

Защитники Севастополя, прочно сковав 11-ю немецкую армию, ломали планы проведения генерального наступления врага на юге. Назначив начало операции на 15 июня, гитлеровская ставка вынуждена была перенести его на 20 июня, а затем и на 28 июня. Сосредоточенная здесь группировка в конце концов перешла в наступление, так и не дождавшись 11-й армии³.

Бои под Севастополем шли с нарастающей силой. Враг рвался к городу, не считаясь с огромными потерями. 17 июня ему удалось на левом фланге обороны блокировать 30-ю береговую батарею и выйти к морю. На батарее кончились снаряды. Несколько дней артиллеристы отбивались стрелковым оружием. В живых остались немногие. Обескровленные части 95-й дивизии и остатки двух батальонов 7-й бригады морской пехоты продолжали сдерживать натиск противника, причиняя ему большой урон.

«...Несмотря на эти с трудом завоеванные успехи, — вспоминал Манштейн, — судьба наступления в эти дни, казалось, висела на волоске. Еще не было никаких признаков

¹ См.: Проэктор Д. М. Агрессия и катастрофа. М., 1972, с. 405.

² См.: Манштейн Э. Утерянные победы, с. 247.

³ См. там же; после завершения боев под Севастополем 11-я немецкая армия была настолько обескровлена, что фашистское верховное командование долгое время не могло использовать ее, несмотря на острую необходимость. Лишь в сентябре 1942 г. ее дивизии появились под Ленинградом.

ослабления воли противника к сопротивлению, а силы наших войск заметно уменьшились»¹.

Но противник снова получил пополнение: на северном участке в бой были введены свежие полки 46-й пехотной дивизии, переброшенные с Керченского полуострова. Потрепанные же в боях части выводились в тыл и после укомплектования опять вступали в бой. А силы защитников Севастополя заметно иссякали. Все меньше оставалось людей, все острее ощущалась нехватка боеприпасов. Артиллерия уже не имела возможности ставить плотный огневой заслон перед танками и пехотой врага.

ОГНЕННЫЕ РЕЙСЫ

Снабжение Севастополя с каждым днем усложнялось. Много тихоходных транспортов гибло в рейсах под ударами фашистской авиации. Да и боевые корабли с большим трудом пробивались сквозь плотные огневые заслоны врага. Каждый рейс в Севастополь был сродни героическому подвигу.

В связи с тяжелым положением со снабжением Севастополя 13 июня командующий Черноморским флотом и СОРОм вице-адмирал Ф. С. Октябрьский телеграфировал на Кавказ начальнику штаба флота контр-адмиралу И. Д. Елисееву:

«...Бросьте на доставку все подводные лодки и добивайтесь у Буденного транспортной авиации. Марш-пополнение подвозите лидерами и эсминцами с возвращением в ту же ночь, взяв тяжелораненых. Доставлять в Севастополь только главное: марш-пополнение, боезапас, концентраты, консервы и сухари...»²

Вот как проходил один из походов кораблей в осажденный Севастополь. Перед рассветом 11 июня крейсер «Молотов» в сопровождении эсминца «Бдительный» покинул Новороссийск. Корабли взяли курс на юг, к анатолийскому побережью, чтобы добиться скрытности перехода.

Этот крейсер был одним из новейших кораблей флота. Всего за неделю до начала войны на нем был поднят Военно-морской флаг. Он отличался высокой быстроходностью, маневренностью и хорошей вооруженностью. Сейчас же крейсер внешне выглядел необычно: верхнюю палубу сплошь

¹ Манштейн Э. Утерянные победы, с. 247.

² Цит. по: Моргунов П. А. Героический Севастополь, с. 360—361.

заполнили полевые орудия, груженные автомашины, кухни, мешки с продовольствием. Кубрики и другие помещения были забиты ящиками с авиационными бомбами, снарядами, минами, патронами. И везде, где только было можно, — у башен, торпедных аппаратов, надстроек, — расположились бойцы и командиры. Всего крейсер принял на борт 2998 бойцов и командиров 138-й отдельной стрелковой бригады майора П. П. Зелинского, 28 орудий, 8 минометов, до 300 т боеприпасов, более тысячи автоматов и несколько сот тонн других грузов для Приморской армии. 343 человека и 40 т боеприпасов перевозил эсминец¹.

Перед самым походом командир крейсера капитан 1 ранга М. Ф. Романов получил сообщение, что транспорт «Абхазия» и эсминец «Свободный» спустя несколько часов после прибытия в Севастополь были потоплены в бухте фашистской авиацией. О том, что рейс будет очень тяжелым, знал каждый. Им предстояло преодолеть не один огневой заслон противника, но и после прорыва в базу они не могли рассчитывать на безопасность. Противовоздушная оборона Севастополя, лишившаяся почти всех зенитных батарей, уже была малоэффективной. К тому же наступили самые короткие июньские ночи. Всего на несколько часов укрывали они корабли от вражеской авиации. Поэтому поход был спланирован таким образом, чтобы с наступлением ночи войти в севастопольскую бухту, когда над ней уже не кружат «юнкеры», быстро разгрузиться, принять на борт раненых, а также женщин и детей и еще затемно покинуть ее.

Крейсер и эсминец шли большим ходом, на всех боевых постах люди действовали с предельным напряжением. К вечеру, когда корабли, резко изменив курс, повернули на Севастополь, сигнальщики обнаружили самолет-разведчик. Стало ясно: скоро появятся бомбардировщики или торпедоносцы. Но их увидели раньше, чем предполагали. Впереди по курсу показался быстроходный транспорт «Грузия» в сопровождении тральщика и нескольких катеров-охотников. Около десятка самолетов бомбили судно.

Корабли охранения были слабо вооружены, и, чтобы помочь транспорту, крейсер и эсминец увеличили ход. Оставив судно, часть самолетов устремила к крейсеру. Однако, встретив плотный огонь зенитной артиллерии, они побросали бомбы и отвернули, не дойдя до кораблей. Но уже через не-

¹ См.: Годлевский Г. Ф., Гречанюк Н. М., Конопенко В. М. Походы боевые. М., 1966, с. 160—161; Дукачев А. Курс на Севастополь. Симферополь, 1974, с. 157.

сколько минут, когда транспорт и корабли остались позади, раздался доклад сигнальщика:

— Группа самолетов справа, курсовой...

Тут же, заглушая другие доклады, ударили зенитные установки правого борта.

Командир напряженно следил за приближавшимися бомбардировщиками. Их было шесть. Вот один ринулся в пики, за ним — второй, третий... Резкая команда — и корабль отвернул влево. И тут же по правому борту поднялась первая изломанная стена воды. Развернувшись, самолеты опять пошли на корабли, теперь уже с левого борта. И вновь к ним потянулись огненные трассы, и вновь резким маневром крейсер и эсминец уклонились от бомб.

Не успела скрыться эта группа самолетов, как появилась другая. Сигнальщик Михаил Беседин внимательно наблюдал за бомбардировщиками, выходящими в атаку. В его задачу входило не упустить момента отделения бомб от самолета.

— Бомбы оторвались! — докладывал он.

Тут же следовала команда — и крейсер резкими циркуляциями уклонялся от бомб.

В разгар боя командир слышал доклад сигнальщика, показывающего рукой на затемненный горизонт. Четыре торпедоносца быстро приближались, прижимаясь к воде. Комбинированный удар!

Теперь основную опасность представляли торпедоносцы, и крейсер, развернувшись, сосредоточил на них огонь почти всех орудий. Ударил и главный калибр. Один из торпедоносцев вспыхнул и ушел в море.

Вскоре задымились еще два самолета. Они отвернули с курса, потянув за собой шлейфы дыма. В это время прозвучали доклады:

— След торпеды с левого борта!

— След торпеды с правого борта!..

Но торпедоносцы промахнулись.

Через шесть минут появилась новая волна самолетов. На этот раз шли «хейнкели». Они атаковали не снижаясь, и бомбы упали в 100—200 м от кораблей.

Затем вновь последовали комбинированные атаки пикировщиков и торпедоносцев. От близких разрывов в кормовых отсеках крейсера разошлись швы, вышли из строя некоторые приборы. Теперь в борьбу вступили аварийные партии. На этот раз бой длился 52 минуты. Уже стемнело, когда ушли последние самолеты.

Когда корабли обогнули Херсонесский мыс, впереди открылось полыхавшее зарево. Там был Севастополь. Теперь

падо было проскочить самый опасный отрезок фарватера — своеобразный коридор в минных полях, где корабли лишались своего главного преимущества — маневра и скорости. К тому же гитлеровцы нередко засоряли его новыми, магнитно-акустическими минами, для борьбы с которыми не хватало необходимых средств траления.

Не снижая скорости, корабли пошли на прорыв. Нацеленные на фарватер немецкие дальнобойные батареи на этот раз открыли огонь с запозданием, когда корабли были уже в бухте.

Крейсер под обстрелом ошвартовался к Угольной пристани. Когда опустили трапы и сходни, на причал устремился непрерывный поток бойцов. Отсюда они шли прямо в окопы, в бой. А рядом с людским потоком по специально изготовленным лоткам на берег скользили ящики с боеприпасами, продовольствием, медикаментами. Их тут же грузили на машины, прибывшие с передовой.

Затих шум вентиляционных шахт, с неимоверным свистом втягивавших воздух в котельные и машинные отделения, и сразу же стал слышен гул боя, висевший над бухтой и городом.

Линия фронта проходила недалеке. Она ярко очерчивалась полукольцом зловещего зарева, в котором плясали вспышки орудийных выстрелов и разрывов снарядов и бомб. Тревожное небо перечерчивали огненные трассы. Время от времени монотонный гул пронзал свист снаряда, за которым следовал тяжелый гулкий удар взрыва. В воздухе свистели осколки, впивались в стальной борт корабля. Но моряки, казалось, не замечали опасности, работали споро, дружно скатывали на руках тяжелые орудия, бегом носили по сходням увесистые ящики.

Так же деловито и организованно шла разгрузка на эскадренном миноносце.

В первые же минуты после швартовки крейсер установил связь с флагманским командным пунктом СОРа. Оттуда последовал приказ обстрелять станции Бахчисарай и Сюрень, где были обнаружены составы с войсками и боеприпасами, а также скопления войск в других пунктах. И вот, перекрывая все звуки фронтовой ночи, над бухтой прокатился первый оглушительный залп, за ним — другой... Под грозный аккомпанемент стрельбы разгрузка продолжалась.

Ящики еще скользили, догоняя друг друга, по лоткам на причал, когда по трапам и сходням на корабль устремился обратный поток людей. Моряки несли на носилках тяжело-

раненых бойцов и командиров, помогали детям, женщинам и старикам.

Разгрузка и погрузка, которыми руководили старший помощник командира капитан 3 ранга С. В. Домнин и помощник командира старший лейтенант А. А. Игнатенко, шли быстро и четко. Но вот на крейсер внесли последних раненых. Старпом поднялся на ходовой мостик и доложил командиру, что разгрузка и погрузка закончены, что на борт принято 1415 раненых красноармейцев и командиров и 240 эвакуируемых жителей.

Командир посмотрел на часы: с момента швартовки прошло менее полутора часов. Так быстро разгрузку и погрузку еще не производил ни один крупный корабль флота.

Крейсер тут же отошел от стенки и, набирая скорость, вместе с эсминцем покинул бухту. Миновав Херсонесский мыс, корабли вновь открыли огонь по скоплениям фашистских войск. Как позже выяснилось, артиллерия крейсера разбила на станции Бахчисарай два эшелона (один — с войсками, второй — с боеприпасами) и разрушила здание штаба; в Сюрени ею была подавлена тяжелая батарея.

На подступах к Севастополю корабли встретили транспорт «Грузия». Уже в Новороссийске экипажи узнали, что это судно было потоплено в Севастопольской бухте фашистской авиацией. Боеприпасы, которых так ждали защитники города, оказались на дне бухты, выгрузить удалось лишь небольшую часть.

Несколько раньше противник потопил транспорт «Абхазия». Все это заставило командующего флотом опять пойти на риск. В ночь на 14 июня он телеграммой приказал начальнику штаба снова направить в СОР крейсер «Молотов» и эсминец «Безупречный» с маршевым пополнением, вооружением и боеприпасами¹.

В ночь на 17 июня крейсер с эсминцем еще раз прорвались в Севастополь. Крейсер доставил 3175 бойцов и командиров, 523 т боеприпасов, 30 т различного оружия и 10 т консервов, а «Безупречный», которым командовал капитан 3 ранга П. М. Буряк, — 680 пехотинцев и около 55 т боеприпасов².

Обстреляв боевые позиции противника, корабли благополучно миновали зону активного действия блокадных сил врага. Они доставили в Новороссийск более 3 тыс. раненых и жителей Севастополя.

¹ См.: Моргунов П. А. Героический Севастополь, с. 361.

² См.: Годлевский Г. Ф., Гречанюк Н. М., Копоненко В. М. Походы боевые, с. 167.

Это был последний поход крейсеров в осажденный Севастополь.

Через два дня гитлеровцы захватили Северную сторону города и затем вышли к бухте. Теперь корабли уже не могли входить в Северную и Южную бухты. Еще несколько ночей эсминцы прорывались в Стрелецкую и Камышовую бухты. Последний раз это было в ночь на 27 июня. Лидер «Ташкент» (командир капитан 3 ранга В. Н. Ерошенко) и эсминец «Безупречный», приняв на борт части 142-й стрелковой бригады, боеприпасы и продовольствие, днем 26 июня взяли курс на Севастополь.

В пути корабли несколько раз подвергались атакам бомбардировщиков. Эсминец отразил два налета. Когда он вошел в район Ялты, вновь появились «юнкерсы». Более 20 самолетов набросились на него одновременно с разных направлений. Корабль получил несколько прямых попаданий бомб и затонул. Оставшихся на плаву людей фашисты на бреющем полете расстреляли из пулеметов. В живых осталось лишь трое моряков, которых подобрали подводные лодки.

«Ташкенту» удалось отразить все атаки самолетов. Вечером на подходе к фарватеру он подвергся нападению торпедных катеров противника, но успеха они не добились. При отражении их атак был потоплен один катер.

В обратный путь «Ташкент» из бухты Камышовой уходил перегруженным, приняв на борт около 2300 человек, а также куски спасенного полотна всемирно известной панорамы «Оборона Севастополя в 1854—1855 гг.», которую фашисты подвергли варварской бомбардировке.

Не сумев потопить лидер на пути в Севастополь, враг стремился уничтожить его теперь. Более трех часов самолеты почти непрерывно атаковали корабль. Они сбросили 336 бомб¹. Но, искусно маневрируя, командир сумел предотвратить прямые попадания. Однако от близких разрывов бомб лидер получил тяжелые повреждения: заклинило руль, затопило часть отсеков. Лишь благодаря мужеству и мастерству личного состава удалось довести израненный корабль до Новороссийска.

В последующие дни в прилегающие к Севастополю бухты могли прорываться лишь подводные лодки. Для перевозки грузов в осажденный город они стали привлекаться с апреля 1942 г. Это была первая в мире практика широкого исполь-

¹ См.: Ерошенко В. Н. Лидер «Ташкент». М., 1966, с. 205.

зования подводных лодок в качестве подводных транспортов. Для увеличения грузоподъемности с них было снято все, без чего можно было обойтись в походе.

К снабжению войск СОРа привлекались также транспортные самолеты.

Однако эти меры, конечно, не могли решить острую проблему доставки защитникам Севастополя свежих сил и боеприпасов: даже крупная подводная лодка была в состоянии взять на борт лишь 80—100 человек или до 40 т грузов. Ясно, что такие возможности не могли обеспечить и минимума потребностей гарнизона Севастополя.

В целом же флот сыграл большую роль в снабжении защитников Севастополя, как и вообще в обороне города. Помимо конвоирования транспортов, боевые корабли и сами выполняли роль транспортных средств. За время обороны города они доставили в главную базу свыше 90 тыс. бойцов и 21 тыс. т воинских грузов, вывезли на Большую землю около 30 тыс. раненых и 15 тыс. человек гражданского населения, а также до 8 тыс. т различных грузов, в том числе ценного оборудования предприятий.

ПО РЕШЕНИЮ СТАВКИ

20 июня врагу удалось выйти к Северной бухте. Но еще несколько дней на Северной стороне держались небольшие гарнизоны в опорных пунктах Константиновской и Михайловской батарей, на Инженерной пристани, в Сухарной балке, где был склад боеприпасов.

По приказанию командования штольни, в которых хранились десятки тысяч тонн боеприпасов для корабельной артиллерии и тяжелые авиабомбы, были подготовлены к взрыву. Он был назначен в ночь на 26 июня. Однако вечером 25 июня гитлеровцы неожиданно прорвались в район первой штольни, где заведующим хранилищем был краснофлотец Александр Чикаренко. Когда они приблизились, Чикаренко замкнул контакты. Он погиб, уничтожив и всех находившихся у штольни фашистов. Боевые товарищи Чикаренко, взорвав штольни, сражались до 27 июня. Лишь несколькими из них удалось вплавь переправиться на южный берег бухты, остальные погибли.

«Здесь произошла трагедия, показавшая, с каким фанатизмом боролись большевики», — напишет позднее об этих событиях Манштейн. Но ему не дано было понять природу

героизма советских людей, того, что не слепой фанатизм, а горячая сыновняя любовь к Родине, преданность великим идеалам коммунизма, жгучая ненависть к врагу поднимали их на подвиг.

Два пулеметных дота прикрывали высоту 96,4 — одну из ключевых позиций на подступах к Балаклаве. В течение пяти дней отражали они атаки врага, которым давно потеряли счет.

— Мы тогда забыли о сне, о времени, о еде, — вспоминает о тех днях Герой Советского Союза И. И. Богатырь, командовавший этими дотами. — Фашисты забрасывали доты гранатами, обстреливали из пушек и минометов, бомбили. Но они оживали всякий раз, как только гитлеровцы поднимались в атаку.

На пятый день боев в живых оставался один ефрейтор Иван Богатырь — контуженный, раненный в голову и дважды — в руку. Он в самом деле выглядел богатырем — был крепкого телосложения, наделенный большой физической силой и острой смекалкой. Богатырь прославился еще будучи разведчиком при защите Одессы. За дерзкие рейды в тыл противника он тогда был награжден орденом Красного Знамени. А теперь он лежал у пулемета, истекая кровью, напрягая силы, чтобы не потерять сознание.

Отбита очередная атака. Невдалеке перед дотом и внизу по склону еще прибавилось вражеских трупов.

Но вот снова застонала земля от разрывов снарядов. А когда вдруг наступила тишина, Богатырь прильнул к пулемету, чтобы встретить свинцом ползущие цепи гитлеровцев. Но на этот раз фашисты шли в полный рост, видимо решив, что гарнизоны дотов наконец уничтожены. Когда они приблизились на несколько десятков метров, снова полоснул пулемет...

С наступлением ночи Богатырь взял ракетницу, выбрался из полуразрушенного дота, чтобы оповестить командный пункт батальона, что высота держится. В нескольких шагах вдруг увидел группу гитлеровцев. Рядом разорвалась граната, и несколько осколков впились в тело. Вслед за тем перед ним вырос немецкий офицер. Сбрав все силы, преодолевая боль, Иван бросился на врага, плечом вышиб у него пистолет и, выхватив раненой рукой кинжал, вонзил его в горло фашиста. И тут же упал, теряя силы. Утром бойцы, прибывшие на помощь доту, нашли Богатыря. Он был без сознания, рядом с дотом лежал убитый им немецкий офицер.

О присвоении звания Героя Советского Союза Иван Бо-

гатырь узнал уже в госпитале. Там же он прочитал листовку, рассказывавшую о его подвигах.

Позиции батареи 905-го арtpолка, находившиеся в верховье Графской балки, после налета самолетов атаковало более десяти фашистских танков. Артиллеристы не дрогнули, хотя в строю оставалось всего два орудия. Они били прямой наводкой. Первыми же выстрелами были подбиты два танка, затем вспыхнули еще три. Остальные поползли назад, сопровождаемые разрывами снарядов. В этот момент появились танки с фланга и с тыла. Но стрелять по ним уже было нечем — кончились снаряды. Огнемётный танк, приблизившись, ударил огненной струей по артиллеристам. Объятые пламенем, бойцы устремились навстречу танкам...

Красноармеец Н. Е. Деvитяров, направлявшийся для восстановления поврежденной линии связи, неожиданно наткнулся на группу вражеских автоматчиков. Завязалась перестрелка. На помощь автоматчикам двинулся танк. Фашисты решили взять бойца в плен. Окружив, они приближались к нему со всех сторон. Подождав, пока танк приблизится, Деvитяров с гранатами в руках бросился под гусеницы...

Таких примеров героизма защитников Севастополя — множество. Их полная самоотверженности борьба не была отчаянием, а явилась проявлением высокого морального духа. Разве не об этом говорит факт вступления многих из них в самые тяжелые дни обороны в ряды Коммунистической партии! Партийные билеты вручались тут же, на передовой. Среди тех, кто получил их тогда, был и красноармеец 1167-го стрелкового полка Г. Е. Чусов. В день получения им билета в разгар боя погиб командир взвода, и молодой коммунист принял командование на себя. К вечеру не стало и командира роты. Чусов, возглавляя оставшихся бойцов роты, руководил отражением новых ожесточенных атак врага.

В последние дни боев стала кандидатом в члены партии санитарный инструктор 172-й стрелковой дивизии Мария Байда. Об одном из подвигов славной защитницы Севастополя, ставшей Героем Советского Союза, скупов рассказывает наградной лист: «В схватке с врагом из автомата она уничтожила 15 солдат и одного офицера, четырех солдат убила прикладом, отбила у немцев командира и восьмерых бойцов, захватила пулемет и автоматы противника».

Секретарь Севастопольского горкома комсомола Саша Багрий, погибший с оружием в руках в последних боях на Херсонесском мысе, болел туберкулезом. Недуг и чрезмерное напряжение в работе отнимали последние силы. Но о

болезни Саши мало кто знал. Обстановка требовала быть сильным, крепким. И он был таким, заражая своей энергией, жизнерадостностью других. «Для меня самое дорогое — это интересы нашей любимой Родины и нашего свободолюбивого народа, — писал он в одном из своих последних писем жене. — За них я отдам свою кровь, капля за каплей, а если потребуется — и свою молодую жизнь». Это — не громкие слова. В них лишний раз нашел свое выражение высокий боевой дух севастопольцев тех дней.

Побывавший в конце июня в Севастополе известный писатель и журналист Евгений Петров в очерке «Севастополь борется» писал: «Восемьдесят семь лет назад каждый месяц обороны Севастополя был приравнен к году. Теперь к году должен быть приравнен каждый день»¹. И каждый день, каждый час рождались десятки, сотни героев. Мы знаем немало имен отважных защитников Севастополя. Но сколько их, совершивших подвиги самого высокого звучания, остались безвестными! Их имена вобрал в себя Вечный огонь, вспыхнувший на могилах Неизвестного солдата и Неизвестного матроса, чтобы вечно напоминать живым о тех, кто шел на самоотвержение во имя Победы...

Под непрерывными ударами врага линия фронта постепенно сокращалась.

Командование СОРа было вынуждено отводить войска, чтобы уплотнить их боевые порядки, высвободить хотя бы немного сил для резерва. После оставления Северной стороны линия обороны пролегла по южному берегу бухты и подошла к Инкерману, где тяжелые бои вели остатки 25-й и 345-й дивизий, 8-й и 138-й бригад.

Фашистские самолеты днем и ночью носились над боевыми порядками войск, над бухтами и городом, гонялись за каждой замеченной машиной или повозкой, за каждым катером, за каждым бойцом. Город пылал. Горело все, что могло еще гореть.

В донесении Военного совета флота от 27 июня, в частности, говорилось: «Авиация противника ежедневно делает от 400 до 600 и более самолето-налетов... Сбрасывается по 2500—4000 бомб в сутки... Сегодня авиация противника уничтожила еще один наш эсминец, шедший из Новороссийска в Севастополь с войсками... Положение с питанием Севастополя исключительно напряженное... Хуже всего дело обстоит с боезапасом... Из-за нехватки боезапаса кое-где пришлось отводить войска, в частности отошли с Федюхиных

¹ Героический Севастополь. М., 1943, с. 63.

высот...»¹ Но и в этих условиях моряки и приморцы оборонялись стойко. Летчики, используя затишье между артиллерийскими ударами и налетами бомбардировщиков, поднимались со своего пятачка на штурмовку вражеской пехоты, танков, батарей.

Ни на минуту не останавливались станки в подземном спецкомбинате № 1. Рабочие понимали, как необходимы сейчас каждый изготовленный ими миномет, каждая граната. Опробовали минометы тут же: выносили на поверхность и стреляли по позициям врага, находившимся на противоположном берегу бухты. По входу в штольню спецкомбината № 1 фашистская артиллерия била с Северного берега прямой наводкой. Гибли люди, но до последних дней обороны предприятие выпускало гранаты, минометы, мины.

Тяжелые, изнурительные бои, то и дело переходившие в рукопашные схватки, теперь шли не только днем, но и ночью. Фашистское командование отводило потрепанные в боях части в тыл, пополняло их и затем снова бросало в наступление. Защитники Севастополя испытывали невероятное напряжение. Все больше накапливалось раненых. После 26 июня пополнение в Севастополь уже не поступало. В боевых порядках на передовой сражались все, кто мог держать оружие. Орудийные расчеты, израсходовав последние снаряды, шли в окопы. Вместе с бойцами дрались работники штабов, политотделов, тыловых учреждений, севастопольские дружинники. Отбивались в основном стрелковым оружием и гранатами, потеряв счет времени и атакам врага.

29 июня 1942 г. бои за Севастополь достигли критического накала. Перед рассветом немецко-фашистские войска, подвергнув ожесточенному артиллерийскому обстрелу и авиационному удару позиции наших частей на южном берегу Северной бухты, под прикрытием плотной дымовой завесы форсировали ее. В 5 часов 30 минут после полуторачасовой артподготовки и воздушных налетов они атаковали позиции в первом и втором секторах. В результате продолжительного ожесточенного боя им удалось выйти на плато Сапун-горы. Под их мощным натиском остатки частей 109, 386 и 388-й стрелковых дивизий, 7-й и 9-й бригад морской пехоты отходили, бросаясь в яростные контратаки.

В тот же день начались уличные бои на Корабельной стороне. Малочисленные части четвертого сектора до вечера сдерживали атаки переправившихся через бухту частей

¹ Цит. по: Моргунов П. А. Героический Севастополь, с. 420.

22-й и 24-й немецких пехотных дивизий, но затем вынуждены были отойти в город.

Стойко держались защитники Малахова кургана. Здесь находились огневые позиции морской батареи № 701, которой командовал капитан-лейтенант А. П. Матюхин. На помощь ей пробился личный состав управления 177-го отдельного артдивизиона береговой обороны во главе с командиром дивизиона майором В. Ф. Моздалевским. В ночь на 30 июня удалось ввести в строй и получившее повреждение второе орудие. Весь наступивший день защитники кургана под непрерывными ударами вражеских бомбардировщиков отражали атаки танков и пехоты врага. Когда кончились снаряды, артиллеристы дрались гранатами, штыками. Курган дважды переходил из рук в руки. А вечером по приказу командования оставшиеся в живых прорвались к своим войскам в район Исторического бульвара.

Предшествовавшей ночью командование СОРа и Приморской армии перешло на запасной командный пункт на позиции 35-й батареи береговой обороны, находившиеся у Казачьей бухты. К исходу 30 июня в составе оборонительного района из числа частично сохранивших боеспособность остались лишь 109-я стрелковая дивизия (около 2 тыс. человек), 142-я стрелковая бригада (около 1,5 тыс. человек) и 4 сводных батальона, сформированных из остатков различных частей флота (до 2 тыс. человек). Все эти войска имели лишь стрелковое оружие и небольшое количество минометов и орудий малокалиберной артиллерии¹.

К вечеру 30 июня, когда ожесточенные бои шли уже в черте города, поступило указание Ставки Верховного Главнокомандования об оставлении Севастополя и эвакуации войск. Это решение она приняла, учитывая, что все возможности для продолжения борьбы исчерпаны, а Северо-Кавказский фронт не мог быстро оказать необходимую помощь войскам СОРа.

В ночь на 1 июля войска оборонительного района отошли к Стрелецкой, Камышовой и Казачьей бухтам и на Херсонесский мыс. В городе продолжали сражаться лишь отдельные разрозненные подразделения и группы воинов и дружинников. На узкой полоске Херсонесского мыса у самого моря защитники Севастополя подвергались непрерывному артиллерийскому обстрелу и атакам самолетов, которые, снизившись до 50—60 м, расстреливали людей из пулеметов и пушек. На берегу Камышовой бухты фашистские

¹ См.: История второй мировой войны 1939—1945, т. 5, с. 136.

летчики перебили большую группу тяжелораненых воинов, доставленных сюда для эвакуации.

Эвакуация войск осуществлялась с помощью подводных лодок и малых кораблей. Противник оказывал сильное противодействие, а вскоре оно возросло настолько, что даже подводные лодки лишились возможности вывозить защитников Севастополя.

Войска СОРа продолжали нести большие потери. Но они по-прежнему не были сломлены. Организованная оборона продолжалась до 4 июля, когда Совинформбюро передало сообщение об оставлении Севастополя. Расстреляв боеприпасы, они встречали атакующих фашистов штыками, бросались в контратаки, в молчаливой ярости шли на пулеметы и пушки.

Ночью некоторые отряды шли на прорыв плотного кольца окружения, чтобы пробиться в горы, к партизанам. Даже враг вынужден был признать изумительное мужество советских воинов. «Плотной массой, ведя отдельных солдат под руки, чтобы никто не мог отстать, бросались они на наши линии, — писал Манштейн. — Нередко впереди всех находились женщины и девушки-комсомолки, которые, тоже с оружием в руках, воодушевляли бойцов. Само собой разумеется, что потери при таких попытках прорваться были чрезвычайно высоки»¹.

Разрозненные группы советских воинов, прижатые к морю, спустились под крутые кручи Херсонеса и держались там, полуживые от жажды, голода и ран, до 11—12 июля...

Восемь месяцев, двести пятьдесят огненных дней и ночей, длилась оборона Севастополя. Она исключительно ярко продемонстрировала величие духа советских людей, их стойкость, героизм и самоотверженность во имя Советской Родины, во имя великих ленинских идеалов.

В боях за город враг потерял убитыми и ранеными до 300 тыс. солдат и офицеров².

«Военное и политическое значение Севастопольской обороны в отечественной войне советского народа огромно, — подчеркивалось в сообщении Совинформбюро. — Сковывая большое количество немецко-румынских войск, защитники города спутали и расстроили планы немецкого командования. Железная стойкость севастопольцев явилась одной из важнейших причин, сорвавших пресловутое «весеннее на-

¹ Манштейн Э. Утерянные победы, с. 254.

² См.: История второй мировой войны 1939—1945, т. 5, с. 137; Советская Военная Энциклопедия. М., 1979, т. 7, с. 283.

ступление» немцев. Гитлеровцы проиграли во времени, в темпах, понесли огромные потери людьми. Севастополь оставлен советскими войсками, но оборона Севастополя войдет в историю отечественной войны Советского Союза как одна из самых ярких ее страниц»¹.

Подвиг Севастополя поистине беспримерен. Отрезанный от Большой земли, окруженный врагом с суши и блокированный с моря и воздуха, он долгих восемь месяцев героически сражался с превосходящими силами врага. Оттянув на себя в самый трудный период войны почти двухсоттысячную ударную армию фашистского вермахта, город помогал Родине выстоять, накопить силы, чтобы потом, в сорок втором, от стен Сталинграда начать победоносное движение к рейхстагу.

Севастополь стоял 250 огненных дней, каждый из которых по напряженности, насыщенности событиями и пережитому может измеряться годами человеческой жизни.

Было трудно. Очень трудно. И тем, кто ходил в яростные контратаки, и тем, кто под бомбами и снарядами трудился в городе, — здесь не было тыла, здесь всюду был фронт.

В период обороны партийная организация города направила на фронт до 80 процентов своих коммунистов². Только в ноябре 1941 г. в ряды защитников города влилось около 400 членов партии и других добровольцев-горожан.

Полностью на защиту города работала его промышленность. Особенно высокой производительностью отличались подземные спецкомбинаты, один из которых выпускал оружие и боеприпасы, а другой — обмундирование. Всего за время обороны городские предприятия дали фронту 3 бронепоезда, 2710 минометов, около 650 тыс. различных мин, свыше 500 тыс. гранат, 10 тыс. авиабомб, 250 тыс. минных взрывателей, а также около 75 тыс. штук теплых вещей и белья, 25 тыс. пар обуви.

Севастопольцы собрали в фонд обороны к 1 мая 1942 г. 9 452 тыс. рублей и на 8 784 тыс. рублей облигаций.

В городе действовало 65 бригад помощи фронту, объединявших более 1,5 тыс. домашних хозяек. До 2,5 тыс. женщин, став донорами, дали раненым бойцам более 1 тыс. литров своей крови.

¹ Правда, 1942, 4 июля.

² См.: Города-герои Великой Отечественной войны. М., 1980, с. 52.

Значительной помощью защитникам города явились действия крымских партизан. В период обороны они провели 624 различные операции, 112 боев с карательными отрядами, уничтожили и ранили 12 тыс. солдат и офицеров, взорвали более 1,5 тыс. автомашин и 10 эшелонов с войсками и боевой техникой противника.

В подвиге севастопольцев отразился великий подвиг всего советского народа, лучшие его черты — преданность идеям ленинской партии, безмерная любовь к социалистической Родине, ненависть к ее врагам, презрение к смерти и неугаемая вера в конечную победу. Силы для борьбы они черпали в связи с Большой землей, в поддержке всей страны, которая с волнением и гордостью следила за их неравной схваткой с врагом. Гитлеровцы, сбрасывавшие на город тысячи тонн бомб, выпускавшие сотни тысяч снарядов, не раз заявляли о гибели Севастополя. Но город жил, работал, боролся. Фашистским летчикам хорошо были видны слова, выложенные из белого камня на городском косогоре: «Севастополь был, есть и будет советским!»

«Подвиги севастопольцев, — писала «Правда», — их беззаветное мужество, самоотверженность, ярость в борьбе с врагом будут жить в веках, их увенчает бессмертная слава. Беззаветный героизм севастопольцев служит примером, вдохновляющим советских воинов на новые подвиги в борьбе против ненавистного врага»¹.

Коммунистическая партия и советский народ по достоинству оценили славный подвиг участников обороны. Тысячи бойцов, командиров и горожан были награждены орденами и медалями, а 54 наиболее отличившихся воина, в том числе 26 военных моряков, удостоились звания Героя Советского Союза. Отмечая выдающиеся боевые заслуги защитников города, Президиум Верховного Совета СССР 22 декабря 1942 г. учредил медаль «За оборону Севастополя», которой награждены свыше 99 тыс. человек.

В июньские дни сорок второго года борьба за Севастополь не прекратилась, а лишь прервалась. Она вновь возобновилась весной сорок четвертого, когда началось и победоносно завершилось освобождение Крыма.

ПОДВИГ ПОДПОЛЬЩИКОВ

Немецко-фашистские захватчики, несмотря на многократное превосходство в силах, так и не смогли сломить

¹ Правда, 1942, 4 июля.

волю защитников Севастополя к сопротивлению. Город был оставлен его защитниками по приказу Ставки, отражавшему военную и логическую целесообразность в создавшейся к тому времени стратегической обстановке на южном фланге советско-германского фронта.

Севастополь не покорился врагу и после того, как на его развалины опустился коричневый мрак фашистской оккупации. Гитлеровцы установили в нем режим кровавого террора и насилия. Они жестоко мстили Севастополю, подступы которого были буквально усыпаны могилами фашистских солдат и офицеров. Оккупантам ненавистно было даже название города, и они переименовали его. За время оккупации гитлеровцы расстреляли, повесили, замучили и сожгли заживо 27 306 севастопольцев¹; тысячи молодых горожан были угнаны на каторгу в Германию.

Лютующие захватчики массовыми расстрелами, крайней жестокостью и зверствами пытались подавить волю севастопольцев к сопротивлению, запугать и покорить их. Но не смогли ни запугать, ни покорить.

С начала 1943 г. в городе стали появляться листовки, призывавшие к активным действиям против гитлеровских оккупантов, — свидетельство того, что в городе разворачивали борьбу с оккупантами советские патриоты. «Вставайте на борьбу с врагом, чтобы вместе с доблестной Красной Армией окончательно добить его и поднять над Севастополем победоносное Красное знамя!»² — говорилось в одной из первых листовок, подготовленной и распространенной подпольщиками.

Одну из подпольных групп патриотов организовал и возглавлял старшина Василий Ревякин. После оставления советскими войсками Севастополя он вместе с другими бойцами прикрытия еще пять суток сражался в районе Херсонесского мыса. Потом — плен. Но уже через несколько часов, когда колонна измученных, еле передвигавших ноги военнопленных двигалась по Лабораторному шоссе, старшина бежал.

Вначале он хотел пробраться к партизанам в горы. Но найти их ему не удалось. Тогда Ревякин решил создать подпольную организацию. Сколачивал ее постепенно. Первыми членами патриотической группы стали вчерашние защитники города, бежавшие, как и он, из плена, — Кузьма Анзин, Максим Пахомов, Георгий Гузов, Михаил Балашов и другие, а также жители города — Евгения Захарова, Любовь Масюта, Анатолий Лопачук, Лидия Нефедова.

¹ См.: Семин Г. И. Севастополь, с. 457.

² ПАКО, ф. 156, оп. 1, д. 64, л. 10.

В военном порту подпольную группу организовал и возглавил инженер коммунист П. Д. Сильников. Эти группы установили взаимосвязь и стремились координировать свои действия.

«15 марта в 1 час дня в местечке «Н»... было решено начать подпольную работу, направленную против гитлеровских поработителей»¹, — записал Ревякин в дневнике о своей первой встрече с Сильниковым.

Подпольной группой в лагере военнопленных руководил бывший помощник секретаря Севастопольского горкома партии Н. И. Терещенко. Николай Игнатьевич не смог эвакуироваться и, будучи раненым, вместе с бойцами попал в плен. Назвался Михайловым. Несмотря на смертельную опасность (если бы гитлеровцы узнали, что он был сотрудником горкома партии, его бы сразу расстреляли), Терещенко развернул работу среди военнопленных, поддерживал павших духом, а из наиболее стойких сколотил подпольную группу, насчитывавшую более тридцати человек. Вскоре Николаю Игнатьевичу удалось установить связь с городским подпольем.

По инициативе Василия Ревякина все подпольные группы объединились в Коммунистическую подпольную организацию в тылу у немцев (КПОВТН). Она представляла собой наиболее организованную и слаженную подпольную силу в Крыму. В ее уставе содержались не только организационные основы, но и программа действий.

В уставе подчеркивалось, что членами организации могут быть только люди, глубоко убежденные в окончательном разгроме фашистской Германии, люто ненавидящие гитлеровских поработителей и готовые в любое время пойти на самопожертвование во имя победы над врагом. Вот такими и были севастопольские подпольщики. Нельзя без волнения читать их клятву на верность Родине. Первым дал ее Василий Дмитриевич Ревякин. В ней он писал: «Если понадобится, готов отдать жизнь за победу над злым фашизмом...»

Подпольщики хорошо знали, что их ожидает в случае провала, и шли на подвиг, готовые к нему. На уцелевших стенах домов, под калитками и ставнями закрытых окон, а то и просто на тропинках, проложенных среди развалин города, севастопольцы все чаще и чаще обнаруживали листовки, которые несли слово родной партии, призывали усиливать борьбу против фашистских захватчиков. Вначале эти листовки писались от руки, затем — на машинке, а с июня

¹ Цит. по: Семин Г. И. Севастополь, с. 464.

1943 г. подпольщики печатали их на типографской машине. 10 июня 1943 г. вышел первый номер газеты «За Родину». С каким волнением, с какой жадностью советские люди читали и перечитывали этот небольшой печатный листок, доносивший голос Советской Отчизны!

Выпускали газету в основном регулярно, дважды в месяц, тиражом 500—600 экземпляров. Гестаповцы неистовствовали. Пятьдесят тысяч рублей и снабжение продовольствием было обещано тому, кто поможет раскрыть подпольную типографию. Но предателей не нашлось. Газета продолжала выходить.

Последний, 26-й номер газеты вышел 8 марта 1944 г. — за восемь дней до ареста руководителей организации и за два месяца до освобождения Севастополя. К этому времени было издано также 36 листовок¹.

С приближением советских войск к Крыму подпольная организация все более активизировала свою работу. Одна диверсия следовала за другой. Подпольщики взорвали на железнодорожной станции эшелон с боеприпасами, подготовленный к отправке на фронт. В другой раз они открыли краны и выпустили бензин из шести цистерн. Летели под откос железнодорожные составы, которые отправлялись со станции Севастополь. Патриоты насыпали песок и наливали воду в буксы, похищали из вагонов оружие, продовольствие, бумагу для выпуска газеты.

Активно действовали и другие подпольные группы. В Северном доке были взорваны котлы электростанции, которую оккупанты пытались ввести в строй. Отмечая 26-ю годовщину Великого Октября усилением диверсионных действий, патриоты сожгли в Южной бухте вражеское судно «Орион».

Подпольщики организовывали побеги военнопленных. Вначале их укрывали на нелегальных квартирах, потом переправляли к партизанам в лес или устраивали на работу в порт, на железную дорогу и в другие места, где нужны были свои люди. Сумел вырваться из лагеря и Н. И. Терещенко. Он стал ближайшим помощником В. Д. Ревякина.

После неоднократных попыток подпольщикам удалось установить связь с командованием советских войск и партизанами. Теперь организация стала выполнять и задания Большой земли.

Как и в дни обороны Севастополя, активные действия вели партизаны Крыма, в рядах которых были и защитники города.

¹ См.: Се м и н Г. И. Севастополь, с. 469.

В тяжелой борьбе с оккупантами КПОВТН несла потери. В октябре 1943 г. гестаповцам удалось напасть на след группы, которой руководил П. Д. Сильников. Они арестовали и после диких пыток расстреляли Сильникова, его жену Таисию Дмитриевну, Н. Г. Матвеева, К. В. Федорова, некоторых других членов группы. Герои погибли мученической смертью, но не выдали своих товарищей, и подпольная организация продолжала действовать.

В феврале 1944 г. организацию постиг новый удар — была арестована группа подпольщиков, действовавших на железной дороге: Михаил Шанько, Людмила Осипова, семья Кочегаровых — Владимир Яковлевич, Татьяна Яковлевна и их сын Виктор.

Как и члены группы Сильникова, железнодорожники мужественно перенесли все пытки.

Стало ясно, над организацией нависла смертельная опасность, и Ревякин переправил в партизанский лес тех подпольщиков, за которыми была установлена слежка.

Весна несла освобождение, и подпольщики Севастополя готовились к оказанию непосредственной помощи советским войскам: усилили разведку, вооружали боевые группы, которые во время наступления Красной Армии должны были содействовать ей с тыла. Подготовка велась по специальному плану, разработанному штабом КПОВТН. Но в ходе ее случилась новая беда: 18 марта 1944 г. были арестованы Василий Ревякин и около двадцати других подпольщиков, в том числе Николай Терещенко. Все они погибли, палачи не пощадили даже готовившуюся стать матерью Лиду Нефедову — жену Ревякина. Их расстреляли 14 апреля, за несколько недель до освобождения города, в Юхариной балке, на пятом километре Балаклавского шоссе. После изгнания фашистов останки героев были перезахоронены на Кладбище коммунаров.

Оставшиеся на свободе подпольщики продолжали борьбу. Они передавали советскому командованию ценные сведения о системе обороны врага, а когда началось наступление советских войск, участвовали в освобождении города, поддерживая огнем передовые части, ворвавшиеся в Севастополь.

Подвиг героев высоко оценен Советской Родиной. Руководителю подполья В. Д. Ревякину посмертно присвоено звание Героя Советского Союза, Н. И. Терещенко и П. Д. Сильников посмертно награждены орденом Ленина. Орденами и медалями были отмечены и патриотические дела других подпольщиков.

«ДАЕШЬ СЕВАСТОПОЛЬ!»

Могучая волна широкого наступления советских войск, начавшегося в степях под Сталинградом, осенью 1943 г. докатилась до Крыма. Войска Северо-Кавказского фронта, отбросив фашистские дивизии от предгорий Кавказа, взломали хваленую немецкую Голубую линию, упиравшуюся своими флангами в Цемесскую бухту у Новороссийска и в приазовские плавни, полностью очистили от врага Таманский полуостров и вышли к Керченскому проливу. Потрепанная в боях 17-я немецкая армия, отступая, переправилась в Крым. Советские войска во взаимодействии с Черноморским флотом форсировали пролив и овладели плацдармом в районе Керчи.

Тогда же войска 4-го Украинского фронта под командованием генерала армии Ф. И. Толбухина, разгромив в Донбассе и Северной Таврии вражеские дивизии, вышли к устью Днепра. Передовые части 51-й армии и 19-го танкового корпуса с ходу прорвали укрепления противника на Перекопе, форсировали Сиваш и захватили важные плацдармы на крымской земле.

Так была заперта в Крыму крупная группировка врага.

Гитлеровское верховное командование стремилось во что бы то ни стало удержать Крымский полуостров, имевший исключительно важное стратегическое и экономическое значение. Крым прикрывал балканский фланг фашистской армии, укрывшиеся в нем войска отвлекали на себя значительные силы Советской Армии, сковывали действия Черноморского флота, который все еще вынужден был базироваться на отдаленные от района боевых действий кавказские базы. Кроме того, враг не оставлял надежды встречными ударами из нижнего течения Днепра, где он удерживал плацдарм, и с полуострова восстановить сухопутную связь с крымской группировкой.

Потеря Крыма для врага означала также резкое падение престижа фашистской Германии в союзных ей странах Юго-Восточной Европы и в Турции, являвшихся поставщиками остродефицитных стратегических материалов.

Вот почему гитлеровское командование усиливало крымскую группировку войск. В феврале — марте 1944 г. сюда по воздуху и морю были переброшены 2 пехотные дивизии. К началу весеннего наступления советских войск на Крым 17-я немецкая армия состояла из 12 немецких и румынских дивизий, 2 бригад штурмовых орудий и различных частей усиления. В ней насчитывалось около 200 тыс. человек, до

3600 орудий и минометов, 215 танков и штурмовых орудий. Ее поддерживали до 150 самолетов, базировавшихся на аэродромы полуострова, а также авиация, действовавшая с румынских аэродромов¹. На севере Крыма и на Керченском полуострове были сооружены мощные глубоко эшелонированные оборонительные системы.

Учитывая это, советское командование привлекало к участию в Крымской наступательной операции закаленные в ожесточенных боях, оснащенные мощной боевой техникой войска. В районе Перекопа оно сконцентрировало 2-ю гвардейскую армию (командующий генерал-лейтенант Г. Ф. Захаров). В районе Сиваша были развернуты 51-я армия (командующий генерал-лейтенант Я. Г. Крейзер) и 19-й танковый корпус (командир генерал-лейтенант танковых войск И. Д. Васильев).

К началу Крымской операции Советские Вооруженные Силы, превосходя противника в силах и средствах, прочно удерживали инициативу в своих руках. Развернув зимой наступательные операции на всем протяжении советско-германского фронта — от Ленинграда до Черного моря, они главный удар наносили на юго-западном направлении в целях разгрома мощных вражеских группировок — групп армий «Юг» и «А» и освобождения Правобережной Украины и Крыма.

8 апреля 1944 г. после мощной артиллерийской подготовки 51-я армия и 19-й танковый корпус нанесли удар с плацдарма на южном берегу Сиваша, а 2-я гвардейская армия — на Перекопском перешейке. В ночь на 11 апреля, когда войска 4-го Украинского фронта подошли к Джанкою и Ишуньским позициям, на Керченском полуострове перешла в наступление Отдельная Приморская армия (командующий генерал армии А. И. Еременко). К 6 часам утра Керчь была освобождена.

Советские войска, прорвав сильно укрепленные оборонительные рубежи врага на севере Крыма и на Керченском полуострове, двумя мощными потоками устремились вперед. Их активно поддерживали корабли Черноморского флота (командующий вице-адмирал Ф. С. Октябрьский), 4-я и 8-я воздушные армии, а также крымские партизаны, действовавшие в тылу врага.

Ослабленные в боях дивизии 17-й армии, оказывая яростное сопротивление, откатывались к Севастополю.

¹ См.: История второй мировой войны 1939—1945. М., 1977, т. 8, с. 104.

15—16 апреля 1944 г. 2-я гвардейская, 51-я, а двумя днями позже и Отдельная Приморская армии подошли к внешнему оборонительному обводу вражеских укреплений под Севастополем, освободили Балаклаву.

Перед советскими войсками лежал Севастополь, опоясанный мощной глубоко эшелонированной системой оборонительных сооружений, протянувшихся полукольцом от реки Бельбек через Мекензиевы горы, Сахарную Головку, Сапун-гору, Карагач. Гитлеровцы не только восстановили укрепления, возведенные защитниками города в период его обороны, но и значительно усилили их, построив долговременные огневые точки. За этим каменным фронтом, как они называли укрепления, укрылись войска 17-й армии, насчитывавшие более 72 тыс. солдат и офицеров, 1830 орудий и минометов, а также 50 танков и штурмовых орудий¹, около 100 самолетов. Враг практически имел достаточное количество боеприпасов.

Гитлеровское командование, пытаясь любой ценой удерживать Севастополь, усиливало находившиеся на его подступах войска. Так, по неполным данным, из портов и аэродромов Румынии сюда только в апреле было переброшено около 6 тыс. немецких солдат и офицеров².

Командующий 17-й армией генерал Э. Енеке, не веривший в возможность удержания Севастополя, был заменен генерал-полковником К. Альмендингером.

«Я получил приказ защищать каждую пядь Севастопольского плацдарма, — писал новый командующий в обращении к своим войскам от 3 мая. — Его значение вы понимаете. Ни одно имя в России не произносится с большим благоговением, чем Севастополь... Я требую, чтобы все оборонялись в полном смысле этого слова, чтобы никто не отходил, удерживал бы каждую траншею, каждую воронку, каждый окоп... Плацдарм на всю глубину сильно оборудован в инженерном отношении, и противник, где бы он ни появился, запутается в сети наших оборонительных сооружений. Но никому из нас не должна даже и в голову прийти мысль об отходе на эти позиции, расположенные в глубине.

17-ю армию в Севастополе поддерживают мощные воздушные и морские силы. Фюрер дает нам достаточно боеприпасов, самолетов, вооружения и подкреплений.

Честь армии зависит от каждого метра порученной территории.

¹ См.: История второй мировой войны 1939—1945, т. 8, с. 108.

² См.: Грылев А. Н. Днепр. Карпаты. Крым. М., 1970, с. 243.

Германия ожидает, что мы выполним свой долг»¹.

Но дни врага в Севастополе уже были сочтены. Успешные бои за город стали завершающим этапом блистательной Крымской операции советских войск.

Прорыв мощных укреплений врага готовился тщательно. Пока шла перегруппировка войск, накопление боеприпасов и горючего, артиллерия и авиация систематически и днем и ночью наносили удары по долговременным оборонительным сооружениям врага. Помимо военно-воздушных сил фронта и Черноморского флота в этом огневом наступлении участвовала и авиация дальнего действия. Только за шесть предштурмовых дней на укрепления противника было сброшено свыше 2 тыс. т бомб².

В Ялту и Евпаторию — ближайшие к Севастополю порты, были переброшены две бригады торпедных катеров, которыми командовали капитан 2 ранга Г. Д. Дьяченко и капитан 2 ранга В. Т. Проценко. Вместе с подводными лодками и авиацией они блокировали врага с моря, нарушая связь зажатой в Севастополе группировки войск с румынскими портами.

В ходе подготовки к штурму силы фронта учились вести бои в условиях горной местности, блокировать сильно укрепленные пункты противника, отрабатывали взаимодействие с артиллерией и авиацией. Из наиболее подготовленных бойцов и командиров создавались штурмовые и блокировочные группы и отряды.

В войсках велась активная партийно-политическая работа. С горячим партийным словом шли к бойцам командиры и политработники, агитаторы. Они разъясняли военно-политическое значение Севастополя, знакомили с особенностями вражеской обороны, рассказывали о героическом прошлом города, о стойкости и мужестве воинов, защищавших его в 1941—1942 гг., призывали приумножить славу героев решительными и умелыми действиями в наступлении. С особым интересом и волнением воспринимали бойцы выступления участников обороны Севастополя, которые делились своим боевым опытом, звали на подвиг.

«Друзья, — обращаясь к боевым товарищам, говорил коммунист Николай Загуба, — двести пятьдесят дней я защищал Севастополь. С болью в сердце оставлял его. Теперь мы идем к нему. Если понадобится, за счастье нашего на-

¹ Правда, 1944, 12 мая.

² См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945. М., 1964, т. 4, с. 94.

рода, за победу я отдаю свою жизнь. Если погибну, похороните меня головой к Севастополю. Пусть моя смерть зовет вас к победе вперед, в бой за родной Севастополь!»¹

Спустя несколько дней в бою коммунист Загуба пал смертью храбрых. Он шел впереди атакующих, увлекая за собой бойцов.

В 7-й роте 12-го стрелкового полка агитатор сержант Коштилов делился с бойцами воспоминаниями о боях на Мекензиевых горах, о том, как он, будучи раненым, ходил в контратаки, как поклялся, покидая Севастополь, вновь вернуться сюда².

Под Севастополем о мужестве героев напоминало многое. В одном из разрушенных дзотов на Мекензиевых горах бойцы нашли автомат. На прикладе прочли слова: «Пишет вам, товарищ, моряк, который в этом дзоте погиб за Севастополь. Кто найдет этот приклад, пусть не забудет про меня, когда будет фашистов бить. Я их, гадов, уложил немало... Старшина 2-й статьи Федор Лобов».

И советские воины рвались в бой, чтобы расплатиться с гитлеровцами и за Федора Лобова, и за тысячи других героев, погибших, отстаивая Севастополь, Советскую Родину.

Лучшим из лучших воинов вручались флаги, чтобы водрузить их на высотах, которые предстояло штурмовать, на зданиях города.

В соответствии с планом командования 4-го Украинского фронта (командующий генерал армии Ф. И. Толбухин), утвержденным представителем Ставки в Крыму Маршалом Советского Союза А. М. Василевским, предусматривалось штурм города осуществить по всей линии вражеской обороны. Было решено главный удар наносить с 7 мая на участке Сапун-гора, высота северо-восточнее Карани правым флангом и центром Приморской армии (11-й гвардейский стрелковый и 3-й горнострелковый корпуса) и левым флангом 51-й армии (63-й стрелковый корпус), вспомогательный — в районе Мекензиевых гор 2-й гвардейской армией (командующий генерал-лейтенант Г. Ф. Захаров) с целью ввести в заблуждение противника (наступление этой армии намечалось начать на двое суток раньше).

Наступательные действия войск поддерживались мощными силами артиллерии и авиации. На участке прорыва в среднем на километр фронта было сконцентрировано более 180 орудий и минометов, а в районе Сапун-горы — до 250.

¹ Слава Севастополя, 1969, 7 мая.

² См. там же, 2 апр.

Господствовавшая в небе 8-я воздушная армия (командующий генерал-лейтенант авиации Т. Т. Хрюкин) насчитывала 1023 самолета¹. А с моря силы противника блокировали корабли и авиация Черноморского флота (командующий вице-адмирал Ф. С. Октябрьский).

Ровно в полдень 5 мая началась авиационная и артиллерийская подготовка. Два часа над Мекензиевыми горами бушевал огненный смерч. А затем при поддержке авиации и артиллерии в атаку поднялись части 2-й гвардейской армии.

Враг, засевший в укреплениях, встретил гвардейцев ожесточенным огнем. Особенно трудная задача выпала 24-й и 87-й дивизиям 13-го гвардейского корпуса, наступавшим в направлении станции Мекензиевы Горы с последующим выходом к Северной бухте. Гитлеровцы то и дело бросались в контратаки. Но гвардейцы упорно, метр за метром продвигались вперед. Особенно успешно действовали части 347-й стрелковой дивизии генерал-майора А. Х. Юхимчука. Воины штурмовой группы 1179-го полка под командованием лейтенанта Ф. С. Синицына сумели незамеченными через расщелины гор вплотную подобраться к траншеям врага и забросать их гранатами. Оставшихся в живых фашистов они уничтожили в рукопашной схватке.

Гитлеровцы в панике оставили высоту, но вскоре открыли ожесточенный минометный огонь, а затем пошли в контратаку. Она была отбита с большими потерями противника. За ней последовала вторая, третья... Около 150 фашистских солдат и офицеров осталось лежать на склоне высоты, которую врагу так и не удалось отбить. В этом ожесточенном бою погибли и многие гвардейцы, в том числе лейтенант Ф. С. Синицын. Ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Впереди, увлекая за собой бойцов, шли коммунисты. На одном из участков наступления противник предпринял очередную контратаку, пытаясь выбить группу гвардейцев из захваченной ею траншеи. И в этот момент тяжело ранило пулеметчика. Парторг роты рядовой Иван Мищенко бросился к пулемету. Гитлеровцы были буквально в нескольких метрах, когда ударили пулеметные очереди.

Вместе с двумя оставшимися в строю бойцами Мищенко отразил контратаку противника. Но прошло немного времени, и вновь показались фашистские автоматчики. И снова разгорелся неравный бой. В живых остался один Мищенко.

¹ В 8-ю воздушную армию в конце апреля вошли и части 4-й воздушной армии, управление которой было передано в состав 2-го Белорусского фронта.

А на него наседала целая рота гитлеровцев. Парторг продолжал разить врага из пулемета, пока билось сердце. Герой погиб в тот момент, когда на удерживаемые им позиции подошли основные силы батальона. Ивану Васильевичу Мищенко посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

На второй день операции командование противника, введенное в заблуждение, стало перебрасывать на Мекензиевы горы резервы и подкрепления со своего правого фланга, где предстоял главный удар.

За первые два дня боев войска 2-й гвардейской армии, преодолевая ожесточенное сопротивление врага, захватили две, а местами три линии траншей с дотами и дзотами.

Тем временем изготовились к наступлению 51-я и Приморская армии. Во всех частях и подразделениях прошли партийные и комсомольские собрания. Коммунисты и комсомольцы выражали свою решимость быть впереди атакующих, служить для остальных бойцов примером храбрости и самоотверженности.

7 мая начался генеральный штурм укрепленного района врага по всему фронту. Как и было предусмотрено планом, главный удар наносился на участке Сапун-гора, гора Горная. Отсюда был самый короткий путь к Севастополю и к бухтам Гераклийского полуострова — местам вероятной эвакуации вражеских войск. Здесь, южнее Сапун-горы, могли пройти танки 19-го танкового корпуса.

Но самый короткий путь был и самым трудным. Непреступным бастионом возвышалась Сапун-гора, преграждая путь к городу. Она являлась ключевой позицией на южном участке обороны противника. Ее крутые склоны были сплошь испещрены траншеями, дотами и дзотами, артиллерийскими и пулеметными точками и переплетались противотанковыми и противопехотными заграждениями. Подножие горы защищали сплошные минные поля.

В 9 часов, разорвав утренний воздух, ударили «катюши», упираясь огненными стрелами в склоны Сапун-горы. Это был сигнал к артиллерийской и авиационной подготовке. И все вокруг разом потонуло в грохоте орудий, минометов и гуде штурмовиков и бомбардировщиков. Сюда, в полосу наступления Приморской и 51-й армий, перенесла свой удар почти вся авиация фронта. Тысячи бомб, снарядов, мин в течение полутора часов долбили подножие горы. Затем огненный вал поднялся выше, обрушился на вторую линию траншей, и в атаку пошла пехота.

Непосредственно массив Сапун-горы штурмовали части Приморской армии — 11-го гвардейского стрелкового корпу-

са (командир генерал-майор С. Е. Рождественский) и 63-го стрелкового корпуса (командир генерал-майор П. К. Кошевой). В самом центре направления — на смежных флангах этих корпусов действовали 77-я стрелковая дивизия полковника А. П. Родионова и 32-я гвардейская стрелковая дивизия полковника Н. К. Закуренкова. Левее 32-й дивизии шли 2-я гвардейская стрелковая дивизия (командир полковник Н. С. Самохвалов) и 414-я стрелковая дивизия (командир генерал-майор В. С. Дзабахидзе), а правее 77-й дивизии — соединения 51-й армии.

Враг встретил наступающих ураганным огнем артиллерии, минометов, уцелевших пулеметных точек. Ожесточенные бои разгорелись на всех участках. Советские воины неудержимо рвались вперед. Казалось, сама севастопольская земля придавала им силы, отвагу, ярость. «Даешь Севастополь!» — этот клич был начертан на лафетах орудий, броне танков, фюзеляжах самолетов, снарядах «катюш». С ним поднимались бойцы в атаку.

Особенно ожесточенным был бой за Сапун-гору. Лишь через несколько часов непрерывных атак, доходивших до рукопашных схваток, наступающие части смогли овладеть безымянными высотами и первой вражеской траншеей у подножия горы. Затем начался небывалый по своему накалу и упорству штурм самой Сапун-горы. На помощь атакующей пехоте вновь пришли артиллеристы и летчики. Шквал орудийного огня рвал в клочья землю. Волна за волной обрушивали на позиции врага смертоносный груз шестерки штурмовиков старших лейтенантов А. В. Дубенко, В. Н. Опалева, В. И. Догаева и других летчиков.

Но вот вперед устремились штурмовые группы. Многочисленные орудия и пулеметы противника били по ним в упор. Казалось, каждый выступ, каждый камень хлестал свинцом. Но ничто не могло сбить наступательный порыв советских воинов. Падали сраженные знаменосцы. Их тут же заменяли другие бойцы, и алые стяги в огне и дыму продолжали реять на склоне, воодушевляя атакующих воинов.

В полосе наступления 137-го полка 417-й стрелковой дивизии умело и бесстрашно вел своих бойцов вперед командир взвода коммунист лейтенант М. Я. Дзигунский. Взята одна вражеская траншея, затем — другая. Подавлена очередная огневая точка. Но вот открылся дзот, изрыгавший плотный пулеметный огонь. Командир сам пополз к укреплению. Один за другим последовали взрывы гранат. Но пулемет не умолк. Тогда, крикнув бойцам: «Вперед, орлы

мои!» — лейтенант Дзигунский бросился на амбразуру и своим телом закрыл огненную струю...

Штурмовые группы метр за метром поднимались по склонам, то и дело вступая в рукопашные схватки. Артиллеристы на руках тянули вверх пушки и зачастую в упор били по дотам и дзотам.

...Орудийный расчет сержанта Фролова находился в рядах атакующих. В ходе боя выбыли из строя наводчик, замковый и подносчик. Осколки снарядов повредили лафет и колеса пушки. Но она неимоверными усилиями командира расчета и заряжающего продолжала разить гитлеровцев.

...Когда атакующие цепи залегли под плотным огнем гитлеровцев, командир 848-го стрелкового полка 267-й стрелковой дивизии подполковник П. П. Липачев выдвинулся в боевые порядки рот и, поднявшись среди разрывов и пуль во весь рост, с возгласом «Вперед, товарищи!» первым устремился в атаку. Враг был выбит из первой траншеи. А через несколько минут жаркая рукопашная схватка завязалась уже во второй линии окопов.

...В разгар наступления под усилившимся огнем противника неожиданно приостановила продвижение 77-я стрелковая дивизия. Атакующие подразделения вынуждены были залечь перед второй, наиболее укрепленной линией обороны. Не помогла и повторная обработка этого участка артиллерией и авиацией. Огневой шквал врага по-прежнему прижимал цепи к земле. Подразделения несли потери, многие командиры и политработники вышли из строя. И тогда комдив полковник Алексей Павлович Родионов приказал всем офицерам штаба дивизии и штабов полков выдвинуться в атакующие батальоны и роты и возглавить очередной бросок соединения вперед. Сам комдив тоже направился в одно из передовых подразделений. И вскоре роты вновь поднялись в атаку. Все так же яростен был огонь врага, но остановить атакующих уже было невозможно.

Напряжение боя не ослабевало ни на минуту. Фашисты дрались с отчаянием обреченных. Они то в одном, то в другом месте выползали из укрытий и бросались в контратаки. Но все ближе к гребню горы полыхали алые стяги.

Упорно продвигались к вершине бойцы роты гвардии лейтенанта В. Ф. Жукова из 82-го стрелкового полка 32-й гвардейской стрелковой дивизии. Впереди них шел командир. Вдруг рядом взметнулся взрыв — Жукова отбросило в сторону. Поднявшись, он зажал пилоткой рану и, громко крикнув: «За мной! Вершина уже близко!» — бросился вперед. Бойцы устремились за своим командиром. Прокладывая путь

огнем из автоматов и гранатами, рота приближалась к вершине. Но в это время вражеская пуля сразила отважного командира. Вскоре его бойцы водрузили красный флаг на самой вершине Сапун-горы. Гвардии лейтенанту Василию Фроловичу Жукову посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

С таким же упорством и отвагой сражались тысячи воинов, штурмовавших вражеские позиции. Выбивая фашистов из траншей, блиндажей и других укрытий, они отвоевывали новые метры родной земли.

Штурмовая группа 105-го полка 32-й гвардейской стрелковой дивизии во главе с комсоргом младшим лейтенантом Н. Л. Чмухом уничтожила вражеский дот и, просочившись в глубину обороны противника, оказывала содействие наступавшей роте.

Саперная рота старшего лейтенанта Д. С. Загорулько из 77-й дивизии отличилась еще до начала штурма Сапун-горы. Ей было поручено подготовить полосу наступления для 105-го стрелкового полка. Саперы под огнем проделали проходы в минных полях и проволочных заграждениях противника, обезвредив при этом 480 мин, взорвали два дота. Затем они, влившись в ряды атакующих, снимали минные поля, прикрывали огнем штурмовые группы, блокировали и уничтожали доты и дзоты. В один из моментов боя продвижение воинов приостановил пулемет хорошо замаскированного дота. Старший лейтенант Загорулько приказал отделению сержанта Абдурахмана Абдулаева подавить огонь дота. Выросший в горном Дагестане, сержант мог, как никто другой в роте, легко передвигаться в горах. Пока отделение отвлекало огонь пулемета на себя, Абдуллаев чудом пробрался по скальным обрывам в тыл доту и гранатами уничтожил огневой расчет. Бойцы роты вновь двинулись вперед и в числе первых достигли гребня Сапун-горы.

Старший лейтенант Дмитрий Сергеевич Загорулько при блокировке одного из последних опорных пунктов гитлеровцев героически погиб. Ему было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Этого высокого звания удостоился и сержант Абдурахман Абдулаев.

До самого вечера 7 мая на Сапун-горе бушевал ожесточенный бой. Наконец после 19 часов флаги штурмовых групп один за другим были водружены на всем ее гребне. Первыми достигли его бойцы 105-го стрелкового полка 77-й стрелковой дивизии под командованием майора И. С. Слижевского и 85-го гвардейского стрелкового полка 32-й гвар-

дейской дивизии, которым командовал подполковник К. К. Яковлев.

Одними из первых водрузили красные флаги на вершине горы гвардии сержант Н. Соснин и гвардии рядовой З. Абдурахимов из 3-го батальона 85-го гвардейского полка 32-й гвардейской стрелковой дивизии, заместитель командира батальона 276-го полка 77-й стрелковой дивизии капитан Арутюн Чакрян, ефрейтор Василий Дробязко из 1-го гвардейского стрелкового полка 2-й гвардейской стрелковой дивизии, рядовой Иван Яцуненко, принявший флаг из рук смертельно раненного парторга старшего сержанта Александра Смеловича, и другие.

Штурм Сапун-горы явился одним из выдающихся подвигов советских воинов в Великой Отечественной войне. Ныне он запечатлен на замечательном полотне диорамы «Штурм Сапун-горы 7 мая 1944 года».

Враг не смирился с потерей этой ключевой позиции. На рассвете 8 мая, рассчитывая на то, что наши войска не успели закрепиться на Сапун-горе, он предпринял яростные контратаки. Но командующий 51-й армией генерал Крейзер ввел в бой второй эшелон войск — 10-й стрелковый корпус генерала К. П. Неверова, и натиск врага был отбит. Наши войска возобновили наступление на Севастополь.

Одновременно со штурмом Сапун-горы дивизии 1-го гвардейского стрелкового корпуса под командованием генерал-лейтенанта И. И. Миссана в результате ожесточенного боя, длившегося весь день, овладели сильно укрепленной горой Сахарная Головка, закрывавшей вход в Инкерманскую долину.

В крайне трудных условиях развивалось наступление 3-го горнострелкового корпуса (командир генерал-майор А. А. Лучинский) и 16-го стрелкового корпуса (командир генерал-майор К. И. Провалов) южнее Сапун-горы, в прибрежной полосе. Используя холмистую местность, противник создал здесь наиболее мощную оборонительную линию глубиной до 3—4,5 км с противотанковыми и противопехотными заграждениями, многочисленными орудийными и пулеметными огневыми точками. Но и это не помогло врагу сдержать натиск советских войск.

83-я и 255-я бригады морской пехоты, входившие в первый эшелон 16-го стрелкового корпуса, на следующий день наступления прорвали этот сильно укрепленный рубеж и, отбивая контратаки противника, стали упорно продвигаться вперед. Вскоре 83-я бригада овладела безымянной высотой и к вечеру вышла западнее селения Карань. 255-я

бригада, захватив две вражеские траншеи, продолжала наступление на гору Кая-Баш.

Для развития успеха в пробитую здесь брешь была введена 383-я стрелковая дивизия. 9 мая соединения корпуса завершили прорыв главной оборонительной полосы противника.

Решительностью отличались также действия 318-й и 242-й горнострелковых дивизий, наступавших в первом эшелоне войск 3-го горнострелкового корпуса.

К исходу 7 мая на этом участке советские войска вышли на линию Сахарная Головка, Санун-гора, селение Карань.

С упорными боями продвигались и войска 2-й гвардейской армии. К вечеру 7 мая подразделения 24-й гвардейской стрелковой дивизии (командир полковник Г. Я. Колесников) завязали бой за станцию Мекензиевы Горы, а 8 мая 70-й стрелковый полк этого соединения под командованием майора А. С. Дрыгина вышел к Северной бухте и сразу же начал готовиться к ее форсированию. Пока изыскивались подручные средства, командир подобрал группу добровольцев, чтобы произвести разведку на противоположном берегу бухты.

Незадолго до рассвета на рыбацкой лодке отправились на разведку сержант К. Г. Висовин, бойцы А. Н. Соценко, И. В. Дубинин, Я. И. Романов и М. П. Сидоренко во главе с командиром саперного взвода лейтенантом А. Ф. Земковым. Когда достигли другого берега, Сидоренко возвратился с лодкой назад, а группа приступила к выполнению задания. Однако вскоре разведчики были обнаружены и оказались в плотном кольце целой роты противника. Гвардейцы приняли неравный бой. В первые же минуты схватки погиб Яков Романов. Встретив ожесточенное сопротивление, гитлеровцы подкатили орудие, чтобы вести огонь прямой наводкой. Тогда раненый Александр Соценко под прикрытием автоматного огня боевых товарищей подполз к нему и, метнув гранату, уничтожил артиллерийский расчет.

В ходе боя были ранены Александр Земков и Константин Висовин, погиб Александр Соценко. Когда у Висовина опустел последний диск автомата, фашисты решили взять его живым и стали подползать со всех сторон. Тогда сержант, бывший черноморец, выхватил нож и с криком «Моряки не сдаются!» бросился на гитлеровцев. Он успел ударить одного, другого, но тут же упал, прошив автоматной очередью.

Дольше всех держался Иван Дубинин. Подобрал несколько автоматов убитых фашистов, он занял выгодную позицию и уничтожил десятки солдат. Герой погиб, когда его однополчане, высадившиеся восточнее, приближались к месту неравного боя. В живых остался лишь командир группы лейтенант Земков, который был ранен в обе ноги.

«Бесстрашными они были во имя грядущей победы» — эти слова высечены на памятнике, воздвигнутом на месте, где высадилась группа отважных бойцов-гвардейцев. Всем им присвоено звание Героя Советского Союза.

К рассвету 9 мая к Северной бухте вышли и другие соединения армии — сначала 13-го гвардейского и 55-го стрелкового корпусов, а несколько позднее — 54-го стрелкового корпуса.

В ходе операции успешно выполнял свою главную задачу по срыву морских перевозок врага Черноморский флот. Фашистские транспорты охранялись большим количеством самолетов и боевых кораблей. От черноморцев требовались большие усилия и высокое воинское мастерство, чтобы постоянно нарушать снабжение вражеских войск. Успешно справлялись с этой задачей подводные лодки, авиация и торпедные катера.

В те дни 20 боевых походов совершили подводные лодки бригады, которой командовал капитан 1 ранга М. Г. Соловьев. Счет своих побед соединение увеличило на 18 потопленных и поврежденных судов врага. Эффективно действовали в период операции подводные лодки «А-5» (командир капитан-лейтенант В. И. Матвеев), «Щ-201» (командир капитан-лейтенант П. И. Парамошкин), «Щ-202» (командир капитан-лейтенант М. В. Леонов), «М-35» (командир капитан-лейтенант В. М. Прокофьев), «М-111» (командир капитан-лейтенант М. И. Хомяков), «М-62» (командир капитан-лейтенант Н. И. Малышев) и другие подводные корабли флота.

268 раз выходили на коммуникации противника торпедные катера. При этом они уничтожили 11 транспортных судов и барж¹.

Особенно больших успехов добились тогда военно-воздушные силы. Из 6300 самолето-вылетов 4500 черноморские летчики совершили для нанесения ударов по вражеским конвоям и отдельным судам, ведения воздушной разведки и прикрытия действий своих кораблей и сухопутных войск. При освобождении Крыма авиация флота уничтожила 65 и

¹ См.: Краснознаменный Черноморский флот, с. 243.

повредила 55 транспортов, боевых кораблей и катеров; в воздушных боях гитлеровцы потеряли 81 самолет¹.

9 мая ровно в 8 часов утра начался общий штурм Севастополя. На рассвете части 13-го гвардейского стрелкового корпуса (командир генерал-лейтенант П. Г. Чанчибадзе) под прикрытием мощного артиллерийского огня (к тому времени на берегу было установлено более 600 орудий) начали форсирование Северной бухты. Гвардейцы переправлялись на подручных средствах. Первыми преодолели бухту полки 24-й гвардейской стрелковой дивизии. В это время части 87-й гвардейской дивизии (командир полковник К. Я. Тымчик) и соединения 55-го стрелкового корпуса (командир генерал-майор П. Е. Ловягин), прорвав оборону врага, обошли бухту с северо-востока. Во взаимодействии с дивизиями 1-го гвардейского корпуса 51-й армии они за несколько часов освободили Корабельную сторону. 24-я гвардейская стрелковая дивизия, обогнув Южную бухту, к 14 часам вошла в Рудольфову слободку. Одновременно 63-й и 10-й стрелковые корпуса 51-й армии вместе с войсками 11-го стрелкового корпуса Приморской армии ворвались в город с юго-западной стороны.

К исходу 9 мая Севастополь был полностью освобожден. На следующий день столица нашей Родины Москва в ознаменование этой славной победы салютовала 24 артиллерийскими залпами из 324 орудий.

«Здравствуй, родной Севастополь, любимый город советского народа, город-герой, город-богатырь! Радостно приветствует тебя вся Советская страна», — писала 10 мая «Правда», выражая чувства всех советских людей.

Остатки немецко-фашистских войск отошли к Стрелецкой, Круглой, Камышовой и Казачьей бухтам и на Херсонесский мыс, где соединениями Приморской армии, 10-го стрелкового корпуса 51-й армии и 19-го танкового корпуса были прижаты к морю. Под прикрытием мощной артиллерии, плотность которой в ряде мест достигала 100 орудий на километр фронта, они оказывали упорное сопротивление и пытались эвакуироваться. Но эти попытки были сорваны ударами советской авиации и кораблей Черноморского флота.

Всего в период Крымской операции было потоплено и повреждено более 160 кораблей и транспортов противника². Особенно большие потери враг понес в период боев за Севастополь.

¹ См.: Краснознаменный Черноморский флот, с. 243.

² См. там же.

Последний клочок крымской земли, за который в отчаянии цеплялся враг, превратился в огненный котел, в котором нашли смерть тысячи гитлеровских солдат и офицеров. На рассвете 12 мая в решительную атаку пошли приморцы при поддержке танков. К полудню были подавлены последние очаги сопротивления противника. Остатки его войск сдались в плен в районе мыса Херсонес. Крымская земля, на которой лишь несколько минут назад гремело сражение, вдруг оказалась в глубоком тылу, за несколько сот километров от фронта.

17-я немецкая армия, насчитывавшая к началу Крымской операции советских войск около 200 тыс. человек, перестала существовать. По данным штаба этой армии, только при эвакуации из Крыма в период с 3 по 13 мая в море погибло около 42 тыс. фашистских солдат и офицеров¹. При освобождении Севастополя противник потерял убитыми более 20 тыс. солдат и офицеров и пленными свыше 24 тыс. человек. Всего же за период операции урон врага убитыми и пленными (не считая погибших на переходе морем) составил 111 587 человек².

Окончательное освобождение Крыма создало благоприятные условия для развертывания дальнейших операций советских войск на левом фланге советско-германского фронта и освобождения Румынии и Болгарии.

Советская Родина высоко оценила подвиг освободителей Севастополя. 126 воинам было присвоено звание Героя Советского Союза. 118 частей и соединений 4-го Украинского фронта и Черноморского флота получили почетное наименование Севастопольских³.

ВОССТАВШИЙ ИЗ РУИН

Страшная картина разрушений открылась перед освободителями Севастополя. На месте красивых белокаменных кварталов лежали нагромождения камней, возвышались закопченные стены, извивались искореженные железные балки. Не было ни улиц, ни площадей, ни скверов. Не верилось, что когда-нибудь сможет возродиться из руин этот разрушенный город.

Но восстановление Севастополя началось в первые же дни после освобождения. Еще доносился гул сражения с

¹ См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945, т. 4, с. 454.

² См.: Кузнецов Н. Г. Курсом к победе. М., 1975, с. 368.

³ См.: История второй мировой войны 1939—1945, т. 8, с. 110.

Херсонесского мыса, а город начал постепенно возвращаться к жизни. Своеобразным штабом его возрождения в первые дни после освобождения была оперативная группа, состоявшая из руководящих партийных и советских работников и представителей флота. Она вошла в город вместе со вторым эшелоном советских войск утром 10 мая и тут же включилась в работу. В те дни на уцелевших стенах появилось обращение горкома партии и исполкома горсовета: «Жители Севастополя!.. Дружно за работу! Самоотверженным трудом поможем быстрее восстановить промышленные и коммунальные предприятия города, жилые дома, культурно-просветительные учреждения».

Вскоре начали возвращаться из эвакуации севастопольцы: за первую же неделю после изгнания врага прибыло около 10 тыс. человек. Они приспособливали под жилье подвалы, лестничные клетки, уцелевшие подъезды домов, рыли землянки и тут же включались в восстановительные работы.

Начинали с разбора завалов, расчистки улиц. В обезвреживании мин, неразорвавшихся бомб и снарядов большую помощь оказывали флотские минеры и армейские саперы. Одновременно велось восстановление Морского завода, железнодорожных путей, электростанций, жилищ. На первом этапе этих работ возрождалось все, что можно было поправить, вернуть в строй.

На помощь севастопольцам пришла вся страна. Еще до освобождения города была создана строительная организация — трест «Россевастопольстрой».

В Севастополь были направлены снятые с фронта строительные батальоны, которые тут же приступали к восстановлению причалов. В бухты вошли тральщики для разминирования акватории базы и порта. Киев и Владивосток прислали электропоезда, обеспечивавшие город электроэнергией, Донбасс — уголь, ивановские ткачихи — два вагона тканей для больниц, детских учреждений. Из России, с Украины, из Молдавии, Грузии, Армении, Казахстана и Киргизии прибывали отряды молодых строителей. Более 10 тыс. юношей и девушек составили основной отряд севастопольских строителей, разбивших палаточный город. Они строили, постигая профессии каменщиков, штукатуров, маляров, плотников. Рядом и вместе с ними трудились военные моряки и все трудоспособное население. Горожане по примеру сталинградцев днем работали на предприятиях и в учреждениях, а после смены спешили на стройки.

И, как всегда, впереди шли коммунисты и комсомольцы, увлекая своим примером остальных. По их инициативе на швейной фабрике работницы стали строителями. Два месяца, не считаясь со временем, женщины и девушки под руководством специалистов восстанавливали разбитые бомбами и снарядами здания предприятия и, когда ввели его в строй, сели за швейные машины. Врачи городской больницы, закончив прием больных, шли восстанавливать здания тубдиспансера. Дети старшего школьного возраста во главе с преподавателями ремонтировали здания школ...

Все шире разворачивалось строительство в городе. Со всех концов страны шли в Севастополь эшелоны со строительными материалами, оборудованием, продовольствием. Советские люди, выражая свою любовь к городу-герою, стремились и личными средствами помочь возвращению города к жизни. Инициаторами добровольных взносов в фонд восстановления Севастополя выступили дагестанские колхозники. Их примеру последовали военные моряки страны. Только североморцы собрали летом 1944 г. на восстановление Севастополя более 30,5 млн. рублей и почти на 6,5 млн. рублей облигаций государственных займов¹.

Возрождение Севастополя — одна из ярких страниц его героической биографии. Во многом оно стало возможным благодаря изумительному трудовому энтузиазму севастопольцев.

Почти все работы приходилось выполнять вручную. Не было ни башенных кранов (первые из них появились лишь в 1949 г.), ни мощных экскаваторов, ни самосвалов. Но была удивительная самоотверженность людей. Три — пять выработанных норм за смену никого не удивляли. А передовые строители давали по семь-восемь и более норм.

В октябре 1944 г. строители Севастополя завоевали переходящее Красное знамя Государственного Комитета Обороны СССР.

Новый импульс в разворачивании работ по возрождению города дало специальное постановление СНК СССР от 19 ноября 1944 г. «О первоочередных мероприятиях по восстановлению Севастополя».

Коллективы промышленных предприятий одновременно с восстановлением заводских цехов, ремонтом станков и оборудования налаживали выпуск продукции. 1 июня 1944 г. впервые после долгого перерыва прозвучал такой знакомый каждому севастопольцу басовитый гудок Морзавода. Он воз-

¹ См.: Правда, 1944, 5 июля.

вестил о том, что главное предприятие города возвращается к жизни. А вскоре морзаводцы получили первое официальное плановое производственное задание на III квартал года.

31 марта 1946 г. дала первый промышленный ток ГРЭС № 1. Ее электроэнергию получил не только Севастополь, но и Симферополь, Бахчисарай, Балаклава. 6 ноября 1950 г. по улицам города пошел первый троллейбус.

В то время многое было первым — ведь начинали с нуля.

Наряду с восстановлением промышленных предприятий, жилья, коммунального хозяйства, поликлиник и больниц, школ и детских садов были развернуты работы по возрождению главной базы Черноморского флота. 5 ноября 1944 г. севастопольцы встречали Черноморскую эскадру.

С возвращением эскадры город еще более ожил, хотя и лежал еще в развалинах. Моряки тут же включились в строительные работы.

Партия и правительство по-прежнему уделяли возрождению Севастополя, как и других разрушенных фашистскими захватчиками городов, большое внимание. В ноябре 1945 г. он был включен в число пятнадцати городов, которые по постановлению СНК СССР подлежали восстановлению в первую очередь. А осенью 1948 г. были утверждены специальные мероприятия, рассчитанные на завершение восстановительных работ в городе в течение 3—4 лет.

И вновь со всех концов страны отправились в Севастополь по комсомольским путевкам тысячи юношей и девушек. Были выделены необходимые средства, материалы, создана значительная производственная база.

С завершением восстановления и реставрации пострадавших зданий начался новый этап возрождения города, все шире развертывались строительные работы. Причем возводились не отдельные дома, а целые кварталы, улицы. Город строился по единому плану, формировался его новый облик. Сооружались промышленные объекты, жилые дома, создавалось коммунальное хозяйство. Один за другим вводились в действие предприятия — приборостроительный завод, мясокомбинат, молокозавод, швейная фабрика, комбинат железобетонных изделий. В Камышовой бухте рождался крупный рыбный порт с рыбоконсервным и судоремонтным заводами, холодильником.

Севастополь возрождался руками молодых. Да и население его в ту пору на 80 процентов состояло из молодежи, в основном строителей. Многие приехавшие юноши и девушки не имели строительных специальностей, и для них было дополнительно организовано 34 школы ФЗО, для работы в

которых городской комитет партии направил 100 коммунистов из числа высококвалифицированных специалистов-строителей.

Строители с честью выполнили поставленную партией и правительством задачу. После первой обороны разрушенный врагом Севастополь восстанавливался царской Россией почти полвека. Двадцать лет спустя после войны он лежал еще в развалинах. Советские люди подняли город из руин в основном за 3—4 года. А спустя 8—10 лет после освобождения он стал больше и прекраснее, чем был до войны. В феврале 1957 г. Севастопольский горком партии докладывал Центральному Комитету Компартии Украины:

«...В городе построено жилых домов площадью 700 тыс. кв. м, что на 200 тыс. кв. м больше довоенного периода. Население Севастополя сейчас получает около 60 тыс. куб. м питьевой воды, или в 3,5 раза больше, чем до войны. Мощность электростанций доведена до 100 тыс. квт, что превышает довоенную мощность в четыре раза. В основном завершена канализация районов города, построены 32 школы, 8 больниц на 1280 коек и кинотеатры на 2500 мест, 350 торговых предприятий, пущен новый вид городского транспорта — троллейбус, протяженностью 24,6 км, построено 465 тыс. кв. м дорог и тротуаров.

Значительно расширена площадь зеленых насаждений. Только за 1956 г. высажено свыше 100 тыс. деревьев, 129 тыс. кустарников и 307 га садов и виноградников.

Восстановлены и построены также Панорама первой обороны Севастополя, музей Черноморского флота, Дом офицеров, матросский клуб, городская библиотека, паромная переправа через Северную бухту. В 1957 г. заканчивается строительство городского драматического театра. Построены и оснащены транспортом и оборудованием предприятия коммунального обслуживания.

Такая большая работа проделана в короткий срок в результате напряженного труда строителей при активном и непосредственном участии общественности и личного состава частей и кораблей Черноморского флота.

Севастополь стал значительно красивее и благоустроеннее, чем он был до войны...»¹

В 1954 г. город торжественно отметил 100-летие Севастопольской обороны 1854—1855 гг. В связи с этим знаменательным событием Севастополь был награжден орденом Красного Знамени.

¹ ПАКО, ф. 35, оп. 11, д. 18, л. 13—14.

Шли годы. Город-герой продолжал развиваться. Сейчас его жилой фонд составляет свыше 4 млн. кв. м — в 5 раз больше довоенного. Только за годы десятой пятилетки построено жилья столько, сколько в городе было в предвоенные годы. Можно сказать, что ныне за каждую пятилетку строится один довоенный Севастополь.

На Куликовом поле, у бухт Стрелецкой, Камышовой, Круглой — на местах, где во время войны пролегли оборонительные рубежи, рвались снаряды и горела земля, ныне возвышаются кварталы новых микрорайонов.

Севастополь гордится своими строителями. В летопись его трудовой славы вошли имена Героев Социалистического Труда Н. А. Музыки и Е. А. Реброва, заслуженных строителей СССР П. Д. Глобы и С. С. Семиохина, а также С. Д. Алмазовой, С. Е. Руденко и многих-многих других создателей этого чудесного белокаменного города.

Севастополь сегодня — один из красивейших и благоустроенных городов нашей Родины. Просторные площади, широкие улицы, чудесные архитектурные ансамбли, многочисленные парки и скверы... И всюду памятники. Да и сам город — достойный памятник тем, кто отдал свою жизнь, защищая здесь Родину в грозные годы Великой Отечественной войны.

Еще прекраснее, величественнее станет Севастополь завтра. По новому генеральному плану дальнейшее развитие его осуществляется в основном по берегам моря и бухт. Город поднимается ввысь — новые районы застраиваются зданиями повышенной этажности. Разбиваются новые парки, скверы, зоны отдыха.

Севастополь — один из крупных промышленных, научных и культурных центров республики. Он имеет многоотраслевую экономику: судостроение и судоремонт, приборостроение, рыбодобыча и рыбообработка, добыча местных стройматериалов, горнорудная, легкая, пищевая и винодельческая промышленность.

В городе работает более сорока крупных предприятий. Гордость севастопольцев — производственное объединение Морской завод имени С. Орджоникидзе. Дважды орденоносный Морской завод возник вместе с рождением города.

Морзаводцы явились создателями отечественного тяжелого плавкраностроения — новой отрасли судостроения. Сейчас во многих странах мира известны их плавучие краны «Черноморец» грузоподъемностью 100 т и 300-тонный «Богатырь» — одни из лучших в мире. С 1974 г. краны выходят с государственным Знаком качества. А их создателям —

группе проектировщиков, конструкторов и работников завода присуждена Государственная премия СССР.

Последнее детище плавкраностроителей завода — суперплавкран «Витязь». Головной образец был заложен 4 мая 1975 г. — к 30-летию Победы. Сейчас он несет свою вахту в Ленинградском порту. Грузоподъемность «Витязя» 1600 т. Это уникальное сооружение. В мире нет аналогов ему. Он может поднимать затонувшие в море суда и строить гидротехнические сооружения, снимать тяжелые грузы с теплоходов и укладывать конструкции мостов, выполнять другие сложнейшие операции.

Севастополь — порт многих морей и океанов. Камышовая бухта является основной базой рыболовного флота и рыбной промышленности. Десятки современных рыболовных и рефрижераторных судов, оснащенных новейшими радионавигационными, поисковыми приборами и орудиями лова, уходят отсюда в Мировой океан.

Из года в год увеличивают выпуск флюсов для металлургической промышленности страны Севастопольские горняки.

Широкую известность в стране и за рубежом получила продукция винкомбината «Золотая балка», выпускающего более тридцати наименований высокосортных виноградных вин.

Замечательных трудовых успехов добиваются из года в год коллективы электроремонтного завода «Молот», фабрики трикотажных спортивных изделий, троллейбусного управления и других предприятий.

Город получает все необходимое из многих районов страны и в свою очередь направляет продукцию во все республики Советского Союза, а также во многие зарубежные страны.

В Севастополе работает несколько крупных научных учреждений, среди них — ордена Трудового Красного Знамени институт биологии южных морей имени А. О. Ковалевского и Морской гидрофизический институт Академии наук УССР, располагающие первоклассными научно-исследовательскими судами.

Высококвалифицированных специалистов готовит Севастопольский приборостроительный институт, имеющий свой филиал в Керчи.

Офицеров для Военно-Морского Флота готовят Черноморское высшее военно-морское училище имени П. С. Нахимова и Севастопольское высшее военно-морское инженерное училище. В городе несколько техникумов и училищ, более 50 общеобразовательных школ.

Город располагает широкой сетью учреждений культуры, рядом спортивных сооружений. Здесь работают 2 драмтеатра, ансамбль песни и пляски Краснознаменного Черноморского флота, отделение Крымской госфилармонии, 46 клубов и Домов культуры, 15 кинотеатров, более двухсот библиотек.

Севастопольцы любят свой город, гордятся им. Выражением этой любви является их стремление трудовой доблестью, делами своими приумножить его славу и священные традиции. В конце 1959 г. они одними из первых в стране развернули социалистическое соревнование за превращение Севастополя в город коммунистического отношения к труду, образцового общественного порядка и высокой культуры.

Слово севастопольцев не расходится с делом. Из года в год они добиваются высоких показателей в социалистическом соревновании.

Выдающимся событием в жизни Севастополя и Черноморского флота явилось принятие 8 мая 1965 г. Президиумом Верховного Совета СССР Указа о вручении городу-герою ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

Вручение городу высоких наград состоялось в том же году — 24 июля. Теперь на знамени Севастополя кроме ордена Красного Знамени, которым город был награжден в 1954 г. в связи со 100-летием героической обороны Севастополя в 1854—1855 гг., и медали «За оборону Севастополя» засияли высшие награды Родины. В тот же день Черноморскому флоту был вручен орден Красного Знамени. В этом совпадении лишний раз отразилось историческое многовековое единство флота и его главной базы. У них одна большая немеркнущая слава.

Эти события, эти замечательные награды вызвали у севастопольцев и военных моряков-черноморцев исключительный прилив творческой энергии. Еще более усилилось их стремление и впредь возвеличивать славу любимого города вдохновенным трудом во имя торжества светлых идеалов родной партии.

В борьбе за превращение Севастополя в город коммунистического отношения к труду, образцового общественного порядка и высокой культуры все большее значение придавалось и придается роли морального фактора, нравственных начал в поведении каждого севастопольца, глубокого понимания того, что быть жителем города-героя — это не только большая честь, но и большая ответственность.

В комплексной работе по коммунистическому воспитанию трудящихся городская партийная организация большое

внимание уделяет героико-патриотическому воспитанию молодежи. Уже сама земля севастопольская, земля героев, служит источником формирования высоких патриотических качеств и чувств юношей и девушек.

У Севастополя, города моряков, неумная морская душа. Она и в славных делах севастопольцев, и в самом флотском облике города, и в его размеренном, четком рабочем ритме, и в синеве матросских воротников, отражающих синеву бухт.

Город Ушакова и Лазарева, Корнилова и Нахимова, Петра Кошки и Даши Севастопольской, Шмидта и Матюшенко, Октябрьского и Острякова, Фильченкова и Ониловой, он свято хранит память о своих героях. Она в монументах и памятниках, музеях и комнатах славы, в патриотических делах и сердцах севастопольцев.

В городе и его окрестностях несколько сот памятников и памятных знаков, увековечивших бессмертные подвиги. Первый из них установлен еще в 1834 г. в честь легендарного брига «Меркурий», вышедшего победителем в морском бою с двумя турецкими линейными кораблями. С тех пор в биографии города появилось много новых героических страниц, напоминанием о героях служат величественные памятники. Нередко они воздвигнуты рядом — памятники героям первой обороны и героям обороны 1941—1942 гг. Рядом находятся и могилы этих защитников Севастополя.

Вскоре после изгнания из города немецко-фашистских захватчиков появились первые памятники героям-освободителям. На Сапун-горе — воинам 51-й армии и Приморской армии, на Северной стороне на высоком берегу бухты — 2-й гвардейской армии, на Малаховом кургане — героям-летчикам 8-й воздушной армии, на Зеленой Горке — танкистам, погибшим в боях за Севастополь, на мысе Херсонес — обелиск Победы... Позднее были воздвигнуты памятники героическим кораблям эскадры, отдельным соединениям, погибшим героям.

В сооружении памятников и памятных знаков активно участвуют комсомольцы и молодежь города и флота. С их помощью в 1963 г. воздвигнут и памятник комсомолии Севастополя, награжденной в 1948 г. орденом Красного Знамени.

В память о неизвестных героях, павших на севастопольской земле, 23 февраля 1958 г., в день 40-летия Советских Вооруженных Сил, был зажжен Вечный огонь на Малаховом кургане, а 9 мая 1969 г., когда севастопольцы отмечали 25-летие освобождения города, — и на Сапун-горе.

В центральной части города на мысе Хрустальный сооружается мемориальный комплекс в честь героической обороны Севастополя, вписавшей одну из самых ярких страниц в историю Великой Отечественной войны. В просторном здании будет размещен музей, а над мысом поднимется фигура матроса, идущего в атаку. Тут же вспыхнет огонь Вечной славы. Данью памяти черноморцам и всем защитникам города явится огромный венок из стали и бетона. Составными частями мемориала станут открытая экспозиция боевой техники и площадь, на которой будут отмечаться торжественные события. Планируется также реконструировать набережную по всей длине мыса.

Севастопольцы соприкасаются с героикой родного города с ранних лет. Можно легко понять волнение и гордость пионеров и школьников, от имени которых один из их сверстников, выступая на вечере встречи представителей трех поколений севастопольцев, с чувством гордости говорил:

— Я живу в новом районе — на проспекте генерала Острякова, а школа наша — на улице адмирала Октябрьского. Мы бежим утром на занятия по улицам Шмидта и Пирогова, Очаковцев и матроса Кошки, гуляем по набережной Корнилова, проспекту Нахимова и площади Ушакова. И когда мы садимся за учебник истории, то на его страницах встречаем, как родные, фамилии знаменитых флотоводцев и моряков, которые прославили Севастополь в боях с врагами нашей страны. Вот улицы Пьянзина, Нины Овниловой, Красносельского, Горнищенко, Загорулько. Я читал о них в книжках, видел в музеях их фотографии. Нет на земле другого такого города, где бы почти каждая улица носила имя человека, совершившего подвиг.

У мемориала героической обороны Севастополя на площади Нахимова несут почетный караул комсомольцы — лучшие ученики школ, профтехучилищ и техникумов города. Здесь установлен комсомольский пост № 1.

Неизгладимый след в сердцах юных оставляют встречи с героями. Ветераны Великой Отечественной войны, участники обороны и освобождения Севастополя — частые гости рабочей молодежи, учащихся, студентов, военных моряков. У них, воспитателей юных патриотов, есть о чем рассказать: у Антонины Алексеевны Саринной — почетного гражданина Севастополя, неизменного председателя исторической комиссии горкома Компартии Украины, секретаря горкома партии в период обороны города и заместителя начальника одного из ведущих строительных управлений во время его восстановления; у Марии Карповны Байды — Героя Советского

Союза, отважного санинструктора и разведчицы; у полковника в отставке Николая Евдокимовича Ехлакова, прославленного военкома 7-й бригады морской пехоты; у Григория Григорьевича Доли, отважного бойца героического гарнизона дзота № 11; у Героя Советского Союза Григория Ивановича Лишакова и многих других героев.

А сколько интересных встреч, конференций, тематических вечеров с участием молодежи города, военных моряков и ветеранов проводит клуб «Подвиг», который много лет возглавляет капитан 1 ранга в отставке Андрей Степанович Дукачев, большой энтузиаст военно-патриотической работы. Дважды в год — 1 сентября, в день начала учебного года, и 7—8 мая, накануне Дня Победы, — ветераны Великой Отечественной войны спешат в школы для проведения уроков мужества.

Ветераны активно участвуют в военно-патриотической работе Музея героической обороны и освобождения Севастополя, Музея Краснознаменного Черноморского флота, Дома севастопольских подпольщиков, многочисленных музеев и комнат боевой и революционной славы.

С помощью ветеранов создан музей городской Краснознаменной комсомольской организации, ставший одним из отделов музея героической обороны и освобождения Севастополя. Во многих школах и профтехучилищах действуют музеи и комнаты боевой славы, посвященные боевому пути отдельных соединений и частей, отличившихся при обороне и освобождении города. Над ними шефствуют советы ветеранов.

Активно работают Севастопольская секция Советского комитета ветеранов войны и военно-научное общество при Доме офицеров флота.

Ветераны войны и труда — непременные участники торжественных мероприятий, которые проводятся по случаю вручения паспортов молодым гражданам, принятия молодыми воинами военной присяги, посвящения юношей и девушек в рабочие. У памятника В. И. Ленину, у Вечного огня они вручают комсомольские билеты, повязывают красные галстуки школьникам, принятым в пионеры.

Вся многогранная героико-патриотическая работа, в которой ветераны видят свой патриотический долг, находит горячий отклик в сердцах юношей и девушек, способствует формированию у них активной жизненной позиции, высокого чувства любви к Коммунистической партии и Советской Родине, верности идеалам коммунизма, готовности мужественно и умело защищать великие завоевания советского на-

рода, интересы, честь, свободу и независимость социалистической Отчизны.

Город необычной, героической судьбы, которому в 1983 г. исполняется 200 лет, особенно близок и дорог сердцу каждого советского человека, как дорого для нас все то, что составляет славу нашего многонационального народа. Каждый год миллионы советских людей приезжают в Севастополь, чтобы соприкоснуться с мужеством, почувствовать дыхание далеких героических дней, посетить места, широко известные по книгам, по рассказам участников былых сражений. И среди них самые дорогие и желанные гости — ветераны войны, участники легендарной обороны и освобождения города-героя. Их боевые подвиги, немеркнущую славу приумножают ныне севастопольцы самоотверженным созидательным трудом. Они вдохновенно работают над осуществлением исторических решений и величественных планов коммунистического строительства, начертанных родной ленинской партией.

Ежегодно 9 мая севастопольцы отмечают двойной праздник: празднование Дня Победы совпадает с датой освобождения города от немецко-фашистских захватчиков. В этот весенний день на Сапун-горе собираются десятки тысяч горожан, моряков Краснознаменного Черноморского флота и гостей города-героя. И тогда в воспоминаниях героев вновь оживают немеркнущие страницы битвы за Севастополь и с особой силой звучит призыв: «Люди, будьте бдительны!»

В этот день на украшенных флагами расцвечивания боевых кораблях, занявших в бухтах места кораблей-ветеранов минувшей войны, выстраиваются на палубах стройные шеренги моряков. Наследники боевой славы ветеранов флота, героев боев за Севастополь, они вновь и вновь демонстрируют свою решимость зорко и твердо стоять на страже социализма и дела мира.

Бессменную боевую и трудовую вахту несет город-герой, город-воин, город-труженик. В связи с 200-летием со времени основания он удостоен ордена Октябрьской Революции.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Всегда с флотом	3
В городе — боевая тревога	16
Несокрушимой скалой	34
Во фронтовых условиях	47
Железная стойкость	63
Огненные рейсы	83
По решению Ставки	89
Подвиг подпольщиков	97
«Даешь Севастополь!»	102
Восставший из руин	116

Петр Егорович Гармаш

СЕВАСТОПОЛЬ — ГОРОД-ГЕРОЙ

Редактор *М. И. Хаметов*
 Художник *Г. С. Богачев*
 Художественный редактор *В. В. Васильев*
 Технический редактор *Т. Г. Пименова*
 Корректор *Н. А. Киселева*

ИБ № 1589

Сдано в набор 18.10.82. Подписано в печать 28.09.83.
 Г-62111. Формат 84×108/32. Бумага тип. № 1.
 Гарн. обычн. новая. Печать высокая.
 Печ. л. 4. Усл. печ. л. 6,72+1 вкл.—1/2 печ. л. —
 0,84 усл. печ. л. Усл. кр.-отт. 7,78. Уч.-изд. л. 8,57.
 Изд № 2/4321. Тираж 65 000 экз. Зак. 3-417. Цена 45 к.

Воениздат, 103160, Москва, К-160

Набрано в 1-й типографии Воениздата

103006, Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3

Отпечатано на Книжной фабрике им. М. В. Фрунзе,
 310057, г. Харьков, Донец-Захаржевская, д. 6/8.

